ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ

В. Д. ГЕННАДИЕВ

ЗАЩИТА ПО ДЕЛАМ О ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

(Методическое пособие для адвокатов)

Ленинград
1977

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ

Для служебного пользования
№ 000031

В. Д. ГЕННАДИЕВ

ЗАЩИТА ПО ДЕЛАМ О ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

(Методическое пособие для адвокатов)

Ленинград
1977

Научный редактор
доцент Института усовершенствования следственных работников прокуратуры и МВД, кандидат юридических наук
В. А. ГУНЯЕВ

Ответственный редактор
председатель Президиума Ленинградской областной коллегии адвокатов
Е. А. МАЛЕВ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо введения

ПОЛОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЗАДАЧИ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ

1. В Отчетном докладе XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза Л. И. Брежнев, останавливаясь на задачах нравственного воспитания членов нашего общества, говорил: «Чем выше поднимается наше общество в своем развитии, тем более нетерпимыми становятся еще встречающиеся отклонения от социалистических норм нравственности. Стяжательство, частнособственнические тенденции, хулиганство, бюрократизм и равнодушие к человеку противоречат самой сути нашего строя. В борьбе с подобными явлениями необходимо в полной мере использовать и мнение трудового коллектива, и критическое слово печати, и методы убеждения, и силу закона — все средства, находящиеся в нашем распоряжении».[1]

Эти указания нашей партии, еще раз подчеркнувшие государственную важность задач ликвидации правонарушений и преступности в нашей стране, обращают особенное внимание правоохранительных органов на необходимость усиления борьбы с общественно опасными преступлениями. К таким преступлениям относятся, в частности, половые преступления, посягающие на существенные стороны социалистической морали и нравственности.

Советская юридическая литература не раз обращалась к проблемам борьбы с половыми преступлениями, исследуя их уголовно-правовую характеристику, вопросы квалификации, криминологические и криминалистические проблемы.[2]

Однако сколько-нибудь значительных методологических и методических проблем, возникающих при осуществлении судебной защиты по делам о половых преступлениях, известные нам работы советских авторов, как правило, не затрагивали совсем, либо касались их попутно, походя. Конечно, уголовно-правовые, криминологические и криминалистические проблемы борьбы с этими опасными видами преступлений не могут не интересовать и адвокатов. Тем не менее, специфика уголовно-правовых и психологических сторон этих преступлений обусловливает и особенности тактики судебной защиты по рассматриваемым категориям дел, определяет насущную необходимость в обобщенной работе, которая отражала бы задачи, стоящие перед адвокатами, осуществляющими судебную защиту по делам о половых преступлениях, рекомендовала бы наиболее оптимальные методы их разрешения.

Попытку решить эту проблему представляет собою предлагаемая работа.

---

[1] Брежнев Л. И. Отчет Центрального комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. «Коммунист», 1976, № 4, с. 62.

[2] См.: Люблинский П. И. Преступления в области половых отношений. М. — Л., 1925; Андреева Л. А. Состав преступления изнасилования в советском уголовном праве. Л., 1962; Карнович Г. Б., Коршик М. Г. Расследование половых преступлений. М., 1958; Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии. М., 1968; Белкин Р. С. Расследование изнасилований. — В сб.: Криминалистика. М., 1959 и др.

2. В прошлом и в настоящее время предпринимались неоднократные попытки дать исчерпывающее определение понятию «половые преступления», классифицировать их виды и группы.[3] Совершенно правильно ряд авторов обращал внимание на особенности составов этих преступлений, сложность их юридической квалификации, важное значение взаимоотношений, складывавшихся между обвиняемым и потерпевшим до возникновения преступной ситуации, специфику мотива и цели преступления и иные специфические стороны события и состава половых преступлений.

Не вдаваясь в обсуждение точек зрения, высказанных в литературе по поводу содержания преступного деяния «половое преступление», классификации этих видов преступлений, обратим лишь внимание на монографическую работу Я. М. Яковлева, достаточно полно и обстоятельно рассмотревшую уголовно-правовые и криминологические вопросы половых преступлений.[4] Им предложено, в частности, следующее определение понятия «половые преступления»: «Половые преступления — это предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, посягающие на половые отношения, присущие сложившемуся в социалистическом обществе половому укладу, состоящие в умышленном совершении с целью удовлетворения половой потребности субъекта или другого определенного лица сексуальных действий, нарушающих половые интересы потерпевшего или нормальные для этого уклада половые отношения между лицами разного пола».[5]

Это определение, при некоторой его небезупречности, все же наиболее точно отражает специфику объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны половых преступлений в их обобщенном виде.

Я. М. Яковлевым предложена также интересная классификация половых преступлений, разделившая их на четыре категории: 1) преступления против половой свободы, объединяющие составы изнасилования совершеннолетних женщин с применением физического насилия или угрозы; понуждение женщины к вступлению в половую связь; мужеложство с применением физического насилия и угрозы, либо с использованием зависимого положения потерпевшего; 2) преступления против половой неприкосновенности, то есть изнасилование совершеннолетней женщины, находящейся в беспомощном состоянии; 3) преступления против половой неприкосновенности, нормального полового развития и воспитания детей и подростков, включающие изнасилование несовершеннолетней, мужеложство в отношении несовершеннолетнего, половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости, развратные действия в отношении несовершеннолетних; 4) преступления, посягающие на нормальные половые сношения между мужчиной и женщиной[6] и представляющие собою половые сношения между взрослыми мужчинами (мужеложство).

Как видно, в основу этой классификации положен непосредственный объект посягательства при совершении половых преступлений. Такая классификация указывает на некоторую общность составов различных групп половых преступлений, способствует в то же время их более четкому разграничению. Имеющая в основе своей уголовно-правовое и криминалистическое значение, классификация, предлагаемая Я. М. Яковлевым, не-

---

[3] См., напр., Игнатов А. Н. Ответственность за преступления против нравственности (половые преступления). М., 1966; Сущенко Ю. К. Ответственность за половые преступления против несовершеннолетних в советском уголовном праве. Саратов, 1967; Осипов П. П. Половые преступления. Л., 1967 и др.

[4] Яковлев Я. М. Половые преступления. Душанбе. 1969.

[5] Там же, с. 77.

[6] Название этой группы половых преступлений, заимствованное нами у Я. М. Яковлева, представляется не совсем удачным. Было бы, на наш взгляд, правильнее именовать эту группу так: «Преступления против физиологически нормальных отношений полов».

безынтересна и с позиций судебной защиты, так как указывает на те стороны составов половых преступлений, которые в каждом конкретном случае устанавливаются предварительным следствием далеко не бесспорно.

Особенности каждой из указанных выше групп половых преступлений, кроме того, обусловливают специфику тактических приемов защиты, а поэтому положены в основу разделов настоящей работы.

3. При всех различиях конкретных составов половых преступлений, предусмотренных разными нормами уголовно-правового закона, все они имеют некоторые общие черты.

Так, объектом всех половых преступлений являются социалистические общественные отношения. Родовым же объектом оказывается нравственный уклад социалистического общества в области половых отношений.

Совершение субъектом сексуальных действий физического и интеллектуального порядка, направленных против конкретных определенных законом лиц, — есть объективная сторона этих преступлений.

Субъектом половых преступлений может быть физическое, вменяемое лицо, достигшее специально указанного законом возраста (14—16 лет).

С субъективной стороны эти преступления характеризуются только прямым умыслом.

Следует обратить внимание на особенности непосредственного объекта посягательства, специфику, характеризующую субъект преступления, а также специфические характеристики субъективной стороны.

Так, например, в ряде составов преступлений закон полагает потерпевшей только женщину, а некоторых — только мужчину. В то же время наличие в деле потерпевшего — обязательное условие, а дела об изнасилованиях возбуждаются лишь при наличии заявления потерпевшей.

Особенно остро по делам рассматриваемой категории стоит вопрос о субъекте преступления: возрастных критериях, вменяемости, значении наличия психопатологий и т. п.

Немало сложных проблем возникает и при определении обстоятельств, характеризующих субъективную сторону: наличие прямого умысла, осведомленность относительно степени противоправности деяния и т. п.

4. Половые отношения представляют собой интимнейшую, в большинстве своем скрытую от окружающих сферу жизни человека. В нормальных условиях половая жизнь взрослых мужчины и женщины, особенно внебрачная, оказывается достоянием одних этих лиц. Складывающиеся здесь специфические взаимоотношения могут порождать латентные противоречия между этими людьми, подчас приводящие одного из них к неожиданным поступкам и решениям.

Половые патологии в еще большей степени скрыты от окружающих, покрыты плотной завесой личной тайны, относятся к глубоким сферам внутренней жизни субъекта.

Практике известны анормальные половые отношения, которые продолжались значительное время и становились достоянием некоторого и, как правило, близкого окружения лишь при чрезвычайных обстоятельствах. Так нередко бывает в случаях половых связей с несовершеннолетними, добровольном мужеложстве.

Все это осложняет расследование уголовных дел, затрудняет установление содержания самого события преступления, иных обстоятельств, отнесенных уголовно-процессуальным законом к предмету доказывания. Трудности собирания доказательств подчас приводят предварительное следствие к упрощенческому подходу в расследовании дел о половых преступлениях, существенным упущениям.

Между тем, работа по дальнейшему укреплению социалистической законности, проводимая в соответствии с решениями XXV съезда КПСС, несовместима с неправильным, не соответствующим содеянному при-

менением мер уголовного наказания, а тем более с осуждением невиновных лиц.

Специфика психологических сторон половых преступлений, приведенных выше, и некоторых других, чрезвычайно повышает роль судебной защиты при рассмотрении судами этих категорий уголовных дел.

5. Задачи судебной защиты общеизвестны. Нет необходимости специально останавливаться на таких вопросах, как помощь суду в определении правильности квалификации деяния, выяснение смягчающих вину подсудимого обстоятельств, обеспечение предусмотренного уголовно-процессуальным законом права обвиняемого и подсудимого на защиту, интересов подзащитного, оказание ему юридической помощи (ст. 51 УПК РСФСР).

По делам о половых преступлениях перед адвокатом, взявшим на себя судебную защиту обвиняемого, а затем подсудимого, встает ряд частных задач:

1) всестороннее исследование обстоятельств происшедшего с целью установления, имело ли место событие преступления вообще. Так, например, практика знает неединичные случаи ложных заявлений об изнасиловании, оговоры взрослых несовершеннолетними; 2) обеспечение полного изучения социально-психологических свойств личности как обвиняемого (подсудимого), так и потерпевшего, их взаимоотношений; 3) обеспечение всестороннего судебно-психиатрического исследования обвиняемого (подсудимого). Особенно это важно в ситуациях совершения полового преступления, могущего быть следствием стойких психопатологий, вплоть до скрытых психических заболеваний; 4) установление таких сложных вопросов, как действительный возраст потерпевшего, степень половой зрелости (что в современных условиях все менее и менее зависит от возраста); 5) обеспечение в ряде случаев глубокого изучения скрытых сторон внутренней и интимной жизни людей, оказавшихся в уголовном процессе в ролях обвиняемого, подсудимого, потерпевшего.

Казалось бы, не так уж много этих частных специальных задач, возникающих при судебной защите по делам о половых преступлениях, но один лишь перечень важнейших из них дает, на наш взгляд, представление об их чрезвычайной многосторонности и немалой сложности.

Предлагаемая в помощь адвокату методическая работа не лишена недочетов, как и всякая попытка дать обобщенные рекомендации по такому сложному вопросу, как тактика судебной защиты. Однако она представляется несомненно полезной, поможет адвокату правильно ориентироваться в выборе тактики судебной защиты по делам о половых преступлениях, видеть основные направления, которые должны быть при этом учтены, правильно оценивать доказательства, способствовать полному, объективному и всестороннему рассмотрению дела в суде.

В. А. ГУНЯЕВ,
кандидат юридических наук

Глава первая.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИМЕЮЩИЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПО ДЕЛАМ ОБ ИЗНАСИЛОВАНИИ

§ 1. Уголовно-правовая характеристика преступления изнасилование. Особенности возбуждения уголовных дел. Общие задачи судебной защиты по этим делам

Советский уголовный закон определяет изнасилование как половое сношение с применением физического насилия, угроз или с использованием беспомощного состояния потерпевшей (ст. 117 УК РСФСР).[1] Насильственное половое сношение с женщиной, посягающее на ее половую свободу и неприкосновенность, а подчас сопряженное с нанесением ей существенного физического и морального вреда, образует состав этого преступления.

Объектом преступления «изнасилование», таким образом, являются социалистические общественные отношения, сложившиеся в сфере морали и нравственности. Потерпевшей от этого преступного посягательства по смыслу закона может быть только женщина.

С объективной стороны это преступление представляет собою половое сношение с женщиной, осуществленное против ее воли, с применением физического или интеллектуального (психического) насилия, либо при обстоятельствах, когда жертва лишена возможности противиться половому акту или не в состоянии правильно осмыслить происшедшее. В первом случае посягательство на половое сношение предполагает реальное и активное сопротивление потерпевшей, достаточное для того, чтобы посягающий понял нежелание женщины совершить половой акт. Во втором случае, как представляется, половое сношение с женщиной должно быть совершено в такой обстановке, при которой добровольный половой акт исключался, либо совершившее половой акт лицо с потерпевшей незнакомо, никаких оснований рассчитывать на добровольное половое сношение с потерпевшей не мог, либо состояние потерпевшей исключало осознание совершаемого с ней полового акта.

Субъектом преступления «изнасилование» может быть физическое вменяемое, достигшее 14-летнего возраста лицо мужского пола.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется прямым умыслом. Виновное лицо сознает, что вступает в половые сношения с женщиной против ее воли, желает этого, преодолевая сопротивление потерпевшей посредством физического или интеллектуального насилия, либо сознательно используя при этом ее беспомощное состояние.

Однако, несмотря на ясность признаков, образующих состав преступления «изнасилование», последний имеет ряд существенных особенностей, обусловленных социально-психологической спецификой половых отношений,

---

[1] УК РСФСР. М., 1975, с. 51.

бытующих в обществе, а в том числе и в обществе социалистическом. Половые сношения взрослых мужчины и женщины — есть нормальный физиологический акт. Равноправие женщины, имеющее место в нашей стране, обусловливает в том числе и ее половую свободу, ее право вступать в добровольные половые сношения с любым мужчиной, если их обоюдный половой акт не происходит публично, не связан с неуважением к обществу. Необдуманное, легкомысленное половое поведение как мужчины, так и женщины попирает нормы морали, заслуживает общественного порицания, но уголовной ответственности за собою не влечет.

Половая жизнь, нормы которой относятся к сфере нравственности, является интимнейшей стороной жизни человека, исключающей, как правило, публичную огласку, проходящей скрыто от окружающих. Нередко даже взаимоотношения между мужчиной и женщиной, находящимися в половой связи, являются личной тайной их обоих.

Все это крайне усложняет установление обстоятельств, образующих объективную и субъективную стороны состава преступления «изнасилование», если оно не сопряжено с реальными угрозами убийством, нанесением телесных повреждений (ч. II ст. 117 УК РСФСР), не совершено группой лиц, с особо тяжкими последствиями или над несовершеннолетней (ч. III, ст. 117 УК РСФСР). Не случайно поэтому уголовно-процессуальный закон (ч. II ст. 27 УПК РСФСР) специально оговаривает возможность возбуждения уголовных дел по ч. I ст. 117 УК РСФСР только в случае жалобы потерпевшей. Таким образом, закон предоставляет взрослой женщине право судить самой, причинен ли действиями мужчины вред ее половой неприкосновенности, имело ли место посягательство на ее половую свободу, если половое сношение с ней не имело предусмотренных уголовными кодексами союзных республик СССР тяжких последствий.

По сложившейся судебно-следственной практике уголовные дела об изнасилованиях без отягчающих обстоятельств возбуждаются преимущественно по письменным заявлениям потерпевших. В то же время Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании» разъяснило, что «. . .в качестве основания для возбуждения такого уголовного дела, при отсутствии письменного заявления от потерпевшей, может служить ее устное заявление, запротоколированное в порядке, предусмотренном соответствующими статьями УПК союзных республик».[2] Однако и в этих случаях следует учитывать, что законодатель имеет в виду не рассказ женщины об ее изнасиловании, а четко выраженную просьбу привлечь насильника к уголовной ответственности. Женщина может рассказать следователю или прокурору о самом происшествии, но не просить о том, чтобы мужчина был привлечен к уголовной ответственности, и уголовное дело не может быть возбуждено.

Так, в прокуратуру Подпорожского района Ленинградской области однажды пришла взрослая женщина и рассказала, что ее изнасиловал деверь. Она просила посоветовать, что ей делать. Прокурор разъяснил ей ее право подать об этом официальное заявление. Заявительница тогда поинтересовалась мерой наказания. Узнав, что наказание за это последует серьезное, заявила о необходимости посоветоваться с мужем. Заявительница от официального заявления отказалась, мотивируя тем, что у деверя большая семья, а срок наказания велик. Поэтому она вместе с мужем лучше уедет из этой местности. Если бы прокурор сразу же запротоколировал рассказ этой женщины, получилось бы, что она подала заявление об изнасиловании, в то время как в действительности она этого сделать не пожелала.

---

[2] Бюллетень Верховного Суда СССР, 1964, № 3.

Для оценки процессуального значения заявления потерпевшей по делам об изнасиловании необходимо руководствоваться разъяснениями Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении по делу Чиквашвили: «То обстоятельство, что при допросе на предварительном следствии в качестве свидетелей Ла и Ли подтвердили попытки изнасилования их Чиквашвили, не может рассматриваться как подача ими жалобы о возбуждении дела, так как в ходе допроса они лишь давали объяснения по существу поставленных следователем вопросов будучи предупреждены об ответственности как за отказ от дачи показаний, так и за дачу заведомо ложных показаний. При таких обстоятельствах следует признать, что возбуждение против Чиквашвили уголовного преследования в связи с вмененными ему попытками изнасилования Ла и Ли является необоснованным, так как такого рода дела по закону могут возбуждаться не по усмотрению органов следствия, а лишь по инициативе самих потерпевших.[3]

Судебная практика обращает внимание и на то, при какой обстановке было подано заявление об изнасиловании. «Г. подала заявление, — записано в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 26 ноября 1970 года, — о привлечении Керимова к ответственности спустя год после случившегося, после того как была вызвана следователем. В суде по этому поводу она показала: «Прокурору заявление я написала, как сказал следователь... Заявление я писала, следователь диктовал, шагал по комнате взад-вперед...»[4]

Наличие или отсутствие заявления потерпевшей является решающим фактором при квалификации действий подсудимого (обвиняемого) при изнасилованиях как повторных. Судебная практика справедливо считает, что «если потерпевшая по делу об изнасиловании не возбуждала вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности, то последующее совершение этим лицом изнасилования не может квалифицироваться как повторное».[5]

Инициатива возбуждения уголовного дела об изнасиловании должна исходить от потерпевшей женщины, а не от следственных властей. На наш взгляд, правильная рекомендация содержится в пособии, изданном для следователей, что при приеме устного заявления от потерпевшей, которая заявляет о совершенном ее изнасиловании, следователь не только обязан предупредить заявительницу об ответственности за заведомо ложный донос, но также о том, что возбужденное уголовное дело по ее заявлению впоследствии не может быть прекращено, если даже она примирится с лицом, привлеченным к уголовной ответственности. Такое предупреждение весьма не лишне, ибо судебной практике известны случаи, когда потерпевшая подает заявление как средство принудить мужчину жениться, причем еще в процессе предварительного следствия она приходит с другим заявлением, в котором содержится просьба прекратить дело, так как обвиняемый согласен зарегистрировать брак.[6]

Надо учитывать и то, что ложные заявления об изнасиловании весьма нередки. Это объясняется различными причинами. Так, в одном случае потерпевшая подала в прокуратуру заявление о том, что в деревне ходят слухи, будто бы, когда она была в нетрезвом состоянии, ее изнасиловал

---

[3] Сборник постановлений Пленума Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР 1957—1959. М., 1960.

[4] Сборник постановлений Пленума и определений коллегии Верховного Суда СССР по уголовным делам, 1959—1971. М., 1973, с. 245—246.

[5] Определение Верховного суда РСФСР от 27 марта 1965 г. Бюллетень Верховного суда РСФСР, 1965, № 7, с. 8.

[6] Мудюгин Г. П. Расследование изнасилований. В кн.: Руководство по расследованию преступлений, глава XVII. М., 1967.

гр-н К-в. Она сама этого не помнит, и, если следствие установит, что изнасилования в действительности не было, то тогда нужно привлечь к уголовной ответственности жену гр-на К-ва «за распространение ложных слухов». Следствием было установлено, что супруги К-вы находились на вечеринке у заявительницы. Все изрядно выпили и ночью легли вповалку спать на полу. К-в и заявительница, случайно оказавшись рядом, стали совершать половой акт. Это заметила жена К-ва, что и послужило причиной заявления.[7]

Анализ изложенных выше положений дает возможность определить общие задачи адвоката, принявшего на себя защиту обвиняемого (подсудимого) по делу об изнасиловании без отягчающих обстоятельств. Эти задачи сводятся к тому, чтобы при изучении уголовного дела, оценке собранных предварительным следствием доказательств и разработке на данных основах тактики защиты установить:

1. Обоснованно ли возбуждено уголовное дело по признакам ч. I ст. 117 УК РСФСР; было ли фактически заявление потерпевшей об ее изнасиловании и содержало ли оно просьбу привлечь насильника к уголовной ответственности;

2. Каковы истинные взаимоотношения обвиняемого и потерпевшей, не дают ли они оснований полагать, что половой акт был добровольным, а заявление потерпевшей вызвано некоторыми внешними причинами или корыстными мотивами;

3. Достаточны ли основания считать с учетом сложившейся при совершении полового акта ситуации реальным сопротивление потерпевшей;

4. Есть ли основания признавать физическое или психическое насилие со стороны обвиняемого действительным, учитывая при этом взаимоотношения с потерпевшей, физические и психические качества обоих;

5. Если потерпевшая ссылается на совершение с ней полового акта с использованием ее беспомощного состояния, то в чем именно оно заключалось, могло ли парализовать ее сопротивление насильнику.

Диспозиции ст. 117 УК РСФСР содержат еще два состава преступления «изнасилование» при наличии отягчающих обстоятельств. Так, часть вторая указанной статьи указывает на такие, как а) изнасилование при угрозе убийством или нанесением тяжкого телесного повреждения; б) изнасилование, совершенное повторно. Частью третьей предусмотрены следующие случаи: а) изнасилование, совершенное группой лиц; б) изнасилование особо опасным рецидивистом; в) изнасилование, повлекшее за собой тяжкие последствия (психические или физические травмы потерпевшей, убийства); г) изнасилование несовершеннолетней.

Уголовные дела о преступлениях, предусмотренных чч. II и III ст. 117 УК РСФСР, возбуждаются на общих основаниях, определенных ст. 108 УПК РСФСР. Соответственно тяжести обвинения изменяются и осложняются задачи защитника обвиняемого (подсудимого):

1. В большинстве случаев обоснованность возбуждения уголовного дела при наличии свидетельствующих об изложенном обстоятельств уже не вызывает сомнений. Вопрос возникает лишь относительно обоснованности и правильности квалификации обвинения.

2. При квалификации преступного деяния по ч. II ст. 117 УК РСФСР особое значение приобретает установление реальности угрозы убийством или нанесением тяжких телесных повреждений (возможность осуществления этой угрозы в соответствии с физическими качествами обвиняемого и потерпевшей; наличие у обвиняемого орудий или оружия для действительной реализации этой угрозы и т. п.). Еще более небесспорным оказывается подчас признание преступления повторным.

---

[7] «Следственная практика», 1960, № 42.

3. Выяснение доказанной недобровольности полового акта при совершении его группой (ч. III ст. 117).

4. Определение достаточности оснований для признания совершения изнасилования особо опасным рецидивистом в соответствии со ст. 24 I УК РСФСР.

5. Установление не только действительного содержания тяжких последствий, но и причинной связи, например, телесного повреждения у потерпевшей с фактом изнасилования. Особенно это касается психических травм.

6. Даже при установленном факте насильственного полового сношения с несовершеннолетней нередко возникает вопрос, был ли насильник осведомлен, что потерпевшая — несовершеннолетняя, мог ли он знать об этом.

Специфические задачи, о которых шла речь выше, не исключают, а предполагают осуществление защитником обвиняемого (подсудимого) таких общих функций, как установление степени полноты, всесторонности и объективности предварительного расследования, обсуждение вопросов относимости, допустимости и достоверности доказательств, правильности квалификации преступного деяния, выяснение наличия или отсутствия в этом деянии состава преступления вообще, а также выяснение обстоятельств, смягчающих вину подзащитного. Эти общие задачи защитника имеют, однако, по делам рассматриваемой категории значительную специфику.

Специфичность роли защитника обвиняемого (подсудимого) по делам об изнасилованиях, тактика защиты зависят от тех исходных данных, которые неоднократно использовались в адвокатской практике, могут быть с полным основанием названы типовыми. Обратимся к их более обстоятельному рассмотрению.

§ 2. Некоторые вопросы психологии полового сношения. Поведение потерпевшей. Значение установления предшествовавших половому акту обстоятельств для тактики судебной защиты

Грань между добровольным и недобровольным половым сношением пытались определить с древнейших времен. Так, в римском праве под изнасилованием понималось принуждение, при котором одно лицо заставляет другое против его воли вступить в половое сношение.

У древних германцев женщина, если она подвергалась изнасилованию, обязана была в разорванной одежде с растрепанными волосами выбежать на дорогу и кричать о совершенном над нею насилии. Если она в течение двух дней этого не сделает, то половое сношение с ней при всех условиях считалось добровольным.

Подобные регламентации известны и русскому праву. Например, в «Воинском уставе» Петра I изнасилованием признавался половой акт с женщиной, когда «...свидетели будут, что изнасилованная криком своим призывала на помощь посторонних, когда у нее или обвиняемого, или у обоих окажутся кровавые знаки, синие пятна или изорванное платье, свидетельствующее о сопротивлении, когда обвинение об этом будет тотчас или до истечении дня».[8]

Исторические источники уголовного права, таким образом, уже показывают осведомленность законодателя о психологической специфике половой жизни, возможности со стороны потерпевших разного рода действий, провоцирующих насильственное половое сношение, и, наконец, ложные заявления об изнасиловании по различным, подчас глубоко скрытым причинам.

---

[8] «Свод законов Российской империи», т. 15. СПб, 1857, с. 312.

Современной практике также известны случаи, когда женщина своим поведением создает ситуации, провоцирующие мужчин на определенные сексуальные действия, по мере которых контроль за своим поведением и управление своими действиями у последних оказывается психологически ослабленным.

Это обусловливает необходимость знания адвокатом, осуществляющим судебную защиту по рассматриваемой категории уголовных дел, некоторых сторон психологии половых отношений.

Прежде всего, адвокату рекомендуется уяснить разницу между физическим насилием и применением при совершении полового акта физической силы. При добровольном сношении женщина тоже подчас оказывает сопротивление, но оно носит формальный характер. Она сопротивляется нереально, да и само такое сопротивление можно скорее назвать любовной игрой. Часто женщина сопротивляется вначале половой близости потому, что боится презрения мужчины за слишком поспешное согласие на половое сношение, желая при этом выставить себя в более привлекательном и благоприятном свете. Вот как об этом пишет известный гинеколог В. М. Мержиевский: «Даже если жалующаяся докажет, что она кричала, или у нее окажутся незначительные следы сопротивления на теле или на платье, то этим вовсе не доказывается факт изнасилования, ибо, признав эти явления доказательством насильственного совокупления, приходится признать насильственным первое совокупление чуть ли не каждой невинной девушки. . .»[9] Строго говоря, при любом добровольном половом акте мужчина применяет физическую силу: обнимает женщину, целует, снимает с нее одежду и т. п. В свое время Е. Е. Розенблюм совершенно справедливо писал: «Половому акту, правда, и в нормальных условиях, по общему признанию, присущи элементы насилия».[10]

Женщина в большинстве случаев вначале на предложение мужчины отвечает отказом, уступая лишь при некотором применении последним силы. Такое поведение женщины, в общем-то, диктуется ее психологией, составляя значительную долю эстетической стороны половой жизни.

Таким образом, в нормальных условиях, действия мужчины, направленные на установление интимной близости с женщиной, следы применения им некоторых физических усилий для достижения цели, отнюдь не становятся предметом исследования на предварительном и судебном следствии. Зато, если возникают некоторые особые объективные или субъективные ситуации, даже такие действия мужчины способны в заявлении и показаниях заявительницы приобрести окраску физического насилия при совершении полового сношения, создавая иллюзию изнасилования без отягчающих обстоятельств.

Такие ситуации можно классифицировать. Наиболее часто, например, встречаются случаи заявлений об изнасилованиях при аналогичных ситуациях, если факт полового сношения кем-то замечен, становится предметом нежелательной огласки, либо женщина уступает мужчине, идет на интимную близость с ним добровольно в сущности, но не без некоторого сопротивления внешне, желая про себя вступления с ним в брак, который никак не входил в расчеты ее партнера и т. п.

Женщина, если не желает половой близости, должна сопротивляться реально: ее жесты, движения и поступки должны быть преисполнены искреннего негодования, в них должна быть заложена возможность истолковать их не иначе как нежелание половой близости с данным мужчиной.

---

[9] Мержиевский В. М. Судебная гинекология. Л., 1929 г., с. 17.

[10] Розенблюм Е. Е. Судебномедицинская акушерско-гинекологическая экспертиза. М., 1935.

Следует также учитывать возможность со стороны женщины, заявившей о ее изнасиловании, некоторых провоцирующих действий или так называемого «провокационного поведения» перед состоявшимся затем половым актом. Так, провоцирует мужчину на интимную связь с женщиной распитие его вместе с ним спиртных напитков, развязное поведение, согласие остаться наедине, склонность к разговорам сексуального содержания и т. п. Практика знает и более откровенно провоцирующие действия женщин, которые затем заявляют, что их изнасиловали.

Так, однажды студентка заявила о ее изнасиловании сокурсником, требуя его привлечения за это к уголовной ответственности. Прежде чем возбудить уголовное дело, следователь решил провести проверку обстоятельств, предшествовавших случившемуся. Оказалось, что группа молодых людей пригласила знакомых девушек на дачу к своему товарищу. Молодые люди решили провести вечер «оригинально» и, садясь за стол со спиртными напитками, мужчины и женщины разделись догола, а затем танцевали обнаженными. В результате один из молодых людей вступил в половую связь со своей партнершей по танцам. Эта история получила огласку в учебном заведении, что и вынудило заявительницу явиться в органы следствия. Разумеется, уголовное дело об изнасиловании совершенно правильно возбуждено не было.

Права, таким образом, В. С. Минская, которая утверждает, что «...обычно считают, что изнасилование происходит без содействия потерпевшей. В действительности же такое содействие бывает, когда потерпевшая ведет себя безнравственно в рискованной для нее ситуации».[11] Я. М. Яковлев, раскрывая понятие «потерпевшее от изнасилования лицо» замечает, что моральный облик потерпевшей для признания факта ее изнасилования значения не имеет.[12] С этим можно было бы согласиться, если бы автор признавал это смягчающим вину насильника обстоятельством.

Адвокат в своей речи, сообразуясь с материалами дела, при оценке действий своего подзащитного, должен, несомненно, дать оценку и подобному поведению потерпевшей. Потерпевшая может себя вести активно и пассивно. Но и то, и другое поведение не может исключить заблуждение мужчины относительно истинного характера ее поступков, которые отклоняются в ту или другую сторону от норм общепринятого поведения в обществе по отношению к мало знакомому мужчине. Задача защитника — показать суду наглядно и убедительно, оперируя фактами конкретного дела, что предосудительное, двусмысленное поведение потерпевшей не только смягчает уголовную ответственность подсудимого, но, исходя из конкретных обстоятельств дела, возможно и вообще освобождает от уголовной ответственности. Такое поведение правильно характеризуется В. С. Минской: «безнравственное поведение потерпевшей может выражаться в действии (выпивка спиртного и уединение с насильником, проявление ласки), быть и пассивным (недостаточно активное противодействие проявлением сексуального намерения)... Безнравственное поведение потерпевшей вводит насильника в заблуждение, так как у него возникает уверенность в совпадении его желания с желанием предполагаемой партнерши, и дает до определенного момента основание субъекту преступления рассчитывать на добровольное вступление в половую связь».[13]

При этом необходимо иметь в виду, что возможны ситуации, «когда поведение потерпевшей дает субъекту повод видеть в ней женщину «сек-

---

[11] Минская В. С. Опыт виктимологического изучения изнасилования. В сб.: Вопросы борьбы с преступностью. 1972, № 17, с. 22.
[12] Яковлев Я. М. Половые преступления. Душанбе, 1969, с. 95.
[13] Минская В. С. Опыт виктимологического изучения изнасилования, с. 22—23.

суально доступную», он до определенного момента, пока не наталкивается на действительно сопротивление, считает, что женщина «готова на все». Но нередко и само сопротивление носит двусмысленный характер и воспринимается героем будущего уголовного дела как ничего не значащий ритуал».[14]

По делам об изнасиловании в ряде случаев исключительно важное значение для защиты имеет исследование доказательств о характере сопротивления потерпевшей. В этой связи интересно мнение известного судебно-медицинского эксперта Е. Е. Роземблюма, который писал: «Способы сопротивления должны быть подробно исследованы, так как это выясняет иногда его значение. Сопротивление только тогда может быть признано действительно имевшим место, если оно не было притворным и было доведено до конца. Если женщина прекратила сопротивление по собственному желанию или оказывала его лишь «для вида», то вряд ли можно говорить об изнасиловании».[15]

Понятие «насилие» известно и иным составам преступлений (например, предусмотренным ст.ст. 145, 146, 191, 193 и некоторым другим статьям УК РСФСР), но, на наш взгляд, ни в одном из них оно не является таким неопределенным, расплывчатым, психологически осложненным как по делам об изнасилованиях. Отсюда следует, что по изложенным выше причинам оно требует точного определения. Представляется, что правильно указал на различия между действительным насилием, примененным при изнасиловании, и обычным, свойственным половым сношениям применением мужчиной физической силы Л. Д. Гаухман: «Степень интенсивности насилия и угрозы его применения должна быть достаточной, чтобы сломить или подавить сопротивление потерпевшей совершению с ней полового акта, притом сопротивление действительного, а не притворного».[16]

Подводя итоги сказанному, следует обратить внимание адвоката, осуществляющего защиту обвиняемого (подсудимого) по делу об изнасиловании на необходимость при изучении уголовного дела, оценке доказательств и подготовке защитительной речи на:

1. Исследование действительных взаимоотношений обвиняемого (подсудимого) и потерпевшей с целью выяснения вопроса о возможности между ними добровольных половых сношений.

2. Тщательное изучение предшествовавших половому акту, признаваемому в материалах дела изнасилованием, обстоятельств, а в том числе и поведения потерпевшей для выяснения, не было ли самой потерпевшей создано условий для вступления с подзащитным в половую связь, не провоцировала ли она сама своим поведением сексуальных действий этого лица.

3. Изучение личности потерпевшей, ее морального облика.

4. Установление действительного содержания действий подзащитного перед совершением и при совершении полового акта, при сопоставлении обнаруженных на теле и одежде потерпевшей следов физического насилия с физической конституцией ее самой и насильника, соответствия этих следов с раскрываемой в показаниях потерпевшей картиной изнасилования.

Именно исследование этих фактических данных дает возможность выяснения и аргументированного изложения в речи адвоката или кассационной жалобе, оправдывающих подзащитного или во всяком случае смягчающих его вину обстоятельств.

---

[14] Минская В. С. Указ раб.

[15] Розенблюм Е. Е. Судебномедицинская акушерско-гинекологическая экспертиза. М., 1935.

[16] Гаухман Л. Д. Борьба с насильственными посягательствами. М., 1969, с. 74.

§ 3. Угроза при изнасиловании. Исследование этих обстоятельств при судебной защите

Как указывалось выше, помимо физического насилия возможно подавление сопротивления женщины при отказе совершить половой акт путем угрозы, то есть интеллектуального, психического насилия. По смыслу диспозиции ст. 117 УК РСФСР под угрозой следует понимать принуждение женщины к половому сношению помимо ее воли, которое облекается в форму простых угроз, угроз применением тяжких телесных повреждений, либо убийством.

Угроза — сложная психологическая категория, а поэтому дать оценку действенности угрозы не так-то просто. Существенное методологическое значение для адвоката, осуществляющего защиту по делу об изнасиловании, имеет в этом плане разъяснение Пленума Верховного Суда СССР, данное в постановлении от 25 марта 1964 г.: «. . .под угрозой, применяемой как средство подавления сопротивления потерпевшей в целях ее изнасилования, следует понимать запугивание потерпевшей такими действиями или высказываниями, которые выражали намерение немедленного применения физического насилия к самой потерпевшей или к ее близким родственникам (например, к детям)».[17] Следовательно, угрозу необходимо рассматривать как обещание применить насилие сразу же вслед за отказом женщины совершить половой акт. Но и этого еще недостаточно. Справедливо указывается, например, А. Н. Игнатьевым: «. . .необходимо признать, что при изнасиловании угроза должна быть такой, чтобы она могла поставить женщину в безвыходное положение, равное беспомощному состоянию».[18] Аналогично оценивается интенсивность угрозы в Комментарии к Уголовному Кодексу РСФСР 1971 года с некоторой, однако, модификацией: указанием на возможность действия угрозы в пределах не только данных, но и будущих событий. По смыслу комментария к ст. 117 УК РСФСР содержание угрозы может быть таким, чтобы лишить женщину возможности в будущем обратиться за защитой своих интересов к органам власти.[19]

Однако, при всем этом, угроза должна быть реальной, а не мнимой, не отдаленной, а немедленно, неотвратимо наступающей опасностью. Словом, по содержанию угроза должна быть такой, при которой в конкретно сложившихся условиях потерпевшая имела бы все основания думать, что угрожающий ей насильник от слов перейдет к действиям, ее жизни или здоровью действительно будет угрожать опасность. Соглашаясь в целом с разъяснением, содержащимся в Комментарии к УК РСФСР 1971 года, нельзя все же не отметить, что не образует объективной стороны состава преступления изнасилования угроза со стороны субъекта, если он, домогаясь половой близости с женщиной, угрожает распространить о ней позорящие сведения (действительные или мнимые), или же пугает неблагоприятными последствиями ее отказа вступить в половую связь в каком-то неопределенном будущем.[20] Между тем, до издания постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. в нашей юридической литературе высказывались в том числе и точки зрения о том, что подобные угрозы следует понимать в значении, трактуемом диспозицией части I ст. 117 УК РСФСР. Поэтому адвокату, использующему литературу при подготовке к защите по делу об изнасиловании, следует иметь в виду эволюцию понятия «угроза».

---

[17] Бюллетень Верховного Суда СССР, 1964, № 3.

[18] Игнатьев А. Н. Ответственность за преступления против нравственности. М., 1966, с. 75.

[19] Комментарий к УК РСФСР. М., 1971, с. 280.

[20] См., напр., Пионтковский А. А., Меньшагин В. Д. Курс советского уголовного права. Особенная часть. М., 1955, т. 1, с. 680; Шаргородский М. Д. Уголовный кодекс РСФСР, 1960; Комментарий. Л., 1962, с. 234.

Ошибки правовой оценки угрозы встречаются еще до сих пор в судебной практике. Так, Ленинградский областной суд в 1970 г. признал в действиях Я. психическое насилие при изнасиловании. Оно заключалось в том, что Я., случайно нашедший дневник восьмиклассницы П., в котором она писала о своей любви к знакомому ей С., обещал вернуть дневник в том случае, если она разрешит сфотографировать ее обнаженной. П. дала на это согласие. Тогда Я., придя к ней домой с незаряженным фотоаппаратом, имитировал фотографирование, а затем стал угрожать, что распространит эти фотографии в школе, если она не совершит с ним полового акта. С согласия П. он и совершил с ней таковой.[21]

К сожалению, при осуществлении судебной защиты адвокат даже не оспаривал в приведенном случае состава преступления «изнасилование», хотя действия Я., по нашему мнению, не содержали угрозы в том значении, как она понимается постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г.

Не меньшие трудности могут возникнуть при отграничении простой угрозы от угрозы нанесением тяжких телесных повреждений, либо убийством. Нередко встречаются случаи, когда субъект, понуждая женщину ко вступлению в половую связь, демонстрирует для подавления ее сопротивления различное оружие (нож, пистолет и т. п.). Конечно, демонстрация оружия сама по себе парализует сопротивление потерпевшей. Однако оценивать ее безапелляционно угрозой нанесением тяжких телесных повреждений или убийством ошибочно. Между тем, в юридической литературе встречается и такая оценка подобных действий. Так, А. Н. Игнатьев пишет: «Угроза убийством или применением тяжкого телесного повреждения при совершении изнасилования может быть выражена как словесно, так и вытекать из действий виновного. Так, угроза оружием или предметами, могущими быть использованными в качестве оружия (топор, стамеска) всегда рассматривается как угроза смертью или нанесением тяжкого телесного повреждения».[22]

Однако с такой точкой зрения вряд ли можно согласиться. Демонстрация оружия или орудий, могущих быть использованными в качестве такового, — есть угроза простая, еще совсем не означающая опасности убийства или тяжкого телесного повреждения. Нам представляется, что угроза убийством или нанесением тяжкого телесного повреждения наступает тогда, когда субъект, демонстрируя оружие, высказывает явное намерение в случае сопротивления жертвы его немедленно использовать, обещая «убить», «изувечить» и т. п. Ведь даже применение оружия с намерением убить или нанести тяжкие телесные повреждения может завершиться ничем или нанесением легкого телесного повреждения с расстройством здоровья или без такового.

Ошибки квалификации деяния субъекта по ч. II ст. 117 УК РСФСР, что предполагает назначение более серьезного наказания, имеют место в практике.

Выборгским городским судом Ленинградской области был осужден некто Б. Он обвинялся в том, что, провожая гр-ку Л., с которой случайно познакомился, по пустынной дороге в санаторий «Отрадное», под угрозой ножом ее изнасиловал. На предварительном следствии его действия были квалифицированы ч. II ст. 117 УК РСФСР. В судебном заседании и потерпевшая, и подсудимый в своих показаниях утверждали, что угроза ножом не сопровождалась угрозой убийством или нанесением тяжких телесных повреждений. Суд правильно переквалифицировал действия Б. на ч. I

---

[21] Архив Ленинградского областного суда. Уг. дело № 2-44, 1970.

[22] Игнатьев А. Уголовная ответственность за изнасилование. «Советская юстиция», 1963, № 8, с. 13—14.

ст. 117 УР РСФСР, указав в приговоре, что «демонстрация ножа — это и есть угроза», но без отягчающих обстоятельств.[23]

Противоречивость судебно-следственной практики в определении наличия угрозы нанесением тяжких телесных повреждений или убийством при изнасиловании нашла свое отражение в противоречивых толкованиях этого понятия постановлениями некоторых Пленумов Верховных судов республик. Так, если рассмотренное нами выше постановление Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. по существу не считает демонстрацию оружия саму по себе угрозой нанесением тяжких телесных повреждений или убийством, то постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 5 августа 1967 г. «О выполнении судами РСФСР постановления Пленума Верховного Суда СССР «О судебной практике по делам об изнасиловании» излагает несколько иной взгляд на подобные факты: «Под угрозой убийством или причинением тяжкого телесного повреждения (ч. II ст. 117 УК РСФСР) следует понимать не только прямые высказывания об этом насильника, но и с учетом обстоятельств дела такие, например, действия, как демонстрация оружия (пистолета, ножа, бритвы и т. п.)»[24]

Правда, ссылка на необходимость учитывать при этом «обстоятельства дела» делает это указание не столь категоричным. Однако, если даже признать позицию, изложенную в указанном постановлении Пленума Верховного суда РСФСР правильной, квалификация в качестве отягчающего обстоятельства, предусмотренного законом, демонстрации оружия без угрожающих высказываний при изнасиловании возможна лишь тогда, когда по сложившейся ситуации демонстрация ножа или другого опасного орудия могла реально перерасти в его действительное применение.

Представляется при этом правомерным считать, что субъективизм изложения обстоятельств, связанных с демонстрацией оружия при изнасиловании, двумя сторонами — обвиняемым (подсудимым) и потерпевшей — весьма осложняет в таких случаях установление указанных элементов деяния, квалифицируемых ч. II ст. 117 УК РСФСР. Во всяком случае, защитник при означенных обстоятельствах вправе ставить эту квалификацию преступления под сомнение, добиваясь переквалификации судом действий подзащитного на менее тяжкие.

В то же время нельзя не учитывать, что психическое насилие, как правило, предшествует физическому, или же с ним взаимосвязано, его дополняет. Иногда потерпевшие женщины, будучи намного физически слабее насильника, под воздействием страха совершают некоторые действия (раздеваются, ложатся и т. п.) и допускают половой акт с видимой добровольностью. Такие поступки женщины, разумеется, не следует рассматривать как молчаливое и добровольное согласие на половой акт. И тем не менее реальность угрозы, ее действенность — единственный критерий, который должен при этом учитываться.

Изложенное позволяет придти к выводам, что адвокат, осуществляющий защиту по делу об изнасиловании при психическом воздействии без отягчающих обстоятельств (ч. I ст. 117 УК РСФСР) или с таковыми (ч. II ст. 117 УК РСФСР), должен:

1. Крайне внимательно отнестись к исследованию вопроса о реальности угрозы, учитывая при этом физические и психические качества подзащитного и потерпевшей.

2. Детально исследовать предшествовавшие половому акту обстоятельства, а равно и содержание действий подзащитного.

---

[23] Архив Выборгского городского суда Ленинградской области. Уг. дело № 1-66, 1973.

[24] «Советская юстиция», 1967, № 22, с. 9.

3. Выяснить при квалификации изнасилования под угрозой нанесения тяжких телесных повреждений или убийством, действительно ли у подзащитного были орудия, могущие угрожать жизни или здоровью потерпевшей; каким образом им демонстрировались жертве эти орудия; следовали ли за такой демонстрацией угрожающие высказывания типа «убью», «изувечу» и т. п.; имел ли подзащитный физическую возможность осуществить эти угрозы соответственно его физической конституции, а также сообразно с обстановкой, при какой имело место происшедшее.

§ 4. Проблема реальности сопротивления и понятие беспомощного состояния потерпевшей при изнасиловании

Любая попытка мужчины совершить половой акт со взрослой, бодрствующей и психически полноценной женщиной не проходит без сопротивления последней.

В медицинской литературе давно обсуждался вопрос, в состоянии ли один мужчина изнасиловать бодрствующую и действительно сопротивляющуюся женщину. Мнения по этому поводу высказывались самые различные. Сторонники взгляда, что женщина не в состоянии противостоять физической силе мужчины, ссылаются на меньшую мышечную силу женщины, на хрупкость ее телосложения, на ее нежность и слабость, которая в значительной мере мешает ей бороться с насильником. Однако это далеко не всегда так. Многие судебные медики, например, не без основания отрицают возможность такого изнасилования.

В частности, М. М. Миронов по этому вопросу пишет: «Изнасилование одним мужчиной здоровой, взрослой женщины, находящейся в здравом уме и не опьяненной обманным путем какими-нибудь средствами, не находящейся в беспомощном состоянии, возможно допустить только при наличии следов от насилия в виде ссадин и кровоподтеков на внутренней поверхности бедер, на коленях и на шее у потерпевшей и ссадин и царапин на лице у насиловавшего. Без подобных следов борьбы факт изнасилования остается под сомнением».[25]

Аналогичную точку зрения высказал М. И. Авдеев: «При приблизительном равном физическом развитии и достаточном сопротивлении, оказываемом женщиной, возможность изнасилования женщины одним мужчиной мало вероятно, если только женщина не была вынуждена к этому угрозами, боязнью за свою жизнь или же находясь в состоянии резкого испуга».[26] Еще более определенно высказался по этому поводу Н. В. Попов: «Может ли взрослая женщина быть изнасилована одним мужчиной? Этот вопрос большинством судебных медиков разрешается отрицательно и не только в тех случаях, когда силы мужчины и женщины приблизительно равны, но даже, если нападающий сильнее».[27] Сказанное подтверждается житейской практикой. Если иметь в виду психологические особенности половых отношений между мужчиной и женщиной, обычную специфику поведения женщины при совершении первого полового акта с мужчиной вообще или определенным мужчиной, то какое-то сопротивление перед вступлением в половые сношения женщина всегда оказывает.

Отсюда, помимо ситуации, в которой проходил половой акт, признанный предварительным следствием изнасилованием, для квалификации действий субъекта таковым необходимо рассмотрение вопроса о реальности сопротивления. Надо при этом иметь в виду, что сопротивление — всегда

---

[25] Миронов М. М. Судебная гинекология. — В кн.: Кривский Л. А. Руководство по женским болезням. Л., 1927.

[26] Авдеев М. И. Курс судебной медицины. М., 1959, с. 496.

[27] Попов Н. В. Судебная медицина. М., 1950, с. 337.

активное действие, обязательно вызывающее ответные противодействия субъекта, что оставляет совершенно определенные по содержанию следы на теле и одежде как потерпевшей, так и насильника. При интенсивном проявлении вовне этих следов зачастую сомнений в том, что жертва сопротивлялась, не возникает. Квалифицированное освидетельствование преступника и потерпевшей, проведенное в ходе предварительного следствия, с умелым описанием содержания и мест локализации следов на теле и одежде, установившее наличие типичных для изнасилования следов при сопротивлении жертвы, по общему правилу, рассеивает эти сомнения.

При наличии нетипичных следов сопротивления во время изнасилования решить вопрос о его реальности только на основании данных о содержании и местах локализации повреждений на теле и одежде потерпевшей невозможно.

Вообще защитнику обвиняемого (подсудимого) во всех подобных случаях необходимо опираться на совокупный анализ данных о следах сопротивления жертвы с обстоятельствами, которые сопутствовали половому акту, условиями, в которых он произошел.

Беспомощное состояние потерпевшей, разумеется, исключает ее сопротивление. Следов такового на теле и одежде потерпевшей при этом быть не должно. Беспомощное состояние — это такое психофизиологическое состояние человека, при котором он лишен возможности сопротивляться насильственным действиям, либо правильно осознавать и оценивать происходящее. В принципе такие состояния могут возникать при некоторых болезненных явлениях (обмороке, сердечном приступе, шоке, отдельных психических болезнях), в алкогольном и наркотическом опьянении, гипнотическом сне.

Состав преступления изнасилование, при осуществлении насильственного полового акта с женщиной, находящейся в обмороке, шоке, при параличе и иных вызывающих беспамятство болезненных состояниях, в судебной практике обычно не вызывает особых споров. Такие состояния с достаточной достоверностью определяются медициной. Сравнительно несложно с помощью судебно-психиатрической экспертизы устанавливаются психические патологии потерпевших, исключающие возможность правильно воспринимать и оценивать действительность. Значительно сложнее разрешаются вопросы о беспомощном состоянии потерпевшей при совершении с ней полового акта при ее алкогольном опьянении. Между тем, заявления потерпевших об их изнасиловании в состоянии алкогольного опьянения — наиболее частое явление в судебно-следственной практике. Верховный Суд СССР в постановлении от 25 марта 1964 года «О судебной практике по делам об изнасиловании» специально указал по этому поводу: «...при оценке обстоятельств изнасилования потерпевшей, находившейся в опьяненном состоянии, суды должны исходить из того, что беспомощным состоянием в этих случаях может быть признана лишь такая степень опьянения, которая лишала потерпевшую возможности осознавать окружающую обстановку, понимать значение совершаемых виновным действий или оказывать ему сопротивление».[28]

Эта точка зрения полностью соответствует данным современной медицины о воздействии алкоголя на организм человека, о вызываемых им психопатологических состояниях.

Адвокату важно в таких ситуациях представлять себе, что, как утверждает Е. Е. Розенблюм: «Вопрос о возможности изнасилования женщины, находящейся в состоянии опьянения, разработан далеко не с такой полнотой, как этого хотелось бы, и эти случаи представляют много затруднений для экспертизы. Несомненно, что в слабой степени опьянения женщина так

---

[28] Бюллетень Верховного Суда СССР, 1964, № 3, с. 19.

же может сопротивляться, как и трезвая, и так же соображать, чего от нее хотят. Сильная же степень опьянения лишает женщину возможности сопротивляться и способности оценивать происходящее. После того, как женщина оправилась от полного опьянения, она может и не помнить о случившемся. Средняя степень опьянения, хотя и не лишает женщину способности соображать и сопротивляться, но может более или менее значительно понизить эту способность. Однако во всех случаях в высшей степени затруднительно установить, в какой степени опьянения была потерпевшая, так как достоверных свидетелей обычно не бывает, факт довольно давно был, а показания потерпевшей, находящейся в момент преступления в состоянии опьянения, по этой причине не могут быть достоверными».[29] Это находит подтверждение в высказываниях специалистов в области судебной медицины. Так, например, М. И. Райский справедливо указывает: «...половые сношения в состоянии опьянения возможны, но совершаются ли они добровольно или против воли, установить трудно. Порой неясно, кто инициатор выпивки и даже кто инициатор полового акта».[30] Аналогичных точек зрения в разное время придерживались и другие ученые (например, Н. В. Попов, М. Г. Сердюков).[31]

Следовательно, само по себе половое сношение с женщиной, находящейся в состоянии алкогольного опьянения, без применения физического или психического насилия не может рассматриваться как изнасилование. Более того, немаловажное значение здесь имеет и сложившаяся к моменту совершения полового акта обстановка. Распитие спиртных напитков женщиной вместе с мужчиной, попытки при этом остаться наедине, весьма вероятные при этом разговоры сексуального содержания дают основания сомневаться относительно факта насильственного вступления в половую связь. Распивая водку вместе с мужчиной, знакомясь с ним в нетрезвом состоянии, женщина дает повод к вольному с ней обращению, пределы которому трудно определить и предугадать.

Несколько реже, но встречаются дела, возбужденные по заявлению потерпевшей об изнасиловании ее в беспомощном состоянии, вызванном, якобы, умышленным подмешиванием в еду или питье снотворных или наркотических веществ. Конечно, такие случаи возможны. Прием внутрь хлоралгидрата, люминала, веронала, морфия и т. п. может искусственно вызвать глубокий сон, который мужчина использует затем для совершения полового акта.[32] Однако при этом нужно иметь в виду, что большинство снотворных или наркотических веществ, растворенных в пище или напитках, придают им специфический (в большинстве неприятный) привкус. И это не может быть незамеченным. К тому же глубокий сон, который возможно оценить беспомощным состоянием, после приема внутрь этих веществ наступает не сразу, (чаще всего через полчаса-час). М. Г. Сердюков на основе исследования практики утверждает: «...некоторые снотворные (хлоралгидрат, мединал, веронал, барбитураты и т. п.), будучи заранее примешаны к пище или питью, могут обусловить наступление глубокого сна, при котором половое сношение может быть произведено без активного сопротивления, но такие случаи представляют исключительную редкость».[33]

Таким образом, критическое отношение защитника к правдивости заявления потерпевшей, якобы, изнасилованной после умышленного приведения ее субъектом в беспомощное состояние указанными способами, оправданно.

---

[29] Розенблюм Е. Е. Судебномедицинская акушерско-гинекологическая экспертиза. М., 1935.

[30] Райский М. И. Судебная медицина. М., 1953, с. 390.

[31] См.: Попов Н. В. Судебная медицина. М., 1950, с. 338; Сердюков М. Г. Судебная гинекология и судебное акушерство. М., 1964, с. 95.

[32] Райский М. И. Судебная медицина, с. 390.

[33] Сердюков М. Г. Судебная гинекология и судебное акушерство, с. 94.

Иногда потерпевшие, заявляя об их изнасиловании, утверждают, что совершивший с ними половой акт мужчина искусственно вызвал у них повышенное половое возбуждение, подмешав в пищу или питье соответствующие медикаментозные средства. В медицинской литературе есть указания на вещества (фитин, жень-шень и некоторые другие), действительно стимулирующие половое возбуждение. Все они, как свидетельствует фармакология, действуют не мгновенно, а постепенно и в основном после их многократного употребления.[34] Отсюда следует полагать, что подобного рода заявления ложны, а их причиною являются попытки замаскировать добровольную половую связь, опирающиеся на обывательские представления о наличии возбуждающих половое влечение средств.

Беспомощным состоянием следует признавать и гипнотический сон. Бытует мнение, что мужчина, владеющий приемами гипноза, может внушить женщине, что он ее жених или муж. Последняя воспримет это и вступит в половую связь без сопротивления, добровольно, а в некоторых случаях даже может выступить активной стороной. Если встретятся подобные дела, то адвокату следует знать, что, во-первых, гипнотическими приемами владеют лишь немногие люди, в большинстве случаев занимающиеся этим профессионально. Во-вторых, гипнозу вообще поддаются далеко не все. В-третьих, далеко не всякому, даже впавшему в гипнотическое состояние, можно внушить все, что угодно, и он обязательно будет осуществлять желаемые гипнотизеру действия.

К сказанному следует добавить, что психофизиологические механизмы гипноза и психические характеристики гипнотического сна изучены пока явно недостаточно. Отсюда чрезвычайно сложно доказывание гипнотического состояния женщины, с которой мужчина совершил в этот момент половой акт. Можно полагать, что это возможно только посредством соответствующих по содержанию показаний живых лиц (потерпевшей, свидетелей, обвиняемого) в их совокупности. Поэтому судить здесь о возможности изнасилования при беспомощном состоянии можно только, опираясь на исследование взаимоотношений заявительницы с предполагаемым насильником, косвенные данные о том, что последний владеет гипнотическими приемами, а также анализ содержания предшествующих половому акту и следующих за ним ситуаций.

В цитировавшемся выше постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 года в качестве беспомощного состояния потерпевшей при изнасиловании названо расстройство душевной деятельности. Тем не менее, следует признать, что сам факт наличия у женщины психической болезни еще не является решающим критерием для обвинения мужчины, вступившего с ней в половую связь, в совершении изнасилования. Это зависит и от того, что за психическая патология, которой страдает та или иная женщина, знал ли субъект о наличии у последней психического расстройства.

Дело в том, что ряд психических заболеваний внешне себя почти не проявляет. Подчас о том, что то или иное лицо страдает душевной болезнью, окружающие даже не осведомлены. С другой стороны, некоторые психические расстройства сами по себе связаны с повышенной сексуальностью женщины, которая иногда сама провоцирует половое сношение с ней. Таким образом, важно установить не только сам факт наличия у потерпевшей психопатологий, но требуется глубокое экспертное исследование, которое должно констатировать, что больная не могла в силу этого правильно воспринимать и оценивать действительность. А с юридической стороны необходимо точное выяснение, знал ли субъект, вступаю-

---

[34] Пуродонинский И. М. Половые расстройства у мужчин. М., 1968, с. 216.
[35] «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1964, № 3.

щий с этой женщиной в половую связь, о том, что последняя психически больна. В противном случае в действиях субъекта, не применявшего для совершения полового акта физического или психического насилия, просто не будет состава уголовного преступления.

Подытоживая сказанное, можно рекомендовать адвокату, осуществляющему защиту обвиняемого в изнасиловании с использованием беспомощного состояния потерпевшей: 1. Глубокий и всесторонний анализ ситуации, в какой произошло половое сношение. 2. Исследование со знанием дела заключений судебномедицинских и судебно-психиатрических экспертиз, утверждающих в данном случае наличие у потерпевшей беспомощного состояния. Если необходимо, адвокат, подготавливая тактические приемы защиты, должен изучить соответствующую медицинскую, судебномедицинскую, психологическую и психиатрическую литературу, а также проконсультироваться с соответствующим специалистом. 3. Проверку при изучении дела, достаточно ли полно изучены личность обвиняемого и потерпевшей в ходе предварительного следствия. Особенно такие стороны личности, как наличие психофизиологических отклонений у потерпевшей, ее социальная характеристика, поведение. У обвиняемого будут здесь иметь значение его социальная характеристика и поведение в быту, давность знакомства с потерпевшей, ее семьей, окружением.

§ 5. Особенности защиты по делам об изнасилованиях при особо отягчающих обстоятельствах

Уголовное законодательство относит к особо отягчающим обстоятельствам по делам об изнасилованиях их совершение группой лиц, особо опасным рецидивистом, изнасилования несовершеннолетних, а также повлекшие за собою особо тяжкие последствия (ч. III ст. 117 УК РСФСР). Естественно, в перечисленных случаях судебная защита обвиняемых (подсудимых) еще более осложняется. Нередко задачи защиты в таких ситуациях сводятся к тому, чтобы исследовать правильность квалификации, обратить внимание суда на обоснованность признания тех или иных последствий изнасилования особо тяжкими, а также на смягчающие вину подзащитного обстоятельства.

Изнасилование группой лиц законодатель признает более тяжким преступлением совершенно обоснованно: групповое половое сношение с женщиной противоестественно физиологически, мучительно физически и оскорбительно в моральном отношении. Однако признание изнасилования групповым возможно при наличии ряда особенностей в действиях лиц, осуществивших с женщиной половое сношение. Разъяснение по этому поводу Пленума Верховного Суда СССР в постановлении от 25 марта 1964 г. таково: «Квалификация изнасилования, как совершенного группой лиц, может иметь место в случае, когда лица, принимавшие участие в изнасиловании, действовали согласованно в отношении потерпевшей, причем как групповое изнасилование должны квалифицироваться не только действия лиц, совершивших насильственный половой акт, но и действия лиц, содействовавших им путем применения насилия к потерпевшей. При этом действия лиц, лично не совершавших насильственного полового акта, но путем применения насилия к потерпевшей содействовавших другим в ее изнасиловании, должны квалифицироваться по ч. III ст. 117 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик, как соисполнителей преступления, а не как пособников».[36] Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР, а также литературные источники, специально рассматривающие этот вопрос, придерживаются позиций,

[36] «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1964, № 3.

изложенных в приведенной части постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г.[37]

Таким образом, спорными вопросами, возникающими при квалификации действий обвиняемых в групповом изнасиловании, оказываются понимание смысла термина «согласованные действия двух или более лиц при изнасиловании», разграничение соисполнительства и пособничества. Я. М. Яковлев, например, считает, что при групповом изнасиловании согласованность действий соисполнителей отнюдь не означает необходимости предварительного сговора их между собой.[38] Представляется, что это не бесспорно. Иначе пришлось бы квалифицировать групповым каждый насильственный половой акт в случаях, хорошо известных практике, когда один из компании, совершив насильственный половой акт с женщиной, рассказывая об этом другим, как бы провоцирует их умысел на совершение того же с той же женщиной. Группа лиц, совершивших насильственный половой акт с женщиной, может быть обвинена в групповом изнасиловании тогда, когда она была достаточно стойкой, и какой-то предварительный сговор перед тем, как совершить преступление, все-таки имел место. Нельзя признать групповым изнасилование, если насильственные половые акты с одной и той же женщиной совершали несколько лиц, но каждый из них действовал самостоятельно и независимо друг от друга. Так, например, неправильно было бы квалифицировать соучастие в групповом изнасиловании М., который, провожая К. с танцевальной площадки, завел последнюю на пустырь и совершил с ней насильственный половой акт. Когда К. стала звать на помощь, М. испугался и убежал, а проходившие мимо С-в и Сар-в, явившись на зов потерпевшей, в свою очередь тоже изнасиловали ее.[39]

Особенно сложно при квалификации изнасилования групповым разграничение соисполнительства и пособничества. Если можно признать соисполнительством содействие совершению насильственного полового акта физическим и психическим насилием третьего лица, то такие действия последнего, как предоставление квартиры для заведомого насильственного полового сношения, охрана места, где другим совершается изнасилование, могут быть квалифицированы только как пособничество.[40] Такую позицию справедливо занимает Президиум Верховного суда РСФСР, который дает следующее разъяснение: «Действия лица, содействовавшего совершению изнасилования, но лично не совершавшего насильственного полового акта и не применявшего насилия к потерпевшей во время изнасилования ее группой лиц, не являются соисполнительством, а признаются соучастием. . .».[41]

Пребывание на месте совершения изнасилования лица, которое не совершало активных действий, уголовной ответственности по ст. 117 УК РСФСР за собой не влечет. Эта точка зрения неоднократно подтверждалась судебной практикой Верховного Суда СССР.[42]

Совершенно правы Г. М. Миньковский и В. А. Яхонтов, которые утверждают: «Установление только факта присутствия на месте проис-

---

[37] См.: Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. М., 1971, с. 282; Уголовное право. Часть особенная. М., 1968, с. 230; Яковлев Я. М. Половые преступления. Душанбе, 1969, с. 147—161.

[38] Яковлев Я. М. Указ. раб., с. 153.

[39] «Следственная практика», 1956, № 27, с. 96—108.

[40] «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1964, № 3.

[41] Цит. по статье: Лысков К. И. Вопросы соучастия по делам об убийстве, изнасиловании и преступлениях против собственности. В сб.: Научный комментарий судебной практики за 1971 год. М., 1972, с. 122.

[42] См., например, определение Судебной коллегии Верховного Суда СССР от 26 января 1972 г. по делу Тимонина. — «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1972, № 3, с. 22.

шествия или вблизи его других подростков, кроме исполнителя, недостаточно для признания изнасилования групповым, если не доказано их участие в преступлении, либо сговора с насильником о том, что в случае необходимости они придут на помощь. То обстоятельство, что потерпевшая полагала, будто подростки, находившиеся вблизи места происшествия, соучастники насильника или последний угрожал «позвать ребят», само по себе недостаточно для признания изнасилования групповым».[43]

Адвокату, осуществляющему защиту по делу о групповом изнасиловании, следует обратить внимание на выяснение следующих вопросов: 1. Насколько стойкой была эта группа, не являлась ли она компанией случайно встретившихся людей, не осуществлен ли каждым из них насильственный половой акт независимо друг от друга, хотя бы он и имел место с одной и той же потерпевшей. 2. Достаточно ли четко на предварительном следствии был установлен характер действий каждого из группы, не привлечен ли необоснованно к уголовной ответственности подзащитный, который находился в группе, но только присутствовал при насильственном половом акте, сам же не принимал в нем никакого участия.

Изнасилованием, совершенным особо опасным рецидивистом, может быть признан насильственный половой акт, совершенный лицом, признанным таковым лишь в соответствии со ст. 24-1 УК РСФСР. В этом случае адвокату, осуществляющему защиту, необходимо обратить внимание на данные, характеризующие личность подзащитного, притом не только в прошлом (судимость за совершение специально оговоренных законом преступлений), но и в настоящем (поведение на работе и в быту, степень участия в совершении преступления и т. п.). Особенно важно тщательно проверить, не была ли снята ранее с него судимость.

Изнасилование несовершеннолетней, безусловно, является тяжким преступлением, и это вряд ли требует каких-либо подробных разъяснений. Однако в следственной и судебной практике, при расследовании преступлений с упомянутой квалификацией, допускается немало ошибок.

Несовершеннолетие — в принципе понятие лишь юридическое. Недаром педагогическая психология термином «несовершеннолетний» оперирует чрезвычайно редко. Ею принята иная классификация: дошкольник, младший школьник, средний и старший школьный возрасты. Такой подход отвечает сложившимся представлениям о различиях в степени умственного, нравственного и физического развития несовершеннолетних. Дело здесь не только в том, что в физическом и психическом смысле человек, имеющий от роду 17 лет и 11 месяцев, принципиально не отличается от достигшего 18-летнего возраста, а и в том, что современный процесс акселерации все более и более стирает возрастные грани. Это особенно заметно в физическом облике многих несовершеннолетних в возрасте от 14 лет и старше. К тому же в значительной степени это касается лиц женского пола.

Разумеется, половое сношение с ребенком, да еще и насильственное преступно по существу своему. В таких случаях адвокату, осуществляющему защиту подсудимого, ничего другого не остается, как обращать внимание суда на положительные стороны личности подзащитного, на смягчающие его вину обстоятельства.

Совсем иначе строится судебная защита, если потерпевшей была несовершеннолетняя по возрасту, но уже физически сформировавшаяся девушка. Именно в таких ситуациях возможны ошибки квалификации преступления, неверное признание насильственного полового акта совер-

---

[43] Миньковский Г. М., Яхонтов В. А. Расследование и предупреждение половых преступлений несовершеннолетних. М., 1973, с. 21.

шенным при отягчающих обстоятельствах. На это обращает внимание уже цитировавшееся постановление Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 года: «...уголовной ответственности подлежит лицо, которое знало и допускало, что совершает насильственный половой акт с несовершеннолетней, либо могло и должно было это предвидеть».[44] Не случайно поэтому УК Эстонской ССР специально оговорил, что квалифицироваться изнасилование несовершеннолетней может лишь насильственный половой акт, совершенный с «заведомо не достигшей 18-летнего возраста».[45]

Таким образом, Верховный Суд СССР и законодательство некоторых союзных республик обоснованно учитывали возможность субъективной оценки обвиняемым возраста потерпевшей. Так, например, совершенно правильно переквалифицировав действия осужденного на ч. I ст. 117 УК РСФСР, Верховный Суд РСФСР по одному из таких дел констатировал следующее: «Виновность Д. в изнасиловании доказана. Однако его действия судом квалифицированы по ч. III ст. 117 УК РСФСР неправильно. Как видно из показаний самой потерпевшей и свидетелей, М. при знакомстве, отвечая на вопрос Д., сказала, что ей 18 лет. У осужденного не было оснований сомневаться в правдивости ее ответа, так как из заключения судебно-медицинского эксперта видно, что по своему телосложению М. выглядит совершеннолетней. К моменту изнасилования М. исполнилось 17 лет...»[46]

Как известно, уголовные дела об изнасиловании несовершеннолетних возбуждаются органами дознаний, предварительного следствия либо прокурором и при отсутствии заявлений потерпевших или их законных представителей. На практике встречаются бесспорные случаи возбуждения таких дел, когда женщина, будучи изнасилована еще несовершеннолетней, через некоторое время, достигнув юридического совершеннолетия, не желает придавать огласке то, что с ней был совершен насильственный половой акт. Так, Ленинградская областная прокуратура при расследовании одного из дел об изнасиловании нескольких несовершеннолетних одним и тем же лицом столкнулась с фактом, когда часть потерпевших, достигшая к моменту возбуждения уголовного дела совершеннолетия, отказалась подавать заявления с просьбой привлечь насильника к ответственности. Решение Леноблпрокуратуры не возбуждать дел об их изнасиловании является, на наш взгляд, правильным. Если даже здесь и не принимать во внимание, что совершеннолетняя женщина сама вправе решать вопрос о том, нарушена или нет в данном случае ее половая неприкосновенность, нельзя не учитывать еще и этических соображений. Как бы ни охранялась тайна расследуемых обстоятельств предварительным следствием и судом, о таком событии всегда становится известно достаточно широкому кругу лиц.

Основными задачами, которые стоят перед адвокатом при осуществлении защиты по делам об изнасиловании несовершеннолетних, являются:

1. Тщательное исследование заключений судебномедицинских экспертиз относительно физического и полового развития несовершеннолетней к моменту совершения с ней насильственного полового акта с позиций, мог ли насильник по внешнему виду потерпевшей осознавать, что перед ним несовершеннолетняя.

2. Изучение вопроса, были ли основания утверждать, что насильник знал о несовершеннолетии потерпевшей; не могло ли быть субъективным представление последнего о возрасте потерпевшей, если он не был с ней

---

[44] «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1964, № 3.
[45] См.: ст. 115 УК ЭССР.
[46] «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1964, № 8, с. 9.

ранее знаком; мог ли он правильно судить о ее возрасте по данным, которые та о себе сообщила.

Изнасилование, повлекшее за собою особо тяжкие последствия, предполагает при такой квалификации действий обвиняемого причинную связь с действиями потерпевшей после насильственного полового акта, сопряженными с особой опасностью для ее жизни и здоровья, повлекшими смерть, тяжкое заболевание и т. п. Закон не дает в диспозиции ч. III ст. 117 УК РСФСР перечня таких последствий, не содержат такого перечня и уголовные кодексы других союзных республик. Поэтому в соответствии с разъяснениями, данными Пленумом Верховного Суда СССР в постановлении от 25 марта 1964 года, к таким тяжким последствиям относят причинение потерпевшей, при изнасиловании телесных повреждений, повлекших за собой последствия, перечисленные в ст. 108 УК РСФСР, либо смерть или самоубийство, либо расстройство душевной деятельности.[47]

Если изнасилование повлекло за собой убийство потерпевшей, то субъект должен нести ответственность за два отдельных преступления, каждое из которых самостоятельно, и оба совершены при отягчающих обстоятельствах. Убийство потерпевших при половых преступлениях может произойти в основном в трех случаях: лишение жизни женщины при изнасиловании из сладострастия во время полового акта (садизм), убийство в ходе завязавшейся борьбы при преодолении сопротивления жертвы и, наконец, убийство как средство устранить потерпевшую из-за опасений преступника быть разоблаченным, причем последнее чаще всего наблюдается именно при изнасилованиях.[48]

Судебная практика рассматривает тяжкими последствиями изнасилования такую обстановку, которая сама по себе угрожала жизни потерпевшей, если эта обстановка создавалась действиями преступника, с чем следует согласиться. Например, кочегар товарного поезда П-ч, заметив ехавшую на крыше последнего вагона гражданку Н., пробрался к ней с паровоза на ходу состава и пытался ее изнасиловать. Н. стала сопротивляться, П-ч столкнул ее с крыши на землю. Суд указал, что падение с поезда вообще само по себе угрожало жизни потерпевшей, а причинение повреждения от падения повлекли ее длительную болезнь.[49]

Считается тяжким последствием самоубийство потерпевшей после изнасилования. «Кусков, — указывается, например, в определении Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 20 декабря 1961 г., — осужден за то, что он 15 июня 1953 года изнасиловал гр. Б. Тяжело переживая случившееся, Б. пыталась покончить жизнь самоубийством, выпив с этой целью уксусную эссенцию. Однако, благодаря своевременной помощи, жизнь ее была спасена. Таким образом, Кусковым совершено изнасилование, повлекшее тяжкие последствия».[50]

Однако известны случаи, когда девушки (особенно нервные и впечатлительные) после первого полового сношения, на которое они были сами согласны, кончают жизнь самоубийством. На это справедливо указывал Е. Е. Розенблюм: «Самоубийство — самое тяжелое последствие изнасилования и вызывается обычно тяжелой психической травмой. Впрочем, известно немало случаев самоубийства девушек после первого полового сношения вполне добровольного».[51] Происходит это по ряду

---

[47] «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1964, № 3, с. 20.

[48] Вопросы, связанные с судебной защитой по делам об убийстве при изнасилованиях, мы оставляем за пределами рассмотрения в настоящей работе, как представляющие собой самостоятельную проблему.

[49] «Социалистическая законность», 1952, № 4.

[50] «Судебная практика Верховного суда РСФСР», 1962, № 4.

[51] Розенблюм Е. Е. Указ. работа.

причин. Но немалую роль здесь играет разочарование девушки, впервые познавшей сущность половой жизни. В силу своих физиологических особенностей женщина в противоположность мужчине не всегда может сразу испытывать специфическое чувство наслаждения при первом половом акте. Это чувство вырабатывается подчас у женщин лишь постепенно, а иногда появляется только после рождения первого ребенка. Известны случаи, когда девушки, впервые совершившие половой акт со знакомыми, хотя и добровольный, но приведший их к разочарованию, кончают жизнь самоубийством, потому что их любимый оказался не героем, созданным воображением, а таким же, как «все», и добивавшимся от них лишь «этого».

«Нельзя рассматривать поэтому тяжкими последствиями те обстоятельства, которые выходят за пределы умысла субъекта и не зависят от его воли. Это положение содержится в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 18 марта 1963 г. «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел»: «Вредные последствия, независимо от их тяжести, могут быть вменены лишь лицу в том случае, если оно действовало в отношении их умышленно или допускало их по неосторожности».[52]. Отсюда но общему правилу, не всякое самоубийство потерпевшей должно влечь ответственность субъекта по ч. III ст. 117 УК РСФСР, а лишь такое, которое имело причинную связь с совершенным преступлением.

Обострение у потерпевшей уже имеющегося психического заболевания, наступившее от изнасилования, признается также тяжким последствием этого преступления.[53]

Однако смерть потерпевшей, последовавшая или в процессе изнасилования или вскоре после него, и происшедшая в связи с имеющимся у нее ранее заболеванием (например, болезнью сердечно-сосудистой системы, о которой мужчина не знал), не может рассматриваться в качестве особо тяжкого последствия, предусмотренного ч. III ст. 117 УК РСФСР.

Причинение потерпевшей в ходе изнасилования телесных повреждений охватывается диспозицией ст. 117 УК РСФСР и дополнительной квалификации по статьям о преступлениях против личности не требует.[54] Однако на практике иногда возникают затруднения в квалификации изнасилования, при котором потерпевшей были причинены тяжкие телесные повреждения.

Наиболее правильно, на наш взгляд, этот вопрос разрешен в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР по делу Щукина, который, преодолевая сопротивление потерпевшей Б., бил ее кулаками по лицу, ударял головой о землю, вследствие чего она дважды теряла сознание, получив в результате примененного к ней насилия тяжкие телесные повреждения. Пленум указал, что «по прямому смыслу ст. 117 ч. 3 УК РСФСР под изнасилованием, повлекшим особо тяжкие последствия, понимается не любое изнасилование, отличающееся опасным характером, а такое, в результате которого наступили исключительные по своей тяжести последствия». При этом, касаясь телесных повреждений, полученных потерпевшей, Пленум подчеркнул: «Телесные повреждения, причиненные Б. во время изнасилования, отнесены к категории тяжких телесных повреждений по признаку их опасности для жизни в момент их причинения; последствия же указанных повреждений не могут быть расценены, как особо тяжкие телесные повреждения». И далее: «...содеянное Щ., выразившееся в изнасиловании, сопряженном с причинением потер-

---

[52] «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1963, № 3, с. 3.
[53] Там же.
[54] «Бюллетень Верховного суда РСФСР», 1964, № 9, с. 6.

певшей телесных повреждений, опасных для жизни в момент причинения, предусмотрено ст. 117 ч. 2 и ст. 108 ч. 1 УК РСФСР, по которым его и надлежит квалифицировать».[55]

При осуществлении защиты по делам об изнасилованиях, квалифицированных, повлекшими за собой тяжкие последствия, следует, таким образом, учитывать, что:

1. Любые, последующие за изнасилованием события (смерть потерпевшей, самоубийство или покушение на него, прерывание беременности, психическое заболевание), могут быть признаны последствиями этого преступления, если они с ним непосредственно причинно связаны. Отсюда важно исследовать, насколько хорошо в ходе предварительного или судебного следствия установлено и изучено содержание предшествовавших и последовавших за насильственным половым актом событий.

2. При нанесении в момент изнасилования телесных повреждений необходимо различать, нанесены ли они рукой насильника или явились следствием действий самой потерпевшей, оказывавшей сопротивление преступнику; имел ли преступник умысел на нанесение телесных повреждений или они нанесены в результате его неосторожных действий при преодолении сопротивления жертвы. Отсюда необходимо внимательное изучение заключений судебномедицинских экспертиз относительно характера и механизма причинения телесных повреждений.

Вообще при защите по делам рассматриваемой категории адвокат прилагает усилия к тому, чтобы добиться в ходе судебного следствия подробного разграничения всех действий насильника и жертвы как в момент изнасилования, так и после него.

§ 6. Некоторые вопросы оценки доказательств по делам о покушении на изнасилование

Уголовные дела о покушениях на изнасилование широко известны следственной и судебной практике. В этих случаях исключительно важно установить в ходе предварительного и судебного следствия, по каким причинам изнасилование не было доведено до конца, не случилось ли это из-за добровольного отказа субъекта от совершения преступления.

В литературе высказывались точки зрения, что следует считать покушением на изнасилование и те случаи, когда субъект, добиваясь вступления в половую связь с женщиной, отказывается от своих намерений, убедившись в невыгодности для него по различным причинам достижения преступного результата, и даже такие, когда отказ субъекта от совершения насильственного полового акта является следствием активного сопротивления женщины.[57] С такими позициями вряд ли можно согласиться.

Убедительный пример такого рода приводит А. Зелинский. С. был привлечен к уголовной ответственности за покушение на изнасилование, совершенное при следующих обстоятельствах. Провожая потерпевшую П. с вечеринки, он увлек ее в безлюдное место и там пытался вступить с нею в половую связь. Преодолевая сопротивление последней, С. нанес ей несколько ударов по лицу и ранил ножом ладонь руки. Увидев на руке П. кровь, С. отказался от намерений совершить с ней половой акт, перевязал ей руку, проводил до дома и сам вызвал машину скорой помощи. С. был правильно осужден за совершение преступления, преду-

---

[55] «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1970, № 3, с. 27—28.

[56] См., например, Тишкевич И. С. Приготовление и покушение по советскому уголовному праву. М., 1958, с. 221.

[57] «Советская юстиция», 1968, № 8, с. 9.

смотренного ч. 1 ст. 112 УК РСФСР. Анализируя приведенный случай, автор обоснованно утверждает, что поведение человека детерминируется как внутренними побудительными причинами, так и внешними обстоятельствами, с которыми он вольно или невольно должен считаться. Отсюда правомерно полагать, что отказ от совершения преступления может быть добровольным в обеих ситуациях, т. е. и тогда, когда сам субъект осознает противоправность своих действий, начинает представлять себе неотвратимость наказания, и тогда, когда внешние обстоятельства вынуждают его отказываться от преступных намерений. По нашему мнению, причина, побудившая субъекта отказаться от совершения преступления, в большинстве своем не имеет значения. Важно здесь то, что преступление не было совершено самим преступником, тогда как достижение преступного результата или отказ от совершения преступления всецело зависели от его воли и желания.

В связи с изложенным не могут считаться покушением на изнасилование даже активные действия субъекта, направленные на вступление с женщиной в половую связь против ее воли, если он прекратил их по ее настойчивым просьбам. Такой позиции, в частности, придерживается Верховный Суд СССР. В постановлении Пленума Верховного Суда по делу Шар и Ольховикова, обвинявшихся в покушении на изнасилование, сказано: «Действия лица, добровольно отказавшегося от покушения на изнасилование, в зависимости от конкретных условий могут рассматриваться как хулиганские действия или как действия, унижающие честь и достоинство личности.» Интересно отметить, что в этом постановлении особо акцентируется внимание на активное сопротивление потерпевших, как основную причину отказа от совершения изнасилования.[59]

Небезинтересно также, что судебная практика в основном последовательно стоит именно на этих позициях. Добровольный отказ от совершения изнасилования признается даже тогда, когда субъект отказывается от такового, боясь разоблачения. Некий Ланцов, будучи в нетрезвом состоянии, завлек к себе в дом двенадцатилетнюю К. и хотел совершить с нею половой акт, но девочка закричала и заплакала, и он отказался от своих намерений. «При таких обстоятельствах, — говорится в определении Верховного суда РСФСР, — в соответствии со ст. 16 УК РСФСР Ланцов не должен нести ответственности за покушение на изнасилование. Он подлежит ответственности за фактически совершенное им, т. е. за развратные действия в отношении несовершеннолетней.»[60]

Изучение судебной практики, во всяком случае, свидетельствует о том, что достаточно последовательно выполняется следующее указание, содержащееся в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г.: «В соответствии со ст. 16 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик добровольный отказ от совершения изнасилования надлежит рассматривать не как смягчающее вину обстоятельство, а как обстоятельство, исключающее ответственность за попытку совершить данное преступление. В подобных случаях лицо не подлежит ответственности за покушение на изнасилование и может отвечать за фактически совершенные им действия, если они содержат состав иного преступления.»[61]

Отсюда следует считать покушением на изнасилование такие действия субъекта, когда он, осуществляя намерение совершить половой акт с женщиной против ее воли, подавил ее сопротивление, был вполне готов

---

[58] См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26 декабря 1967 г. по делу Шар и Ольховикова. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1968, № 3.
[59] «Бюллетень Верховного суда РСФСР», 1963, № 4.
[60] «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1964, № 3.
[61] «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1964, № 3.

немедленно вступить с ней в половую связь, но его действия были пресечены вмешательством третьих лиц.

Адвокату это тем более необходимо знать, что подчас покушением на изнасилование квалифицируются следующие «пограничные» случаи: Комиссаров пригласил к себе на квартиру Д., где вместе с последней и еще двумя знакомыми распивали спиртные напитки. Когда знакомые ушли в соседнюю комнату, Комиссаров стал склонять Д. ко вступлению с ним в половую связь. Однако Д. ударила Комиссарова по лицу, стала кричать и звать на помощь. Знакомые возвратились в комнату, где указанное происходило, но, узнав, в чем дело, вовсе ушли из квартиры. После их ухода Комиссаров избил Д. и вытолкал ее на лестницу, закрыв затем за ней дверь.

Верховный Суд РСФСР, рассматривая дело по второй инстанции, правильно квалифицировал действия Комиссарова не как покушение на изнасилование, а как хулиганство, отметив при этом, что к потерпевшей применялось насилие не с целью сломить ее сопротивление, а из мести за отказ совершить половой акт.

Осуществляя защиту по делу о покушении на изнасилование, адвокат, таким образом, должен:

1. Установить, доказано ли то, что подзащитный отказался от совершения насильственного полового акта с потерпевшей не добровольно, а по независящим от его воли и желания обстоятельствам, вызванным вмешательством третьих лиц.

2. Уяснить, не могли ли действия подзащитного, внешне похожие на попытку осуществить насильственный половой акт (например, угрозы, побои, снятая с потерпевшей или разорванная на ней одежда и т. п.), иметь иные цели (хулиганство, месть, развратные действия и т. д.).

3. Определить, опираясь на показания подзащитного, потерпевшей, свидетелей, а также заключение судебномедицинской экспертизы, мог ли в силу физических возможностей и сложившихся условий обвиняемый в покушении на изнасилование реально осуществить таковое.

Адвокату при этом следует учитывать, что его выводы в рассматриваемых случаях могут расходиться с собственной оценкой подзащитным своих действий, так как наличие умысла на вступление с женщиной в насильственную половую связь отнюдь не значит реальной возможности его реализации. Здесь нельзя не предполагать множества «пограничных» ситуаций, имея в виду специфичность стадий подготовки, покушения, также условий завершенности преступного деяния (введение полового члена в половые органы потерпевшей) по рассматриваемой категории преступлений. Поэтому адвокату, осуществляющему защиту, следует с учетом сложившейся конкретной ситуации оспаривать совершение подзащитным покушения на изнасилование даже тогда, когда последний в собственных показаниях признает себя виновным в этом.

§ 7. Специфичность субъекта и субъективной стороны изнасилования. Значение этих особенностей для судебной защиты

Уголовное законодательство определяет субъектом преступления «изнасилование» физическое, вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения преступления 14-летнего возраста. В сущности из смысла ст. 117 УК РСФСР следует, что здесь налицо состав преступления со специальным субъектом — лицом мужского пола. По делу об изнасиловании может быть привлечена к уголовной ответственности и женщина, но только как соисполнитель (например, при групповом изнасиловании) или пособник (при условии создания женщиной условий для насильственного полового акта, осуществленного мужчиной).

Несмотря на то, что процесс акселерации (в том числе и в области половой сферы) у подрастающего поколения очевиден и в настоящее время общепризнан, четырнадцатилетние насильники-одиночки все же встречаются очень редко. Причиной тут оказывается не только недостаточное физическое развитие подростка четырнадцати лет, не дающее возможности подавить сопротивление взрослой, нормально физически развитой женщины, но и отсутствие опыта в сфере половых отношений. Не случайно поэтому Пленум Верховного Суда СССР обращает внимание судов на необходимость очень осторожно подходить к определению мер наказания несовершеннолетнему насильнику: «...при решении вопроса об уголовной ответственности лиц, не достигших совершеннолетия, за половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости или не достигшим шестнадцатилетнего возраста, а также за развратные действия в отношении несовершеннолетних, суды должны учитывать, что закон в указанных случаях направлен на охрану нормального развития несовершеннолетних обоего пола. Поэтому в каждом конкретном случае, исходя из возраста обоих несовершеннолетних, данных, характеризующих личность, наступивших последствий и иных обстоятельств, суды должны обсуждать вопрос о целесообразности применения к несовершеннолетним мер уголовной ответственности». Несмотря на то, что в цитируемой части постановления Пленума Верховного Суда СССР, речь идет о половых преступлениях несовершеннолетних в отношении несовершеннолетних, представляется, что эти указания имеют силу и в тех ситуациях, когда несовершеннолетний обвинен в изнасиловании взрослой женщины.

Кроме того, практике известны случаи, когда взрослые женщины позволяют себе двусмысленное, вульгарное поведение с подростками, провоцируя их, таким образом, на вступление с ними в половую связь. Будучи уличены окружающими в половых сношениях с подростками осознавая моральную, а подчас и правовую ответственность за это, такие «потерпевшие» заявляют об изнасиловании их подростком для самооправдания.

Говоря о взрослом вменяемом лице, обвиненном в изнасиловании, необходимо помнить нравственную специфику этого преступления. Изнасилование, как правило, совершается один на один (за исключением очевидных групповых случаев). Свидетели поведения в этот момент и обвиненного, и потерпевшей нередко отсутствуют. Им становятся известны лишь сопутствующие преступлению (предшествующие и последующие) обстоятельства и то подчас со слов либо потерпевшей, либо самого насильника. Адвокату немаловажно представлять себе, что известны неединичные факты ложных заявлений об изнасилованиях по весьма определенным причинам. К таковым относятся: невыполнение субъектом обещания жениться; желание таким путем принудить субъекта вступить в брак; широкая огласка состоявшейся половой связи, угрожающая женщине моральным осуждением со стороны окружающих; раскрытие факта половой связи замужней женщины с другим мужчиной, угрожающее ей нежелательными, неприятными последствиями.

С социальных позиций обвиненным в изнасиловании может быть в равной мере мужчина, интеллектуально развитый и интеллектуально ограниченный, занимающий любое положение в обществе, референтной группе, микросреде, судившийся в прошлом и никогда до этого не совершавший никаких преступлений и правонарушений. Отсюда и на предварительном и в ходе судебного следствия требуется особо тщательное изучение личности привлеченного к уголовной ответственности за изнасилование. Тем более необходимо располагать всесторонними данными о личности субъекта адвокату, осуществляющему его защиту, ибо в характеристике личности субъекта в значительной мере кроются исходные

данные, которые позволят адвокату ставить вопрос как об обстоятельствах, вообще исключающих уголовную ответственность, так и смягчающих вину обстоятельствах.

Серьезного внимания в связи с обвинением в рассматриваемых преступлениях заслуживает вопрос о вменяемости субъекта. Общеизвестно установление закона, что невменяемость исключает уголовную ответственность. Следует при этом представлять, что некоторые виды психопатологий незаметны окружающим (например, некоторые формы шизофрении, маниакальных состояний), а некоторые тщательно скрываются от посторонних (например, эпилепсия). В то же время медицине известно, что эти формы психических заболеваний усиливают половую возбудимость, а потому нередко способствуют половым преступлениям. Вследствие этого нужно представлять себе, что необычность обстановки изнасилования, особая жестокость по отношению к жертве, проявленная насильником, бессмысленность нанесенных телесных повреждений, убийства при изнасиловании чаще всего свидетельствуют о совершении преступления душевнобольным человеком.

Как указывалось выше, изнасилование может быть совершено только с прямым умыслом. Однако умысел на изнасилование следует отграничивать от простого намерения мужчины совершить половой акт с определенной женщиной. Если субъект, задумав это, предпринимает некоторые действия (обнимает женщину, целует ее, пытается снять с нее одежду и т. п.), но, встретив физическое сопротивление или словесный отказ от полового общения, прекращает свои домогательства, об умысле на изнасилование указанное само по себе никак не свидетельствует. В тех случаях, когда субъект обоснованно и добросовестно заблуждался об истинных намерениях женщины, относительно действительности оказываемого ею сопротивления, считал таковое показным, мнимым, а затем, убедившись в своей ошибке, прекратил попытки вступить с этой женщиной в половую связь, отсутствует умысел на изнасилование, и уголовная ответственность даже за покушение на него не может иметь места.

Исходя из приведенных выше некоторых особенностей субъекта преступления изнасилование и его субъективной стороны, адвокату, осуществляющему защиту по делу об изнасиловании или покушении на него, рекомендуется:

1. Тщательно изучать личность подзащитного, располагать к моменту судебной защиты такими данными, как физическая и физиологическая характеристика обвиняемого (подсудимого), психические свойства, наличие или отсутствие психопатологий, социально-психологические характеристики (социальное и семейное положение, поведение на работе и в быту).

2. Исследовать, насколько полно в ходе предварительного следствия изучены взаимоотношения подзащитного и потерпевшей; не было ли со стороны последней действий, провоцирующих половую связь, дающих повод для домогательств со стороны субъекта. Последнее особенно существенно, если речь идет об изнасиловании взрослой женщины несовершеннолетним.

3. Определиться в том, не приняты ли при вменении в вину субъекту покушением на изнасилование действия, которые естественны со стороны мужчины, вступающего в половую связь с данной женщиной впервые.

4. При малейших подозрениях на наличие у субъекта психопатологий исследовать, проводилась ли судебнопсихиатрическая экспертиза, проверить научную обоснованность ее выводов, какое значение ей придавалось при оценке доказательств на предварительном следствии и, в частности, в момент предъявления обвинения.

Глава вторая

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ИНЫХ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ИМЕЮЩИЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ

§ 1. Уголовно-правовая характеристика иных половых преступлений

Уголовное законодательство союзных республик СССР, помимо изнасилования, относит к половым преступлениям понуждение женщины ко вступлению в половую связь (ст. 118 УК РСФСР); половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости (ст. 119 УК РСФСР); развратные действия (ст. 120 УК РСФСР) и мужеложство (ст. 121 УК РСФСР).

Понуждение женщины ко вступлению в половую связь предполагает удовлетворение субъектом половой страсти путем насильственного полового акта или в иной форме, либо попытку таковой путем воздействия на психику потерпевшей угрозой причинить вред фактическим нарушением ее интересов.

Таким образом, диспозиция ст. 118 УК РСФСР ограничивает круг субъектов преступления: субъектом должно быть лицо, от которого потерпевшая находится в материальной или служебной зависимости.

Важно при этом отметить, что не может рассматриваться преступлением само по себе предложение женщине вступить в половую связь, сделанное указанным выше лицом.[1] Однако существенно для судебной защиты и то, что для оконченного преступления, предусмотренного ст. 118 УК РСФСР, достаточно самого понуждения и вовсе не обязательно, чтобы субъект при этом достиг поставленной цели.

Самоочевидна, таким образом, сложность доказывания при расследовании этих преступлений. Во-первых, крайне трудно подчас разграничить просто предложение на вступление в половую связь, сделанное женщине, например, ее начальником по службе, от прямого понуждения. Во-вторых, угроза ее законным интересам может быть сделана в скрытой форме. В-третьих, наконец, понуждение к вступлению в половую связь трудно доказуемо в тех случаях, когда неявны его реальные проявления: например, действительное нарушение законных прав зависимой материально или по службе женщины, действительное вступление в половую связь и т. п.

Половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости, предполагает добровольное половое сношение мужчины или женщины с лицом другого пола, не достигшим половой зрелости, а в том числе и при условии фактического брака.

---

[1] См.: Сборник постановлений Пленума, Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР 1957—1959 гг. М., 1960, с. 189—190.

С субъективной стороны это преступление характеризуется тем, что субъект умышленно совершил половой акт с указанным лицом, осознавал и сознательно допускал вступление в половую связь с ним, понимая, что оно не достигло половой зрелости.

Субъектом этого преступления может быть, как правило, совершеннолетнее лицо, хотя закон допускает ответственность за совершение такового с 16-летнего возраста.

Законом установлено, что половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости в извращенных формах (садизм, мазохизм, групповое половое сношение), признается отягчающим вину обстоятельством и влечет за собою повышенную ответственность (ч. II ст. 119 УК РСФСР).

Существенно здесь то, что достижение половой зрелости отнюдь не связывается с достижением совершеннолетия (18 лет) или установленного законом брачного возраста. Половой зрелости в физиологическом смысле может достичь лицо и младшего возраста. При этом уголовная ответственность субъекта, вступившего с ним в половую связь, по ст. 119, исключается. Таким образом, достижение половой зрелости оказывается не юридическим, а медико-физиологическим понятием, определяется экспертным путем.

Определенную трудность приобретает при установлении указанного состава преступления отграничение от полового сношения с малолетней, квалифицируемого по части III ст. 117 УК РСФСР.

Развратные действия влекут за собою ответственность субъекта, если он умышленно и в отношении несовершеннолетнего совершал непристойные прикосновения, жесты, вел с ним сексуальные разговоры, обучал половым извращениям, знакомил с изображениями порнографического характера, либо вступал при несовершеннолетнем в открытые половые сношения.

Следует отметить, что для состава этого преступления по смыслу закона безразлично, достигло ли несовершеннолетнее лицо, в отношении которого производились перечисленные действия, половой зрелости или нет, жило ли уже половой жизнью, является ли развращенным. Важно лишь то, что потерпевший не достиг совершеннолетия, т. е. 18-летнего возраста.

Мужеложством признается половое сношение мужчины с мужчиной, т. е. сам по себе физиологически противоестественный половой акт. Закон определяет отягчающими обстоятельствами при мужеложстве противоестественное половое сношение мужчины с мужчиной, совершенное с применением физического насилия, угроз, с несовершеннолетним и при использовании зависимого положения потерпевшего (ч. II ст. 121 УК РСФСР), что влечет за собою более тяжкое наказание.

Субъектом преступления, а также и потерпевшим при мужеложстве могут быть лишь лица мужского пола.

Совершение всех перечисленных преступлений отличается особенными ситуациями, юридическая оценка которых существенно зависит от ряда физических, физиологических и психических факторов, устанавливаемых, как правило, медицинским путем. Существенное значение для выяснения при судебной защите, осуществляемой по делам об указанных половых преступлениях, имеют ситуативные характеристики тех или иных инкриминируемых подзащитному, действий, (например, понуждение женщины к вступлению в половую связь), позволяющие в ряде случаев утверждать в них отсутствие состава преступления, либо открывающие наличие смягчающих вину обстоятельств. Нельзя не учитывать, что в некоторых случаях совершения перечисленных половых преступлений (например, развратные действия, мужеложство) может играть серьезную роль нали-

чие у субъекта физиологических и, что еще важнее, психических патологий. Обратимся поэтому к более подробному рассмотрению этих сторон исследуемых по перечисленным половым преступлениям обстоятельств.

§ 2. Ситуативные особенности понуждений женщины к вступлению в половую связь и их значение для судебной защиты

Понуждение женщины к вступлению в половую связь предполагает определенные принудительные действия субъекта в желаемом им направлении. Закон, как уже указывалось выше, связывает эти принудительные действия с условиями служебной или материальной зависимости потерпевшей от покушающегося на ее половую неприкосновенность лица.

Поэтому понятие материальной или служебной зависимости нуждается в четком и точном определении. Правомерно в этом плане понимать под материальной зависимостью нахождение женщины на полном или частичном иждивении от покушающегося на ее половую неприкосновенность субъекта, то есть чтобы все средства к существованию этой женщины или, по крайней мере, их значительная часть поступали от последнего.

Таким образом, угроза лишения этого материального содержания должна ставить женщину при условии несогласия на половую связь в чрезвычайно затруднительное положение. Доказывание этих обстоятельств в ходе расследования весьма существенно для рассматриваемой категории дел.

Служебная зависимость предполагает полное или частичное подчинение женщины по должности или роду занятий от обвиненного в понуждении к вступлению в половую связь. Это означает реальную возможность последнего создать для потерпевшей невыносимую обстановку на работе (например, придирки, возможность дачи необъективной отрицательной служебной характеристики, ограничение продвижения по службе, получения званий и ученых степеней и т. п.). Однако понятие «слубежная зависимость» этим не исчерпывается. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1971 года правильно связывает служебную зависимость с материальной (например, лишение премии, перевод на нижеоплачиваемую работу и т. п.).[2]

Как и всякая другая угроза, такая угроза должна быть реальной, т. е. объективно вытекающей из сложившихся между данными мужчиной и женщиной материальных или служебных отношений, предполагает понимание действительной возможности наступления неблагоприятных для потерпевшей последствий как той, так и другой стороной. А. Н. Игнатов справедливо обращает внимание на то, что если зависимость женщины не вытекает из ее служебного положения, а связана лишь с зависимостью от должностного лица (например, зависимость просительницы), то состава преступления, предусмотренного ст. 118 УК РСФСР, это не образует. Такие действия должны быть квалифицированы по ст. 170 УК РСФСР.[3]

Поводом к возбуждению уголовных дел по признакам ст. 118 УК РСФСР обычно служит заявление потерпевшей. Следует при этом учитывать, что такое заявление от подчиненной по службе может иметь под собою корыстные мотивы: месть в связи с непредоставлением каких-то благ и возможностей, требуемых подчиненной от начальника; шантаж с целью добиться продвижения по службе и т. п. Так как обыкновенно домогательства мужчины ко вступлению в половую связь с той или иной женщиной проходят «при закрытых дверях», по возможности тайно от окружающих, и свидетелей самого факта такого домогательства,

[2] Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. М., 1971, с. 284.
[3] Игнатов А. Н. Квалификация половых преступлений. М., 1974, с. 171.

как правило, не бывает, то отсутствие действительных последствий понуждения, да еще и при отсутствии факта половой связи обоснованно ставят под сомнение инкриминируемые обвиняемому (подсудимому) действия. Следовательно, важно, чтобы было доказано, что подзащитный действовал определенным образом, и его действия имели реальный смысл и определенные последствия приведенного выше порядка. Тщательное изучение взаимоотношений обвиняемого и потерпевшей по этим причинам, их служебного и правового статуса имеет по рассматриваемым делам большое значение.

Очевидно недостаточно для оценки действий подзащитного понуждением к вступлению в половую связь с женщиной, зависимой материально или по службе, показаний свидетелей относительно действий субъекта только со слов самой потерпевшей. Если такие свидетели имеются, то их показания будут иметь доказательственную ценность лишь при условии, что они сами слышали, как субъект домогался от женщины вступления с ним в половые отношения, угрожал ей при отказе определенными последствиями, наступление которых и в самом деле зависело от него.

Не могут быть признаны бесспорными доказательствами, даже при условии заявления потерпевшей относительно домогательств ко вступлению в половую связь, систематические претензии руководителя к подчиненной по службе, хотя бы и несправедливые. Они могут быть следствием специфического характера руководителя, неумелого руководства подчиненными вообще, психологической несовместимости двух совместно работающих лиц.

Нередкие в житейской практике попытки руководителя вступить в половую связь с подчиненной, простые предложения на этот счет, делаемые последней даже при условии ее фактической зависимости от субъекта по службе, при скрытой надежде предлагающего, что его служебное положение здесь сыграет определенную роль, ни в коем случае нельзя путать с понуждением, полагать таковым.

Резюмируя сказанное, следует еще раз подчеркнуть исключительную сложность доказывания в процессе следствия фактов понуждения женщины к вступлению в половую связь, требующего тщательного исследования перечисленных обстоятельств в их совокупности и взаимосвязи. Отсюда основными задачами адвоката, осуществляющего защиту обвиняемого (подсудимого) по такого рода делам, следует считать:

1. Проверку при оценке доказательств, насколько полно установлены фактические взаимоотношения потерпевшей и обвиненного, изучена ли их личность с позиций морального облика обоих.

2. Установление действительного служебного и правового статуса подзащитного по отношению к потерпевшей с точки зрения реального значения приписываемых ему угроз, возможности их осуществления, при непременном понимании этого обоими лицами.

3. Выяснение не только фактических действий подзащитного, лишившего потерпевшую материальных благ, возможностей осуществления ею своих интересов, но и действительных оснований к этому. Не были ли эти действия подзащитного не средством понуждения ко вступлению в половую связь, а необходимыми с житейских или служебных позиций; не являлись ли они следствием неуживчивого характера руководителя и подчиненной, психологической несовместимости, если не были справедливыми и правомерными.

Адвокату не лишне иметь также в виду, что при условии доказанности понуждения женщины, зависимой материально или по службе от подзащитного, к вступлению в половую связь, при провоцирующих действиях со стороны потерпевшей, ее ненадлежащем моральном облике будут налицо смягчающие вину обстоятельства.

§ 3. Спорные вопросы полового сношения с лицом, не достигшим половой зрелости

Неопределенность критериев, обусловливающих возможность достоверно констатировать ненаступление у того или иного лица фактической, а не номинальной половой зрелости, и в прошлом и в настоящее время порождала при расследовании этих дел и рассмотрении их в судебных инстанциях трудности юридической оценки действий лица, которому инкриминировано половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости, до сих пор служит предметом оживленных дискуссий судебных медиков.

С точки зрения юридической это показательно, например, различной регламентацией в диспозициях аналогичных статей УК союзных республик, по-разному рассматривающих некоторые характеристики объекта непосредственного посягательства и субъективной стороны состава преступления.

Так, УК РСФСР от указания на возрастные критерии, свидетельствующие о ненаступлении у потерпевшего половой зрелости, воздерживается. Между тем УК Казахской (ст. 102), Грузинской (ст. 119), Молдавской (ст. 103), Латвийской (ст. 122), Киргизской (ст. 110), Таджикской (ст. 123), Армянской (ст. 114), Туркменской (ст. 124) и Эстонской (ст. 116) ССР устанавливает предельный возраст потерпевших — 16 лет. Таким образом, по закону указанных республик вступление в половую связь с лицом младше указанного возраста является преступным и квалифицируется как половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости. Уголовный кодекс Азербайджанской ССР устанавливает ответственность за половую связь с лицом, не достигшим брачного возраста.

Серьезные разногласия относительно установления факта наступления половой зрелости существуют и в медицинской науке. В общем плане ст. 20 «Правил судебномедицинской акушерско-гинекологической экспертизы» от 7 января 1966 г. устанавливает признаки, по которым констатируется половая зрелость женщины: а) общее развитие организма; б) развитие половых органов и способности к совокуплению; в) способность к зачатию; г) способность к вынашиванию плода; е) способность к вскармливанию. Физические критерии развития женского организма приведены в ст. 21 указанных «Правил»: женщина считается достигшей половой зрелости, когда она имеет: рост — 150 см, окружность грудной клетки — 78—80 см, окружность плеча — 30—31 см, таз — расстояние между вертелами — 29 см, расстояние между остями — 23 см, между гребешками — 26 см, наружная конъюгата — 18 см.[4]

Хотя случаи экспертного установления достижения половой зрелости у мальчиков и юношей встречаются не так уже часто, разработаны критерии определения таковой и у них. Способность к половому сношению у мальчиков появляется сравнительно рано (к 14—15 годам), но решающим является способность к оплодотворению, которая развивается к 15—17 годам. Юноша признается достигшим половой зрелости, если у него выражено оволосение подмышечных впадин и лобка, правильно развит половой член, кожа мошонки имеет специфичную пигментацию, отчетливо прощупывается предстательная железа, в семенной жидкости обнаруживаются живые сперматозоиды.

Однако, если обратиться к точкам зрения ряда специалистов в области судебной медицины, то станет очевидным, что такие экспертные исследования встречаются со значительными трудностями.

---

[4] «Правила судебномедицинской акушерско-гинекологической экспертизы». М., 1966, с. 8—9.

«Возможность выполнять отдельные половые функции может быть и не связана с достижением половой зрелости, — пишет, например, М. И. Авдеев. — Так, способность к половому сношению может появиться иногда в 13—14 лет и даже раньше. Способность к зачатию возможна с появлением менструаций. К этому же возрасту появляется способность к вскармливанию ребенка. Способность к родам появляется позднее, однако роды возможны иногда значительно ранее достижения половой зрелости.»[5] Некоторые судебные медики надо полагать — по причинам действительной сложности установления половой зрелости, исходя из медико-биологических признаков) пытаются ввести критерием такое социологическое понятие, как способность женщины воспитывать и содержать на своем иждивении родившегося ребенка, разумеется, ничего общего с судебной медициной не имеющее.

Как видно, М. И. Авдеевым достаточно хорошо показано, насколько условны признаки, перечисленные в ст. 20 указанных выше «Правил».[6] Еще менее надежны определенные ст. 21 «Правил» антрополого-физические данные. Нередки случаи, когда по возрасту и по внешнему виду судить о факте достижения половой зрелости тем или иным лицом чрезвычайно трудно. Притом, если это трудно с позиций медицины, то подчас лицу, вступающему в половую связь с девушкой (или мальчиком-подростком), по внешнему виду определить, что последние не достигли половой зрелости, совершенно невозможно.

Еще в 1927 году в постановлении Пленума Верховного суда РСФСР по этому поводу указывалось: «...не выясняется достаточно объективная сторона дела: действительно ли потерпевшая не достигла половой зрелости в момент сношения с обвиняемым, а также субъективные признаки преступления — мог ли обвиняемый знать о недостижении потерпевшей половой зрелости, оба эти вопроса надлежит ставить на разрешение судебно-медицинской экспертизы.»[7] По этому пути идет и в настоящее время судебная практика. Вот одно из определений Военной коллегии Верховного Суда СССР от 10 декабря 1968 г. по делу К.: «Для обвинения в половом сношении с лицом, не достигшим половой зрелости, необходимо установить, что виновный сознавал, либо по обстоятельствам дела мог и должен был сознавать, что потерпевшая не достигла половой зрелости».[8]

Мы полностью разделяем точку зрения А. Н. Игнатова о том, что «...нельзя согласиться с мнением некоторых практических работников, что по отношению к факту недостижения потерпевшей половой зрелости возможна неосторожная вина. Допущение неосторожной вины по отношению к факту недостижения половой зрелости на практике может привести только к объективному вменению.»[9]

По рассматриваемым делам с позиции защиты важным является вопрос о возрасте, когда девушка в состоянии понимать характер совершаемых с нею действий, к тому же при добровольном согласии на вступление в половую связь. Строго юридически, конечно, понимание потерпевшей содержания половой жизни не устраняет вины вступившего с ней в половую связь лица, если она объективно признана не достигшей половой зрелости, а последнее знало об этом. Однако в таких ситуациях многое решает конкретно сложившаяся обстановка и отношения сторон. Во всяком случае смягчающие вину обстоятельства здесь могут быть налицо. Так, изменяя приговор от 13 августа 1964 года по делу

---

[5] Авдеев М. И. Курс судебной медицины. М., 1959; Судебномедицинская экспертиза живых лиц. М., 1968, с. 241.
[6] См. указанную работу.
[7] «Судебная практика Верховного суда РСФСР», 1927, № 1.
[8] «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1969, № 3, с. 40.
[9] Игнатов А. Н. Квалификация половых преступлений, с. 203.

Андрея П., Судебная коллегия по уголовным делам Леноблсуда констатировала: «Из дела и данных судебного следствия видно, что О-ва, хотя и не достигла совершеннолетия к моменту события, однако ранее до этого случая вступала в половую связь с другим лицом, а следовательно действия подсудимого по отношению к О-вой не могли вызвать у нее нездорового интереса к половой жизни, с которой она по существу уже была знакома. Кроме того, Судебная коллегия считает установленным, что О-ва своим поведением способствовала П. и тем его действиям, которые им были совершены по отношению к ней».[10]

Законодательством и судебной практикой не решен вопрос о том, с какого возраста считать действительным согласие потерпевшей, т. е. с какого времени девушка может здраво рассуждать о желаемости или нежелаемости половой близости и ее последствиях. Верховный суд РСФСР последовательно стоит на точке зрения, что «вступление в половую связь с малолетней, которая в силу своего возраста не может отдавать отчета в совершаемых в отношении ее действиях, должно рассматриваться, как изнасилование».[11]

Некоторые юристы предлагают повысить возрастной предел для всех потерпевших по половым преступлениям до достижения брачного возраста.[12] Такое искусственное повышение возраста потерпевших ничем не обосновано и не мотивировано ни с точки зрения физиологии организма женщины, ни с чисто жизненных позиций.

Взрослому человеку иногда трудно представить, какими мотивами руководствовалась несовершеннолетняя девушка, решив совершить первый в своей жизни половой акт со своим сверстником или даже взрослым мужчиной. Это может быть и любопытство, и нежелание быть среди подруг, уже знакомых с половыми сношениями, «белой вороной», и, наконец, просто внезапно вспыхнувшее половое влечение.

Осуществляя защиту по подобного рода делам, необходимо обращать внимание на поведение потерпевшей во время происшествия, вдумываться в ее роль и поступки, обращать внимание на то, как обо всем этом рассказывает сама потерпевшая; имеем ли мы дело с пересказом события ребенком, или же девушкой, способной осознать и критически оценивать свои и чужие действия. Важность такой оценки показаний потерпевшей подчеркнул Верховный Суд СССР. В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 25 июня 1971 г. по делу Ахмедова указывается: «Так из показаний Г. видно, что она понимала характер и значение совершаемых с ней действий, говорила вступившим с нею в половую связь, что она несовершеннолетняя, делилась с Касимовой своими опасениями по поводу возможной беременности и обстоятельно излагала на допросах происшедшее с ней».[13]

Исходя из изложенного, при осуществлении судебной защиты обвиняемого (подсудимого) адвокату следует решать такие задачи:

1. Дать оценку заключению судебно-медицинской экспертизы, установившей факт недостижения потерпевшим лицом половой зрелости: рассмотреть, в частности, какие объективные антрополого-физические и физиологические критерии положены в его основу, приняты ли они во внимание во всей их совокупности.

2. Выяснить, установлены ли предварительным следствием фактические взаимоотношения между обвиненным в половом сношении с лицом,

---

[10] Архив Леноблсуда за 1964 г., уг. дело № 2—69.

[11] «Бюллетень Верховного суда РСФСР», 1962, № 3.

[12] Андреева Л. Некоторые вопросы уголовного законодательства о половых преступлениях и их значения для судебно-медицинских экспертиз. В сб.: Вопросы судебно-медицинской экспертизы. 1958, вып. 3.

[13] «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1972, № 2, с. 29.

не достигшим половой зрелости, обратив при этом особое внимание на то был ли знаком подзащитный с потерпевшей до вступления в половую связь, какова степень знакомства, мог ли подзащитный в связи с этим знать, что потерпевшее лицо несовершеннолетнее, и его возраст сам по себе свидетельствует о возможности недостижения последним половой зрелости. Надо при этом учитывать, что такая осведомленность возможна, главным образом, в тех случаях, когда подзащитному о своем возрасте заявляло само потерпевшее лицо, или сообщали лица из близкого окружения последнего, либо подзащитный был давно и хорошо знаком с его семьей.

3. Составить себе объективное представление о том, мог ли подзащитный и должен ли был осознавать, судя по внешнему виду потерпевшего лица, что последнее может быть недостигшим половой зрелости, если подзащитный об этом не мог знать по объективным обстоятельствам (ему, в частности, об этом никто не сообщал, с потерпевшим лицом он ранее достаточно хорошо знаком не был, его семьи и окружения не знал и т. п.).

Важно при этом, был ли поставлен подобный вопрос перед судебно-медицинской экспертизой, а в положительном случае, какой был дан ею ответ, обоснован ли он объективными данными.

4. Проверить, изучена ли надлежащим образом личность потерпевшего лица, устанавливалась ли при этом степень его осведомленности о содержании половых отношений, возможность полового сношения ранее, чем подзащитный вступил с ним в половую связь. Немаловажную роль при судебной защите играет и то обстоятельство, что потерпевшее лицо могло быть уже развращено.

5. Установить, изучены ли сами обстоятельства вступления подзащитного в половую связь с потерпевшим лицом и, в частности, выяснялось ли, не были ли половые сношения спровоцированы последним, его действиями, ненадлежащим поведением.

§ 4. Особенности оценки действий, признаваемых развратными

Непосредственным объектом развратных действий могут быть лишь несовершеннолетние. Такие действия вызывают у потерпевших появление преждевременных и нездоровых сексуальных представлений, нарушают нормальное физическое и психическое их развитие, могут вредно сказаться на осуществлении половых функций при достижении зрелого возраста, обусловить отклонение в нравственной сфере.

С субъективной стороны развратные действия могут быть совершены только умышленно.

Чаще всего жертвами этих действий бывают девочки, несколько реже — мальчики.

Уголовные кодексы ряда республик специального возрастного критерия потерпевших не устанавливают. Поэтому, имея в виду законодательно установленный возраст совершеннолетия, потерпевшими от развратных действий могут быть лица, не достигшие 18-летнего возраста. Однако уголовное законодательство Украинской, Грузинской, Литовской, Молдавской, Таджикской, Туркменской и Эстонской ССР ограничивает возраст потерпевших шестнадцатью годами.

Точного определения содержания развратных действий диспозиции уголовно-правовых норм не содержат. «Большая медицинская энциклопедия» рассматривает развратными действиями раздражение половых органов пальцами, половым членом и «другие действия».[14] Специалисты в области судебной медицины относят к развратным действиям прикосновение

[14] Большая медицинская энциклопедия. М., 1969, т. 27.

к половым органам руками, половым членом, прикосновения половым органом к другим частям тела, трение и раздражение руками половых органов жертвы, движение половым органом между бедер и «другие действия», расшифровки которым не дается.[15] Н. В. Попов полагает развратными действиями «...различные способы удовлетворения полового влечения, не сопряженные с совокуплением как таковым, но производимые при непосредственном участии потерпевших (трение полового члена о части тела девочки, онанирование в ее присутствии, щекотание пальцами ее половых частей и т. д.).[16] Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1971 года добавляет к этому перечню непристойные жесты, разговоры, ознакомление с порнографической литературой, открытое совершение в присутствии несовершеннолетнего половых актов, обучение половым извращениям.[17]

«Правила судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы» от 17 января 1966 г. определяют следующие последствия развратных действий: покраснение слизистой оболочки половых органов, разрывы и надрывы девственной плевы, царапины и кровоизлияния в толщу, по краю и у основания ее; трещины, надрывы, царапины и кровоизлияния на слизистой оболочке наружных половых органов; в частности, малых половых губ, клитора, наружного отверстия мочеиспускательного канала, различные повреждения в области лобка, промежности, заднепроходного отверстия.[18]

Отсутствие исчерпывающего определения понятия «развратные действия», несомненно, дает основания при определенных обстоятельствах ставить их наличие в данном исследуемом случае под сомнение.

Определенные трудности вызывает и разграничение развратных действий от изнасилования несовершеннолетней, влекущего за собою, как известно, более тяжкое наказание. Судебная практика считает, что нарушение девственной плевы пальцем субъекта при отсутствии умысла на половое сношение, но совершенное для удовлетворения половой страсти должно рассматриваться развратными действиями. Так, некий Г. признан виновным в том, что, находясь в нетрезвом состоянии, завел к себе в дом семилетнюю девочку П. и совершил в отношении ее развратные действия, нарушив пальцами девственную плеву. Верховный Суд РСФСР, рассматривавший это дело в кассационном порядке, правильно усмотрел в действиях Г. не инкриминируемое ему преступление, предусмотренное ч. III ст. 117 УК РСФСР, а развратные действия.[19]

Некоторые специалисты в области судебной медицины считают, что при развратных действиях возможно повреждение девственной плевы потерпевшей и половым членом.[20]

Не следует также путать изнасилование несовершеннолетней, предполагающее половое сношение с ней или активную попытку к таковому, с имитацией полового акта. Так, в одном из определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР при изменении квалификации действий осужденного К-зева с ч. III ст. 117 УК РСФСР на ст. 120 УК РСФСР констатировано следующее: «К-зев в своей квартире допускал по отношению к дочери развратные действия. Раздевшись до-

---

[15] Надеждин В. Н. Судебная медицина в вопросах и ответах. М., 1927; Авдеев М. И. Судебномедицинская экспертиза живых лиц. М., 1968; Сердюков М. Г. Судебная гинекология и судебное акушерство. М., 1964 и др.

[16] Попов Н. В. Судебная медицина. М., 1950, с. 339.

[17] Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. М., 1971, с. 284.

[18] «Правила судебномедицинской акушерско-гинекологической экспертизы». М., 1966.

[19] «Бюллетень Верховного суда РСФСР», 1969, № 10, с. 14.

[20] См., например, Сердюков М. Г. Судебная гинекология и судебное акушерство, с. 80.

гола, он лег к дочери Лиде в постель, снял с нее трусы и имитировал совершение с ней полового акта».[21]

Указанное положение тем более важно, что практика в таких ситуациях знает ошибки квалификации. Так, например, И. встретил на вокзале гор. Выборга десятилетнюю Галину Б., завел ее на перрон и в темном тупике посадил к себе на колени, снял с нее рейтузы и прикасался половым членом к различным частям тела девочки. В результате у него произошло извержение семени, следы которого обнаружены на трусах И. и рейтузах потерпевшей. Судебномедицинской экспертизой было установлено, что девственная плева у Галины Б. не нарушена, но имеется раздражение слизистой оболочки преддверья влагалища.

Предварительным следствием действия И. были квалифицированы ч. III ст. 117 УК РСФСР с мотивировкой, что обвиняемый «удовлетворил свою половую страсть». Ленинградский областной суд правильно переквалифицировал действия И. на ст. 120 УК РСФСР.[22]

Подчас сложно разграничить умысел субъекта на изнасилование и совершение развратных действий. Действия лиц, обвиняемых в покушении на изнасилование несовершеннолетней, и их последствия иногда весьма схожи с действиями и их последствиями при развратных действиях.

Изложенное следует учитывать адвокату, ведущему защиту обвиняемого (подсудимого) по делам об изнасилованиях несовершеннолетних.

Практике известны случаи оговора несовершеннолетними тех или иных лиц в совершении развратных действий. Это бывает тогда, когда несовершеннолетний имеет достаточный возраст, чтобы понимать содержание половых отношений и уголовно наказуемые последствия развратных действий. Иногда такое случается по наущению взрослых. Надо учитывать при этом, что у девочек могут быть налицо даже признаки, указывающие на развратные действия. В то же время покраснения слизистой, нарушения девственной плевы могут иметь место и от иных причин, например, онанизма.

Осуществляя защиту по делам о развратных действиях в отношении несовершеннолетних, адвокат может столкнуться с разрешением следующих вопросов:

1. Каково содержание действий подзащитного, обвиненного в развратных действиях; можно ли относить таковые к категории развратных действий.

2. Был ли у подзащитного умысел на развратные действия при внешнем сходстве с ними его действий. Особенно это касается случаев, когда судебномедицинским исследованием внешних признаков развратных действий не установлено, либо эти признаки не соответствуют характеру и содержанию действий подзащитного.

3. При обвинении в развратных действиях путем непристойных разговоров, жестов, необходимо выяснять точное содержание последних, ибо не исключается его субъективное понимание, субъективистская трактовка и оценка. Если подзащитный обвиняется в демонстрации несовершеннолетнему порнографических изображений, то они должны быть сами представлены суду по тем же причинам.

В ряде случаев имеют значение по рассматриваемым делам возраст и некоторые характеристики личности потерпевших. Несовершеннолетние подросткового возраста подчас хорошо понимают содержание сексуальных действий, сами их провоцируют.

Как уже указывалось выше, знание содержания и признаков развратных действий имеет существенный смысл при осуществлении защиты обви-

---

[21] Архив Верховного суда РСФСР, 1967, уголовное дело № 9-07-4.
[22] Собственная практика автора.

ненных в изнасиловании несовершеннолетней. Необходимо тщательно исследовать при этом, не были ли квалифицированы таким образом фактические развратные действия. В разграничении этих двух составов преступлений адвокату может помочь следующее: развратные действия совершают, как правило, импотенты, не способные к половым сношениям с женщиной, либо пожилые люди, утратившие половую потенцию, но сохраняющие зачастую желание к половым сношениям. Адвокату, таким образом, следует выяснять у самого подзащитного, не страдает ли он половой слабостью. Если подзащитный об этом заявит, и изложение будет подтверждено судебно-медицинским исследованием, то защитнику следует обратить внимание суда на то, что подзащитный не может изнасиловать не только взрослую женщину, но и малолетнюю девочку.

§ 5. Мужеложство с позиций судебной защиты

Мужеложством, т. е. уголовно наказуемыми умышленными действиями, квалифицируемыми по ст. 121 УК РСФСР, является эквивалент полового акта, совершаемый между мужчинами. Так, оценивается уголовно наказуемым только введение полового члена одного мужчины в задний проход другого, либо попытка к таковому. Между тем, подчас в судебной и следственной практике оцениваются мужеложством иные формы удовлетворения половой страсти двумя мужчинами (взаимные мастурбации, прикосновение половыми членами к другим частям тела и т. п.), которые уголовно наказуемыми не являются и состава преступления, предусмотренного ст. 121 УК РСФСР, не образуют.

Проблема мужеложства с позиций генетики, психиатрии и психологии чрезвычайно сложна, до сих пор его психофизиологические механизмы до конца не выяснены, являются предметом полемики. С точки зрения психофизиологических характеристик мужеложство обсуждается и юристами. Суть здесь в том, что многими учеными — физиологами, психиатрами, психологами высказывается не лишенное серьезных оснований мнение, что гомосексуализм может быть и врожденным, и искусственно привитым, приобретенным в определенных житейских ситуациях.[23]

Я. М. Яковлев, основываясь на данных социологического исследования, утверждает, что в нашей стране в связи с ликвидацией проституции, запрещением распространения порнографии, общим оздоровлением быта количество случаев гомосексуализма резко сократилось. Это особенно заметно в сравнении при анализе данных о половых преступлениях, а в том числе и гомосексуализме, в современных капиталистических странах. Я. М. Яковлевым справедливо утверждается серьезная общественная опасность гомосексуализма, правильно мотивируемая тем, что влечения гомосексуалистов обычно направляются на детей, подростков, юношей. Этим последним прививается в результате искусственное влечение к противоестественным половым сношениям. Кроме того, склонение несовершеннолетних и молодых людей гомосексуалистами к половой связи нередко сопряжено с вовлечением их в пьянство, употребление наркотиков, т. е. обусловливает деградацию личности молодого поколения, что не может быть терпимо в условиях социалистической общественной формации. Поэтому уголовное преследование этой формы извращенных половых сношений правомерно и оправданно.[24]

Особенно опасно насильственное мужеложство, ибо физическое и психическое воздействие в этом случае чаще всего направляется на мальчи-

---

[23] См., например, Иванов Н. В. Вопросы психотерапии функциональных сексуальных расстройств. М., 1966; Калашник Я. М. Судебная психиатрия. М., 1961 и др.

[24] Яковлев Я. М. Половые преступления. Душанбе, 1969, с. 303—325.

ков и подростков, и очень редко применяется ко взрослым мужчинам, обладающим достаточными физическими возможностями противостоять насильнику.

При всем этом, конечно, нельзя не учитывать возможности проявлений гомосексуальных наклонностей в результате психопатологий, имеющих генетическое происхождение.[25] И если это будет установлено, то либо исключит уголовную ответственность субъекта (при невменяемости), либо окажется смягчающим вину обстоятельством.

Адвокату, осуществляющему защиту лица, обвиненного в мужеложстве, необходимо:

1. Учитывая, что удовлетворение половой страсти между мужчинами в любой иной форме, кроме введения полового члена одного в задний проход другого, не подлежит уголовной ответственности, тщательно исследовать обстоятельства полового общения, обращая в нужных случаях внимание суда на эти обстоятельства.

2. Исследовать, насколько полно и достоверно установлены в ходе предварительного следствия внешние, а в том числе и судебномедицинские признаки мужеложства. Адвокату надо знать, что при длительных половых сношениях у пассивного партнера наступают патологические изменения в заднем проходе и в толстой кишке, у подростков, оказавшихся в роли пассивных партнеров, возможны повреждения заднепроходного отверстия (разрывы), воспалительные процессы слизистой толстой кишки.

3. При возникновении подозрения на наличие у субъекта гомосексуальных наклонностей психопатологического происхождения и тем более генетического плана возбуждать ходатайства о назначении и проведении такому лицу судебно-психиатрической экспертизы.

4. При защите обвиненного в мужеложстве пассивного партнера внимательно исследовать обстоятельства, при каких он оказался вовлеченным в половые сношения с мужчиной, не вовлекался ли он в акт мужеложства в опьяненном состоянии или под влиянием наркотических веществ опытным гомосексуалистом, что, бесспорно, является смягчающим вину подзащитного обстоятельством. Особенное значение это приобретает при защите пассивного гомосексуалиста из числа молодежи.

Разумеется, при защите по этим делам имеют значения положительные характеристики личности подзащитного.

---

[25] См.: Протопопов В. П. Современное состояние вопроса о сущности и происхождении гомосексуализма. «Научная медицина», 1922.

Глава третья

ОЦЕНКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И РАЗРАБОТКА АДВОКАТОМ ТАКТИКИ ЗАЩИТЫ ПО ДЕЛАМ О ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Рассмотренная в предыдущем изложении специфичность составов половых преступлений, определяющая в конечном счете круг обстоятельств, которые должны быть установлены по этим делам в первую очередь на предварительном, а затем и в ходе судебного следствия, определяет подготовку адвоката, осуществляющего защиту обвиняемого (подсудимого), к ее осуществлению.

Изучая уголовные дела о половых преступлениях перед осуществлением своих функций в судебном следствии, адвокат обращает внимание на то, как в процессе предварительного следствия исследованы, процессуально оформлены и оценены доказательства, которые дают основание полагать имевшим место то или иное событие преступления, установленной вину субъекта в нем, выясненными отягчающие и смягчающие вину обстоятельства. Большое значение, как мы видели выше, имеют при этом изучение личности обвиненного в совершении полового преступления, личности потерпевшего от этого преступления лица, ряда сопутствующих (предшествующих и последующих) этому преступлению обстоятельств.

Таким образом, работа адвоката с материалами уголовного дела, внимательное их исследование, по общему правилу, и обуславливают выработку наиболее целесообразной тактики защиты, вытекающей из обязанностей защитника, предусмотренных ст. 51 УПК РСФСР.

Обратимся поэтому к более подробному рассмотрению некоторых из этих вопросов.

§ 1. Работа адвоката с протоколом осмотра места происшествия

Осмотр места происшествия проводится на предварительном следствии далеко не по всем делам о половых преступлениях. Наиболее часто этим следственным действием начинается расследование по делам об изнасилованиях, несколько реже — по делам о развратных действиях. Места происшествий осматриваются, хотя и очень редко, по делам о насильственном мужеложстве.

Однако, если осмотр места происшествия производился, то при осуществлении защиты по уголовным делам о половых преступлениях адвокату необходимо уделять большое внимание его протоколу, так как в протоколе может быть много исходных данных, помогающих разработать тактику защиты. Протокол осмотра места происшествия должен быть целиком переписан адвокатом в свое досье и лишь в исключительных случаях можно ограничиться неполными выписками.

Ход и результаты осмотра места происшествия, зафиксированные в протоколе, во-первых, дают представление о том, где конкретно произо-

шло событие, во-вторых, позволяют установить, что именно обнаружено на месте происшествия.

Судебная практика часто ссылается на протоколы осмотра места происшествия по делам о половых преступлениях. «Как видно из протокола осмотра места происшествия, во время оказания сопротивления Ш. Коршунов опрокинул шкаф, разорвал кофту у потерпевшей», — указывает Верховный суд РСФСР, ссылаясь на протокол осмотра места происшествия, как на доказательство виновности подсудимого».[1] Еще по одному из дел Верховный суд РСФСР ссылается на протокол осмотра места происшествия, как на доказательство бывшего полового сношения: «Из протокола осмотра места происшествия видно, что на месте, где по словам потерпевшей, ее изнасиловал К-в, были обнаружены двое трусов и туфли, принадлежащие потерпевшей».[2]

Насильник после изнасилования очень часто забывает на месте происшествия части своей одежды, оружие, которым он угрожал жертве, или какие-либо другие предметы. Пуговицы, расчески, портсигары и другие предметы личного обихода, которые в ходе борьбы даже незаметно для насильника могут остаться на месте происшествия, служат косвенными доказательствами по делу. Если такие предметы найдены на месте происшествия и приобщены к уголовному делу в качестве вещественных доказательств, адвокату необходимо выяснить в ходе судебного следствия, действительно ли эти предметы принадлежали его подзащитному или же они имеют общие родовые признаки и лишь похожи на те вещи, которые могли быть только у подсудимого, но могут принадлежать и иным лицам.

Так, например, по делу, где обвиняемый оспаривает факт принадлежности ему расчески, обнаруженной на месте происшествия, адвокат должен знать, что в последнее время в судебно-медицинской литературе появились указания на возможность доказать принадлежность расчески тому человеку, который ею длительное время пользовался. Потожировые выделения и обрывки волос остаются между зубьями, и по этим остаткам можно установить вид агглютиногена, а тем самым представляется возможность определить принадлежность расчески человеку с той или иной группой крови.[3]

Между насилуемой и мужчиной, как правило происходит борьба, котошая неминуемо должна оставить на месте происшествия те или иные следы: в квартире смятую постель или опрокинутую мебель, в поле, помятую траву, в лесу — сломанные ветки кустов и т. д. В тех случаях, когда в протоколе осмотра места происшествия это не нашло отражения и если нет оснований сомневаться в том, что осмотр места происшествия производился вполне добросовестно, то долг адвоката заявить о том, что показания потерпевшей (или ее утверждения) о том, что она оказывала сопротивление притязаниям мужчины находятся в противоречии с объективными данными дела и по своему существу являются недостоверными.

Таким образом, осмотр места происшествия очень важен для установления наличия или отсутствия таких следов борьбы. Насколько это важно, можно судить, например, по определению Военной коллегии Верховного суда СССР по делу Султанова: «Поскольку осмотр места происшествия был произведен поверхностно, необходимо установить и допросить свидетелей, заходивших в эту квартиру сразу после происшествия, восстановить

---

[1] Сборник Постановлений Пленума, Президиума и определений коллегий по уголовным делам Верховного суда РСФСР 1961—1963 гг. М., 1964, с. 135.

[2] Определение Верховного суда РСФСР от 4 февраля 1967 г., дело № 18-07-11.

[3] Лукаш А. А. О возможности судебно-медицинского исследования потожировых выделений и волос на мужских расческах. «Судебно-медицинская экспертиза», 1965, № 2.

обстановку в квартире, и, в частности, установить, имелись ли какие следы, свидетельствующие о борьбе между С. и Султановым».[4]

Общее ознакомление о местом происшествия помогает зачастую воссоздать картину преступления, его возникновения и завершения. Кроме того, знакомство с общей картиной места происшествия порождает ряд вопросов как к потерпевшей, так и к обвиняемому. Например, если местом происшествия был дровяной сарай, то вполне естественно возникает вопрос и к потерпевшей и к обвиняемому (подсудимому), почему они там оказались. В зависимости от полученных ответов можно судить о правдоподобности показаний участников события.

Свойства и специфические особенности объекта, обнаруженного на месте происшествия и осмотренного судом и адвокатом, позволяют сделать вывод о правдивости рассказа потерпевшей или подсудимого. Так, потерпевшая утверждала, что подсудимый ворвался к ней в дом пьяным, повалил ее на постель и изнасиловал. Из ее рассказа следовал вывод о том, что половой акт был совершен в таком положении: она лежала поперек постели, а подсудимый стоял. Подсудимый же отрицал не только изнасилование, то и сам факт полового сношения. По его словам, половое сношение в той позе, о которой говорила потерпевшая, совершить совокупление нельзя, ибо постель расположена на козлах-топчане и лежащая женщина окажется в неудобной позе для стоящего мужчины. Подсудимый бывал в комнате потерпевшей и знал, где она спит. Адвокат заявил в судебном заседании ходатайство об осмотре места происшествия для проверки правдоподобности показаний участников события. Суд выехал на место и убедился в обоснованности возражений подсудимого.

Необходимо обращать внимание на зафиксированные протоколом осмотра места происшествия, на изменения обстановки, которые в какой-то мере могут свидетельствовать о достоверности происшедшего, например: если мужчина и женщина сидели на траве, а потом совершили добровольный половой акт, то трава тоже будет помята, хотя никакого изнасилования не произошло. Следовательно, при изнасировании, во время борьбы, трава должна быть не просто помята, а сильно помята на обширной площади, что свидетельствует об активном сопротивлении потерпевшей.

В протоколе осмотра места происшествия адвокату нужно устанавливать признаки, указывающие на длительность и ожесточенность борьбы. Если такие признаки отсутствуют — адвокат должен заявить об этом суду и в своей речи обратить внимание суда на это, как на доказательство, опровергающее обвинительную версию о насильственных действиях подзащитного. Осмотр места происшествия ценен не только тем, что он позволяет найти следы преступления, но он также создает возможность проверки показаний потерпевшей и свидетелей, если они были.

§ 2. Анализ протоколов проверки показаний на месте и протоколов осмотра вещественных доказательств

По ряду дел о половых преступлениях производится проверка на месте показаний обвиняемого и потерпевшего. Это следственное действие обычно проводится по таким делам, как изнасилование, и некоторым категориям дел о развратных действиях. Как правило, это имеет место в тех случаях, когда указанные преступления совершены на местности (в поле, в лесу, на улице и т. п.), либо в нежилых помещениях. При проверке показаний на месте подчас обнаруживаются до этого не выявленные следы и предметы, которые имеют значение для дела и в последующем признаются по нему вещественными доказательствами.

---

[4] «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1968, № 6.

Знакомясь с протоколами проверки показаний на месте, адвокат анализирует не только результаты, но и ход этого следственного действия, устанавливая притом, действительно ли протоколом зафиксированы обстановка и объекты, которые показывал на месте сам обвиняемый, не было ли со стороны следственных работников прямых или косвенных подсказок, не задавались ли наводящие вопросы. Большое значение имеет также выяснение соответствия зафиксированной этими протоколами обстановки той, что зафиксирована в результате осмотра места происшествия.

Следует также рассмотреть, какие именно объекты, признанные затем вещественными доказательствами по делу, были обнаружены в ходе проверки показаний на месте, каким образом состоялось их обнаружение, действительно ли они найдены по указаниям обвиняемого, чьи показания проверялись, достоверно ли установлена в ходе дальнейшего следствия их принадлежность обвиняемому или потерпевшему.

Протоколы проверки на месте показаний потерпевшего лица (особенно по делам об изнасиловании) анализируются с точки зрения соответствия зафиксированной обстановки объяснениям лица, чьи показания проверяются, возможности в связи с условиями, которыми данное место характеризуется, совершить там преступление, инкриминируемое подзащитному. Эти протоколы обязательно сопоставляются с предшествующими показаниями лиц, проверка которых на месте производилась и, если они есть в деле, протоколами осмотра места происшествия.

По делам о половых преступлениях осмотр вещественных доказательств производится достаточно часто. Такие осмотры могут проводиться по делам об изнасилованиях (осмотры личной одежды обвиняемого и потерпевшей для обнаружения следов борьбы, связанных с ней повреждений, крови, спермы и т. п.), о развратных действиях (осмотр одежды обвиняемого в развратных действиях при имитации полового акта в целях обнаружения следов спермы; изображения, демонстрировавшиеся несовершеннолетнему и признанные порнографией), о мужеложстве (одежда обвиняемого и потерпевшего в целях обнаружения крови и спермы). Адвокату, осуществляющему защиту, важно при этом установить, действительно ли подвергалась осмотру одежда потерпевшего лица и обвиняемого, как зафиксировано ее изъятие, зафиксированы ли следы на ней, выявленные осмотром. Если изъяты и осмотрены изображения, признанные в ходе следствия порнографическими, то адвокат должен с ними ознакомиться, составить себе представление о их содержании, убедиться, действительно ли изображения могут быть признаны безнравственными, развращающими несовершеннолетнего своим содержанием.

По делам об изнасилованиях может быть проведен осмотр орудий или оружия, которые использовались при угрозе. Адвокату надлежит ознакомиться и с этими предметами в натуре, поставив и разрешив вопрос, могли ли эти орудия представлять реальную угрозу жизни или здоровью потерпевшей, возможно ли их было принять за таковые.

§ 3. Критическая оценка адвокатом заключения судебно-медицинской экспертизы

Заключение судебно-медицинской экспертизы по делам о половых преступлениях имеет весьма важное доказательственное значение. Однако, как бы не было велико значение для дел о половых преступлениях заключений судебно-медицинских экспертиз, они исследуются и оцениваются в совокупности с другими доказательствами.

Значительно реже по делам о половых преступлениях проводится психиатрическая экспертиза обвиняемого (подсудимого) или потерпевшей. Задача адвоката, осуществляющего защиту по делам о половых преступ-

лениях, должна сводиться по крайней мере к трем положениям: 1) адвокат обязан тщательно ознакомиться с текстом заключения эксперта; 2) допросить эксперта в судебном заседании; 3) произвести оценку заключения эксперта в своей защитительной речи, а если понадобится, то в кассационных и надзорных жалобах.

Однако, анализируя заключение эксперта и критикуя его доводы, адвокат всегда должен помнить слова А. Ф. Кони, что критика экспертизы должна быть строго обоснована и к труду эксперта, часто очень большому и требующему траты сил и времени, надо относиться с особым вниманием.[5]

Обследование потерпевшей и обвиняемого (подсудимого) экспертом производится в соответствии с «Правилами судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы» от 7 января 1966 года. Судебно-медицинская экспертиза по делам об изнасиловании устанавливает не факт изнасилования, а лишь признаки бывшего полового сношения и повреждений, которые остались у жертвы при борьбе с насильником.

В уголовных делах о половых преступлениях нередко можно встретить документы об освидетельствовании потерпевшей, выданные лицом, имеющим среднее медицинское образование (фельдшер, акушерка и др.). Судебной практикой признано, что выдача подобных справок и документов является незаконной, так как осмотр и освидетельствование потерпевшей, а также «производство судебно-медицинской экспертизы не может быть поручено лицу, имеющему среднее медицинское образование».[6] Поэтому адвокат должен обратить внимание суда на то, что такой «документ» не может рассматриваться судебным доказательством и свидетельствовать о виновности подсудимого. В этом случае адвокат выступает с ходатайством о назначении компетентной судебно-медицинской экспертизы или возвращением дела на дополнительное расследование для проведения таковой.

Адвокаты редко обращают внимание на саму обстановку проведения экспертизы. Между тем, в соответствии со ст. 4 «Правил судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы» от 7 января 1966 года обследование и осмотр потерпевшей производится экспертом, как правило, при естественном освещении. Судебная практика на это обстоятельство обращает серьезное внимание. Так, в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 20 сентября 1967 года указывается на то, что нельзя признать качественным осмотр и освидетельствование потерпевшей, который производился при свете лампы, зажженой на кухне.[7]

Наиболее важными вопросами, которые подлежат исследованию судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизой, являются следующие.

Имеются ли на теле потерпевшей повреждения, какие это повреждения и где они расположены. При изнасиловании женщина может получить самые различные телесные повреждения. Насильник мог ударить ее ножом, камнем, сломать руку и т. д. Это так называемые общие телесные повреждения, которые для изнасилования нехарактерны. Для изнасилования же типичны свои особые, специфические телесные повреждения, которые расположением и характером указывают на то, что женщина была именно изнасилована, а не просто ей было нанесено то или иное телесное повреждение. При изнасиловании повреждения возникают около половых органов

---

[5] См.: Кони А. Ф. Собр. соч. в 8 томах, т. IV. М., 1967, с. 84, 138, 154, 185, 377, 411.

[6] Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 9 апреля 1946 г. — «Сборник Постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР». М., 1964.

[7] «Бюллетень Верховного Суда СССР», № 2, с. 19.

4 Зак. 2-Д

женщины, особенно на внутренней поверхности бедер, когда насильник, преодолевая сопротивление женщины, раздвигает ее ноги. В этих случаях на них неизбежно должны остаться полулунные ссадины от ногтей, синяки от давления пальцами, царапины. Если жертва упорно сопротивлялась, то на спине и ягодицах образуются ссадины и кровоподтеки. Если женщина кричала, а насильник мешал ей и зажимал рот, то на губах, щеках и подбородке должны остаться ссадины и кровоподтеки, если же насильник ее душил за горло, то на шее останутся следы его рук.

Совокупность всех этих повреждений объективно поможет установить, что в действительности произошло с потерпевшей. Отсутствие этих характерных и специфических телесных повреждений должно насторожить адвоката, ибо это первый признак того, что показания потерпевшей могут не соответствовать действительности, быть ложными.

Адвокату следует знать, что если женщина действительно подверглась насильственному нападению, и мужчина стремился с ней совершить половой акт против ее воли, при активном сопротивлении, то повреждения на внутренней поверхности бедер у женщины будут не около половых органов, а около голенных суставов. Об этой особенности упомянул еще Д. П. Косоротов. «Наиболее характерны — преимущественно ссадины и кровоподтеки, встречаемые на бедрах и в области половых частей у женщины. Прилегающие друг к другу поверхности бедер содержат много богатой жировой ткани, давление здесь легко вызывает образование кровоподтеков, они здесь и образуются вследствие сильного надавливания с целью раздвигания бедер: по механическим условиям раздвигание легче удается при захватывании нижнего конца бедра».[8]

Следует, однако, заметить, что эти специфические повреждения, возникающие в результате насильственного полового акта, иногда могут быть у женщины и при добровольном половом акте. М. И. Райский пишет, что «ссадины и кровоподтеки могут встречаться и при добровольном бурном койтусе».[9]

С. А. Бородин и А. Я. Палиашвили справедливо указывают, что «изучение судебной практики показывает, что заключение судебно-медицинского эксперта о наличии на теле потерпевшей следов, характерных для изнасилования, недостаточно для привлечения к ответственности за это преступление, если даже факт полового сношения имел место. Для установления факта изнасилования необходимы еще и другие доказательства».[10]

Наличие на теле потерпевшей незначительных телесных повреждений, даже при нарушении девственной плевы, судебная практика не считает убедительным доказательством насильственности полового акта. В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 1 августа 1964 года по делу Хажалия записано: «Из заключения судебно-медицинской экспертизы усматривается, что на теле Хажалия не было обнаружено телесных повреждений, на теле же Одиловадзе И. Д. имелись две незначительные ссадины в области молочных желез и в области плеча три кровоподтека. Девственная плева была нарушена. Таким образом убедительных признаков того, что Одиловадзе действительно оказывала сопротивление и что Хажалия применял по отношению к ней физическое насилие, как это она утверждала, по делу не установлено».[11]

При оценке значения телесных повреждений адвокату следует учитывать мнение известного советского судебно-медицинского эксперта М. И. Авдеева: «Наличие множественных повреждений, расположенных

---

[8] Косоротов Д. П. Учебник судебной медицины. М., 1928.
[9] Райский М. И. Судебная медицина. М., 1953.
[10] Бородин С. А., Палиашвили А. Я. Вопросы теории и практики судебной экспертизы. М., 1963.
[11] «Бюллетень Верховного суда СССР», 1964, № 6, с. 34.

в определенных частях тела, может косвенно подтвердить объяснение потерпевшей и указать на имевшее место насилие. Однако эксперту не следует в своем заключении указывать, что обнаруженные повреждения характерны для изнасилования. Такое заключение неправильно. Характерных для изнасилования повреждений нет».[12]

Такого же взгляда придерживается и А. П. Громов: «Наличие множественных повреждений, расположенных на бедрах, голенях, руках, в области рта, молочных желез, на шее свидетельствуемой, может косвенно подтвердить ее показания и указать на имевшееся насилие. Однако такие повреждения нельзя рассматривать как полученные только при изнасиловании».[13]

Разница между повреждениями, полученными женщиной при добровольном половом акте и повреждениями, возникшими от изнасилования, заключается в том, что при добровольном сношении они не так обширны и значительны, как при изнасиловании.

Адвокат должен сопоставить объяснения потерпевшей с теми объективными сведениями, которые можно извлечь из акта судебно-медицинского эксперта. Например, потерпевшая утверждает, что подсудимый ее душил за горло руками, а на шее у нее отсутствуют следы воздействия рук постороннего человека, или наоборот, на теле потерпевшей существуют повреждения, а она не объясняет их происхождение. «Показания А., — записано в Определении Верховного суда СССР от 17 ноября 1945 года, не совпадают с данными дела еще в одном отношении. Ни в одном из своих показаний она не говорила о причинении ей в связи с изнасилованием каких-либо телесных повреждений на лице. Между тем, в свидетельстве судебно-медицинской экспертизы отмечено, что на лице А. обнаружены три ссадины. Вопрос о происхождении этих ссадин не был предметом расследования, и даже А. не допрошена по этому поводу».[14]

Рассматривая проблему «типичные для изнасилования телесные повреждения», следует отметить, таковые действительно чаще всего встречаются, если насильник преодолевал сопротивление жертвы. Однако их наличие само по себе никак не является безусловным доказательством того, что факт изнасилования имел место. Поэтому защитнику не следует принимать таковыми, а, изучая дело, исследовать их соответствие не определенному «типу», а обстоятельствам дела.

Каков характер этих повреждений, нанесены ли они посторонним человеком или это могли быть самоповреждения. Повреждения, обнаруженные на теле женщины, следует рассматривать с точки зрения их количества, и могли ли они возникнуть в тех местах, где обнаружены, если бы женщина действительно подвергалась изнасилованию.

Как правило, ложные обвинительницы наносят себе столько повреждений, что количественно их бывает достаточно много. Обильность повреждений заставляет подозревать их неестественное происхождение. Способ нанесения повреждений у ложнопотерпевших так же неестественн: они наносят их сбе спереди и снизу вверх, когда как при изнасиловании они возникают сверху вниз. Ложные повреждения, чаще всего царапины однородного происхождения, одинаковой глубины, располагаются параллельно, иногда пересекаются. При изнасиловании же повреждения разной глубины и различного характера. Кроме того, ложные повреждения часто наносятся на таких частях тела, на которых насильник нанести их не мог или их нанесение просто не вызывалось необходимостью. Нанося себе повреждения, женщина зачастую использует для этой цели какие-либо острые

---

[12] Авдеев М. И. Судебно-медицинская экспертиза живых лиц, с. 312.
[13] Громов А. П. Курс лекций по судебной медицине. М., 1970, с. 272.
[14] «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1946, вып. 1.

предметы (булавки, шпильки, иголки и т. п.). Повреждения от них, как правило, имеют вид тонких, множественных, неглубоких параллельных друг другу царапин.[15]

Задача судебно-медицинской экспертизы не ограничивается только тем, что эксперт перечисляет полученные женщиной повреждения и устанавливает их тяжесть, но он также обязан определить характер этих повреждений и высказать свое мнение о том, являются ли обнаруженные повреждения косвенным указанием на то, что жещина получила их от постороннего человека, в результате падения или же могла нанести их себе сама. Конечно, такие выводы эксперта, хотя и основаны на объективных данных, носят вероятный, предположительный характер. Изучив заключение судебно-медицинского эксперта и, убедившись, что описанные в исследовательской части этого заключения повреждения на теле потерпевшей, не исключают появления их от каких-то других причин, а не только в результате изнасилования, адвокат обязан в ходе судебного следствия поставить такой вопрос на разрешение судебно-медицинского эксперта.

А. П. Громов предостерегал: «Наличие множественных повреждений, расположенных на бедрах, голенях, руках, в области рта, молочных желез, на шее свидетельствуемой может косвенно подтвердить ее показания и указывать на имевшееся насилие. Однако такие повреждения нельзя рассматривать как полученные только при изнасиловании, тем более встречаются случаи симуляции изнасилования с нанесением самоповреждений различной локализации».[16]

М. И. Авдеев, описывая различные самоповреждения, которые наносит себе женщина, желающая ложно обвинить мужчину, утверждает: «Такие повреждения бывают разнообразными по своему характеру, но обычно представляют собой кровоподтеки, вызванные щипками или насасыванием губами и поэтому расположены на местах, доступных для насасывания или причинения собственной рукой. Встречаются также множественные царапины и даже поверхностные надрезы, особенностью которых является то, что они бывают поверхностными, множественными и расположенными параллельно или во взаимно перекрещивающихся направлениях».[17]

В соответствии со статьей 40 «Правил судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы» от 7 января 1966 г. экспертом «при составлении заключения указывается, если это возможно, характеризуют ли обнаруженные телесные повреждения насильственное совершение полового акта или попытку к нему». Верховный Суд СССР неоднократно подчеркивал, что судебно-медицинский эксперт должен не просто отмечать и описывать те или иные повреждения на половых органах потерпевшей, но и высказывать свои суждения об их характере.

«В своем заключении судебно-медицинский эксперт, — записано в определении Верховного Суда СССР от 17 ноября 1945 года по делу Каверина и других, — воздержался от каких-либо выводов по поводу характера обнаруженных им нарушений в половых органах освидетельствованной. Между тем, ни органы расследования, ни суд не допросили его, хотя это было необходимо».[18]

Разумеется, речь здесь идет о выводах эксперта медицинского характера, основанных на результатах судебно-медицинского освидетельствования и имеющих в основе медицинские критерии. Между тем, ни органы расследования, ни суд не допросили его, хотя это было необходимо».

---

[15] Гуковская Н. И., Свешников В. А. О некоторых возможностях использования судебно-медицинской экспертизы живых лиц на предварительном следствии. «Вопросы криминалистики». М., 1962, № 4.

[16] Громов А. П. Указ. раб., с. 272.

[17] Авдеев М. И. Указ. раб., с. 312.

[18] Судебная практика Верховного Суда СССР, 1945, вып. 1.

Это отнюдь не означает, что судебно-медицинский эксперт должен при суждении о характере повреждений, сводить свои выводы к чисто юридическому обобщению: «повреждения половых органов характерны для изнасилования; повреждения половых органов не характерны для изнасилования». Таких выводов эксперт делать не вправе. Суждения и выводы судмедэксперта должны ограничиваться сугубо медицинскими критериями: повреждения могли быть причинены ногтями, руками, повреждения причинены при совершении полового акта и т. д.

Адвокату следует иметь в виду, что наличие телесных повреждений на теле потерпевшей и утверждение судебно-медицинской экспертизы о возможности их нанесения при изнасиловании никак не свидетельствует о безусловной доказанности факта изнасилования. Так, 5 августа 1944 г. в Манском районе на берегу реки Есаулевки была найдена мертвая шестнадцатилетняя Л. Судебно-медицинский эксперт дал заключение, что смерть Л. насильственная и наступила от задушения руками за шею. В воду был брошен труп, поскольку в частях легких планктона не обнаружено, кровоподтеки на левой половине груди и поверхности правого бедра носят прижизненный характер; хотя признаков нарушения целости девственной плевы не обнаружено, однако ее анатомические особенности строения допускают возможность совокупления без дефлорации.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР от 6 февраля 1946 г., прекращая производством дело в отношении подсудимого Н., преданного суду за убийство при изнасиловании, одним из оснований к прекращению указала, что эксперт лишь не исключает возможность совершения полового акта с потерпевшей без разрыва девственной плевы, но не может утверждать категорически. Далее в определении говорилось: «Свой вывод о доказанности изнасилования суд построил только на том, что на теле Л. в двух местах (на груди и бедре) были обнаружены два кровоподтека, которые, по мнению эксперта, явились прижизненными».

Необходимо признать, что даже если мнение эксперта о прижизненном характере этих кровоподтеков было безошибочным, то этих признаков совершенно недостаточно для того, чтобы считать установленным изнасилование или покушение на изнасилование».[19]

Какова давность нанесения потерпевшей телесных повреждений? Если на теле потерпевшей имеются синяки и ссадины, то в ряде случаев очень важно знать время их происхождения.

М. И. Райский считает, что на второй день после образования все ссадины имеют корочку, на третий и четвертый день корочка постепенно начинает отслаиваться, на 7 и 12 день — отпадает. А. П. Громов различает четыре стадии заживления ссадин: 1-я стадия — до 12 часов с момента причинения до образования корочки; 2-я — от 12 до 24 часов, а иногда и 48, когда дно ссадины поднимается до уровня окружающей ткани, иногда и выше; 3-я стадия — эпителизация продолжительностью до 12 дней, заканчивающаяся отпадением корочки, и последняя, 4-я стадия — исчезновение следов бывшей ссадины, имеющая пределы на 7—15-м дню получения ссадины.[20]

О давности нанесения кровоподтеков можно судить по их цвету. К. А. Нижегородцев считает, что цвет кровоподтеков меняется в следующем порядке: голубой оттенок — к 3-му дню, зеленый — на 5—6 день и желтый — на 7—8 день. Кожные кровоподтеки могут исчезать в течение 4—10—12 дней, а подкожные сохраняются до 3—4 недель.[21] По мнению

---

[19] Райский М. И. Судебная медицина. М., 1953.
[20] Громов А. П. Курс лекций по судебной медицине, с. 32.
[21] Нижегородцев К. А. Основы судебно-медицинской экспертизы. М., 1928.

Л. С. Свердлова в 85% начальная окраска кровоподтека багровая, через 4—7 дней переходит в зеленую, а через 7—8 дней — в желтую, на 10 день переходит в коричнево-смешанную (двух-, трехцветную).[22] Кровоподтеки на лице, шее, груди и животе иногда могут не изменять своей первоначальной багровой окраски. Но кровоподтеки на бедрах и ягодицах всегда изменяют свой цвет.

При изнасиловании же кровоподтеки чаще всего возникают именно на внутренней поверхности бедер и ягодиц, поэтому адвокату всегда следует добиваться от судебно-медицинского эксперта ответа на вопрос о сроках возникновения кровоподтека. И если этот срок не совпадает с давностью разрыва девственной плевы потерпевшей, сделать из этих обстоятельств вывод, что совокупность этих обстоятельств не может обсуждаться в качестве доказательства факта изнасилования, так как эти повреждения не связаны между собой. Верховный суд СССР обращает внимание на совпадение времени появления телесных повреждений у потерпевшей с временем изнасилования. В определении Судебной коллегии от 31 января 1951 г. записано: «Судебно-медицинский эксперт в судебном заседании указал в своем заключении, что синяк в области левого коленного сустава у гр-ки К. к периоду ее освидетельствования имел 2—3-дневную давность, а освидетельствована она была до истечения одних суток после случая у гумна».[23]

Адвокату следует знать, что кровоподтеки со временем могут увеличиваться в размерах. В. М. Смолянинов и Е. З. Бронштейн замечали, что «сопоставляя данные первого и повторного осмотра, мы отмечали, что размеры кровоподтеков через 2—3 дня увеличивались (например, при локализации на лице, особенно в области глазниц, на бедрах, на их внутренней поверхности в верхней трети, в области лобка и наружных половых органов у мужчин и женщин)».[24] Поэтому, если имеется акт судебно-медицинской экспертизы, в котором отмечено, что при освидетельствовании потерпевшей через 2—3 дня после происшествия, кровоподтеков не обнаружено, то это значит не то, что они прошли и рассосались, а что их вообще не было, они отсутствовали. Их отсутствие в ряде случаев указывает и на отсутствие насилия.

Чем причинены телесные повреждения потерпевшей: руками (ногтями), колюще-режущими предметами или же тупыми орудиями.

Размер и форма повреждений нередко указывают на то, чем они нанесены. Например, полулунная форма ссадины характерна для причинения ее ногтем. Наличие большого количества ссадин на шее жертвы, когда ее душили, по мнению Э. Кноблоха, свидетельствует о том, что у преступника были длинные ногти и он не обладал большой физической силой, так как для человека сильного достаточно было одного, двух сильных сжатий шеи, чтобы привести свою жертву в беспамятство. Физически же слабому для этого необходимо предпринимать несколько попыток.[25] Задача адвоката заключается в том, чтобы в случае необходимости обратить внимание суда на то, что его подзащитный не имеет длинных ногтей и физически силен, если такие данные существуют и могут быть установлены.

Если телесные повреждения причинены каким-либо орудием, задача эксперта — определить вид и тип такого орудия. Судебно-медицинский эксперт, по мнению М. И. Райского, может судить по форме повреждения об орудии лишь тогда, когда скорость, с которой применялось то или иное оружие, невелика (нож, палка, кулак), но при увеличении скорости и

---

[22] Свердлов Л. С. Кровоподтеки у живых в судебно-медицинском отношении. Л., 1949.

[23] «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1951, № 5.

[24] Смолянинов В. М., Бронштейн Е. З. К вопросу о судебно-медицинской экспертизе кровоподтеков. «Судебная медицина», 1964, № 1.

остроте угла применения того или иного предмета в качестве оружия хуже будет заметна его форма на поверхности тела человека и, тем более, будет разрушительная сила его действия.[26]

По мнению Н. В. Попова, иногда форма кровоподтека настолько соответствует форме предмета, его причинившего, что не трудно определить род этого оружия: «Таковы кровоподтеки от удара палкой, ремнем, пряжкой, веревочной петлей, обухом топора, молотком, от укусов зубами, от сдавливания пальцами».[27]

М. И. Авдеев считает, что характерную форму имеют ссадины, образованные давлением ногтями. Он же указывает, что нередко ссадины передают конфигурацию предмета, которым они нанесены, а также характер его движения по поверхности тела. Так, по мнению М. И. Авдеева, кровоподтеки своей формой указывают на предмет, обусловивший их возникновение: «от давления пальцами они бывают круглой или овальной формы размером 1—2 см, от ударов объемистыми предметами шире и глубже».[28] Именно поэтому Верховный Суд СССР неоднократно обращал внимание следственных и судебных органов на необходимость требовать от судебно-медицинских экспертов давать в заключениях обстоятельные описания объектов, которые ими исследовались.[29]

Определение вида, формы и типа орудия, которым могли быть нанесены повреждения, важно и для судебной защиты. В пользу подзащитного, в частности, могут быть использованы объективные данные, что подобного орудия у него вообще не было и быть не могло, либо имеющиеся повреждения не соответствуют орудию, которое в момент совершения инкриминируемого преступления могло быть в распоряжении подзащитного.

По делам о половых преступлениях большое значение имеет решение вопроса, была ли у потерпевшей повреждена девственная плева. При первом половом сношении у женщин, как правило, происходит разрыв девственной плевы. При ответе на вопрос об имеющихся повреждениях девственной плевы судмедэксперт в соответствии со ст. 25 «Правил судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы» от 7 января 1966 г. обязан указать в заключении расположение разрывов, их количество и характер, состояние краев разрывов и цвет их поверхности, плотность краев. Это необходимо для того, чтобы отличить истинный разрыв от естественных выемок, имеющихся на ней от рождения (ст. 24 и 25 Правил).[30]

В соответствии со ст. 32 упомянутых «Правил» судебно-медицинский эксперт обязан выяснить возможность полового сношения без разрыва девственной плевы. Такое заключение он может дать на основании диаметра естественного отверстия, характера его краев, наличия или отсутствия кольца сокращения.

Девственная плева представляет собой перегородку, состоящую из нескольких слоев ткани, закрывающую вход во влагалище женщины. Большей частью девственная плева разрывается в нижнем отделе. Судебные медики разрывы девственной плевы обычно отсчитывают применительно к знакам циферблата часов, обозначая место расположения разрыва плевы цифрой циферблата, с которым он совпадает. А. П. Громов не указывает обычные места расположения разрывов, а лишь замечает, что разрывы

---

[25] Кноблох Э. Медицинская криминалистика. Прага, 1960.

[26] Райский М. И. Судебная медицина. М., 1958.

[27] Попов Н. В. Судебная медицина. М., 1953, с. 131.

[28] Авдеев М. И. Курс судебной медицины. М., 1959.

[29] См., например, постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 февраля 1944 г. — «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1944. М., 1948; определение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 13 февраля 1964 г. — «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1964, № 5 и др.

[30] «Правила судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы». М., 1966, с. 10.

могут локализоваться в одном или нескольких местах.[31] М. И. Авдеев пишет, что «чаще всего разрывы возникают соответственно цифре 6 или по бокам от нее, но, конечно, могут возникать и в других местах».[32] Н. В. Попов не отмечает место расположения разрывов девственной плевы, а называет лишь их количество: «чаще всего бывает два разрыва».[33]

Адвокату необходимо знать, что вопрос о количестве разрывов девственной плевы и места их расположения важен, так как количество разрывов, место их расположения косвенным образом могут указывать на то, чем произведен такой разрыв (половым членом, пальцем, каким-либо предметом и т. д.), а также свидетельствовать о том положении, в котором находилась потерпевшая во время совершения с ней полового акта. Все это, естественно, помогает адвокату проверить достоверность показаний потерпевшей о происшедшем событии.

Адвокат должен уяснить два существенных обстоятельства, которые могут встретиться при освидетельствовании потерпевшей: а) на девственной плеве потерпевшей могут существовать естественные выемки, очень похожие на старые разрывы плевы, происшедшие от полового сношения; б) на девственной плеве пострадавшей, наряду со свежими разрывами, могут находиться старые зажившие разрывы прежде совершенного полового акта.

Возможны поэтому ошибки судебно-медицинской экспертизы, во время которой не было замечено старых, зарубцевавшихся разрывов, а поэтому дано неверное заключение, что последнее половое сношение было первым половым актом данной потерпевшей. Так, К. А. Нижегородцев указывает: «Распознавание старых разрывов в отличие их от природных выемок на гимене иногда представляет значительные трудности, если не сказать больше, даже для опытного наблюдателя, как это признается всеми специалистами».

Судебная медицина указывала также на трудность различения рубцов от разрыва девственной плевы и естественных выемок. Поэтому, если адвокат встретит в заключении судебно-медицинского эксперта указание на то, что девственная плева потерпевшей имеет разрывы, но не подкрепит свой вывод анатомическими описаниями состояния этих разрывов и их отличие от естественных выемок, то адвокат в ходе судебного следствия обязан задать эксперту дополнительные вопросы, существо которых сводится к тому, чтобы выяснить, прав эксперт или он ошибается, принимая старые разрывы за естественные выемки девственной плевы.

Необычность расположения разрыва девственной плевы чаще всего указывает и на необычный способ совершения полового акта или позу, в которой он был совершен, а также на то, что разрыв произведен не половым членом, а пальцем или каким-либо иным предметом.

В литературе описано много случаев, когда девственная плева у женщины остается целой и неповрежденной, несмотря на длительную половую жизнь и многократность сношений. Неповрежденность девственной плевы происходит по многим причинам. Основные из них следующие: во-первых, хорошая растяжимость самой плевы и большая величина естественных отверстий, имеющихся в ней; во-вторых, девственная плева бывает толстой, мясистой, прочной, неподдающейся разрыву при введении полового члена; в-третьих, девственная плева остается целой еще и тогда, когда мужчина не обладает достаточной силой эрекции полового члена; в-четвертых, плева остается неповрежденной, когда ни мужчина, ни женщина не желают ее разрушать и удовлетворяют свою половую страсть путем введения полового члена лишь в преддверие влагалища.

---

[31] Громов А. П. Курс лекций по судебной медицине, с. 271.
[32] Авдеев М. И. Судебно-медицинская экспертиза живых лиц, с. 263.
[33] Попов Н. А. Судебная медицина, с. 334.

При систематических половых сношениях без разрыва девственной плевы она изменяет свою форму.

Поэтому, если судебно-медицинский эксперт обнаружит у потерпевшей целую, неповрежденную девственную плеву, но будет склоняться к утверждению о том, что с женщиной было совершено половое сношение, адвокату необходимо задать ряд дополнительных вопросов. При этом необходимо исходить из того, что на основании ст. 25 «Правил судебно-медицинского акушерско-гинекологического исследования» от 7 января 1966 года эксперт должен точно описать состояние девственной плевы потерпевшей. Прежде всего он обязан определить форму девственной плевы: кольцевидная, полулунная и т. д., отметить ее ширину или высоту, а также консистенцию или ее характер (мясистая, перепончатая, плотная, растяжимая).

Адвокату следует обращать внимание на те виды девственной плевы, при которых возможна ошибка при освидетельствовании (природные изъяны, принятые за разрыв и т. п.). Адвокат в таком случае обязан заявить ходатайство о производстве повторной экспертизы.

«Правила амбулаторной судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы» от 7 января 1966 года требуют от эксперта особенно тщательного изучения естественного отверстия в девственной плеве, описания его форм, места расположения и измерения величины, а также глубины природных выемок на краях плевы, их симметричность и отношение к столбам влагалищных складок. Кроме размера естественного отверстия эксперт должен определить и высоту свободного края девственной плевы (или, как называют некоторые эксперты, ширину девственной плевы), т. е. расстояние от основания влагалища до начала естественного отверстия плевы.

Ст. 25 «Правил судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы» требует от эксперта установить наличие или отсутствие кольца сокращения, поскольку присутствие кольца сокращения весьма важный анатомический признак девственности.

Упомянутые «Правила» (ст. 25) требуют от эксперта определить не только форму девственной плевы, но и ее растяжимость. М. И. Авдеев считает, что «. . .когда девственная плева имеет форму невысокого валика, окружающего вход во влагалище, при половом сношении она может растянуться без повреждений. Девственная плева в этих случаях сохраняется неповрежденной и при дальнейшей, даже интенсивной, половой жизни».

При освидетельствовании обвиняемого (подсудимого) следует в определенных ситуациях ставить перед судебно-медицинским исследованием вопрос о размерах полового члена мужчины, обвиняемого в изнасиловании. Выяснение этого анатомического факта важно в тех случаях, если у потерпевшей обнаружены обширные разрывы девственной плевы. Несоответствие этих разрывов размеру полового члена обвиняемого (подсудимого) может обусловливать сомнение в изнасиловании потерпевшей этим субъектом.

Интересны рекомендации, даваемые по этому поводу Э. Кноблохом: «Иногда бывает необходимо установить у подозреваемого лица величины полового члена, т. е. его длину и толщину как в состоянии покоя, так и при эрекции. По размерам полового члена в состоянии покоя нельзя судить о его размерах при эрекции, так как существует индивидуальная разница, а потому необходимо в каждом случае установить и размеры в состоянии эрекции. Это установление может быть важно для доказательства, можно ли было произвести совокупление без повреждения девственной плевы или без повреждения половых органов. Прежде всего необходимо поэтому произвести осмотр половых органов подвергшейся нападению женщины и только затем определить величину полового члена подозреваемого. По конституции преступника нельзя судить о величине его полового члена,

так как часто у сильных мужчин высокого роста бывает небольшой член и наоборот».[34]

Сопоставлением размеров половых органов мужчины и женщины можно доказать и обратное. Ю. Краттер прямо обращает внимание судебно-медицинских экспертов, что «исследованием надлежит установить несоответствие органов совокупления у обоих сторон и таким путем невозможность совокупления с данной определенной женщиной будет доказана».[35]

По этим причинам осмотра состояния половых органов подозреваемого в половых преступлениях требует ст. 14 «Правил судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы» от 7 января 1966 года.

Судебно-медицинские эксперты на вопрос о соотношении половых органов подозреваемого и потерпевшей и о возможности совершения полового акта без разрыва девственной плевы, как правило, отвечают уклончиво. Так, судмедэксперт Ленинградского бюро судмедэкспертизы в заключении за № 162 от 19 ноября 1971 года на вопрос следователя: позволяет ли состояние девственной плевы А-мой совершать половые акты без ее повреждения? Ответил так: «При соответствующем отношении размеров полового члена и состояния девственной плевы подобная возможность не исключена». Такое заключение эксперта, помимо его неопределенности, не было основано на данных объективного исследования. Если адвокат встретился с подобным заключением, то он обязан в зависимости от конкретных обстоятельств дела, заявить ходатайство о назначении дополнительной экспертизы для производства такого исследования.

Давность разрыва девственной плевы. Определение срока давности разрыва девственной плевы помогает точно установить день полового сношения и сопоставить эти данные с обстоятельствами дела, объяснениями подсудимого и потерпевшей. На этот вопрос судебно-медицинского эксперта обязывают отвечать Правила судебно-медицинской экспертизы от 7 января 1966 года. Ст. 24 устанавливает, что срок заживления девственной плевы зависит от ее свойства: для низкой и тонкой он равен 6—9 дням, для высокой и мясистой — 10—14 дней. «Правила» считают, что позднее 20 дней давность разрыва девственной плевы определить невозможно.

Судебная медицина содержит достаточно точные данные о временных процессах заживления девственной плевы, дающие основания во всяком случае в пределах сроков, указанных в «Правилах», отвечать на эти вопросы с достаточной степенью точности.

Если адвокат установит, что срок разрыва девственной плевы не совпадает с днем, в который потерпевшая по ее словам была изнасилована, то обязанность адвоката использовать это обстоятельство для защиты как доказательство (при соответствующих обстоятельствах) отсутствия вины подсудимого.

Верховный суд СССР в определении судебной коллегии от 16 декабря 1953 года по делу Д., отменяя обвинительный приговор, одним из мотивов его отмены указал на несоответствие заключения о давности разрыва девственной плевы потерпевшей со днем преступления.

Адвокат при ознакомлении с заключением судебно-медицинской экспертизы должен не просто удовлетвориться тем, какой срок разрыва девственной плевы определил эксперт, а в необходимых случаях обязан проверить, правильно ли определен этот срок, соответствует ли вывод

---

[34] Кноблох Э. Медицинская криминалистика. Прага, 1960.

[35] Краттер Ю. Руководство судебной медицины для врачей и студентов. «Судебно-медицинская экспертиза», 1930, кн. 12.

судебно-медицинского эксперта объективной картине процесса заживления дефлорированной девственной плевы. Для этого адвокату надлежит не только рассмотреть и оценить выводы эксперта, но и внимательно проанализировать исследовательскую часть заключения, проверяя его обоснованность.

Чем произведен разрыв девственной плевы: половым членом, пальцем или каким-либо иным предметом. Выяснение этого вопроса важно потому, что разрыв девственной плевы может произойти не только во время полового акта, но и каким-либо иным образом. При покушении на изнасилование во время борьбы девственная плева иногда повреждается пальцем мужчины. А разграничение покушения на изнасилование от доведенного до конца преступления важно для судебной защиты. Ст. 30 «Правил судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы» требует от эксперта: «При установлении нарушения целости девственной плевы и его давности определяется также возможный механизм образования обнаруженных повреждений, например, причинение их напряженным половым членом, пальцем или каким-либо другим твердым тупым предметом, колюще-режущим предметом и т. п.».

Ответ на такие вопросы имеет значение потому, что «разрыв девственной... плевы может возникнуть и внеполовым путем, когда разрыв причиняется пальцем при развратных действиях» [36] Некоторые специалисты в области судебной медицины допускают даже разрыв плевы при падении женщины.

Не следует забывать и о том, что девственная плева может быть повреждена самой женщиной во время онанизма. О таких повреждениях Я. Л. Лейбович писал: «Возможно повреждение пальцами, острыми и тупыми предметами, случайно или умышленно, введенными (например, в целях онанизма)» [37].

Девственная плева может быть повреждена также в детском возрасте, когда девочки вводят себе во влагалище инородные тела и причиняют травму со всеми ее последствиями. Инородные тела вводятся или в порядке шалости, или в целях начинающегося онанизма.[38]

У женщин при онанизме могут быть оцарапаны или иметь ссадины и осаднения клитор, малые половые губы, отверстие мочеиспускательного канала. При онанизме наступают анатомические изменения в половых органах женщины. На основании этих изменений эксперт имеет возможность констатировать возможность подобных действий женщины, заявившей об ее изнасиловании, объясняющих действительное происхождение повреждений.

Вопрос о механизме повреждения девственной плевы должен быть тщательно исследован судебно-медицинской экспертизой, так как по ряду дел он имеет важное значение для защиты.

Нет ли у потерпевшей разрывов влагалища, промежности или каких-либо иных повреждений половых органов. Ст. 34 «Правил судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы» от 7 января 1966 года, помимо установления целости или нарушения девственной плевы у потерпевшей требует от судебно-медицинского эксперта отметить в своем заключении наличие или отсутствие иных повреждений ее половых органов. Такими повреждениями могут являться разрывы сводов влагалища, раз-

---

[36] Сирота В. И. Новая методика экспертизы девственности. «Судебно-медицинские записки. Сб-к работы кафедры судебной медицины Кишиневского медицинского института и Республиканского бюро судебно-медицинской экспертизы». 1955, вып. 1.

[37] Лейбович Я. Л. Судебная гинекология. Харьков, 1928, с. 58.

[38] См., например, Туманян Н. Т. Гигиена девочки и девушки. «Фельдшер и акушерство», 1968, № 8.

рывы промежности, надрывы клитора, малых половых губ и т. д. Казалось бы, вопрос о получении женщиной повреждений половых органов в процессе изнасилования настолько очевиден, что не может вызвать сомнений и споров. Однако такой поспешный вывод адвокату делать не следует.

Сошлемся на авторитет соответствующих специалистов. М. И. Авдеев считает, что «в отдельных случаях могут возникнуть повреждения, если половой акт совершался грубо или был бурным»[39].

М. Г. Сердюков основными причинами повреждения влагалища у женщины во время полового акта считает: недоразвитость половых органов женщины, несоответствие половых органов женщины половому члену мужчины, бурное половое сношение, ненормальное положение партнеров во время полового акта и чрезмерно продолжительный половой акт и неспытность партнеров в первую брачную ночь»[40]. Очень характерно то обстоятельство, что столь видный специалист в судебной гинекологии не упоминает насильственного полового сношения.

Любопытно наблюдение С. Д. Михнова. Он пишет, что «при изнасиловании могут произойти какие угодно повреждения по поверхности тела или на наружных половых частях женщины, но для разрыва во влагалищном своде насильственное совокупление не создает никаких благоприятных условий: женщина при изнасиловании противится введению члена во влагалище или в худшем случае, будучи обессилена в борьбе, относится к событию страдательно — стало быть для стремительного, а тем более глубокого проникновения члена в рукав условия при изнасиловании неблагоприятные»[41].

Многие авторы утверждают, что женщина при насильственном половом акте может получить повреждения тогда, когда половой член мужчины уже введен во влагалище, а женщина еще продолжает бороться, приподнимается, меняет положение и т. д. Но в большинстве случаев разрывы влагалища происходят при добровольных половых сношениях, когда участники неосторожны и совершают совокупление чрезвычайно бурно и стремительно. Поэтому, если в заключении судебно-медицинской экспертизы отмечены, наряду с разрывом девственной плевы, другие повреждения половых органов потерпевшей, но отсутствуют иные телесные повреждения на теле потерпевшей (ссадины, царапины, кровоподтеки и т. д.), то это еще не будет бесспорным доказательством обвинения в насильственном половом акте, хотя нередко и принимается таковым в судебной и следственной практике.

Имеются ли следы спермы во влагалище потерпевшей, на лобке, одежде, какова группа этой спермы. Статьи 35—37 Правил судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы от 7 января 1966 года требуют от эксперта, производящего освидетельствование потерпевшей, собрать ватным тампоном содержимое влагалища женщины и направить в лабораторию для определения наличия сперматозоидов и их групповой принадлежности. Обнаружение сперматозоидов во влагалище женщины свидетельствует о том, что половое сношение, совершенное с ней, доведено мужчиной до эякуляции, и это в какой-то степени может подтвердить или опровергнуть объяснения потерпевшей или подсудимого (если, например, подсудимый говорит о добровольном половом акте, а потерпевшая настаивает на покушении на изнасилование и т. д.). Кроме того, сперматозоиды, обнаруженные экспертным исследованием, по своей групповой принадлежности могут расходиться с группой крови обвиненного в изнасиловании.

---

[39] Авдеев Н. И. Указ. раб., с. 301.
[40] Сердюков М. Г. Судебная гинекология и судебное акушерство, с. 111.
[41] Михнов С. Д. К вопросу о повреждении влагалища. «Врач», 1896, № 5.

Верховный суд СССР подчеркивал, что отсутствие спермы во влагалище женщины, а также на предметах ее одежды, при утверждении потерпевшей о ее изнасиловании, является основанием для серьезного сомнения в достоверности показаний потерпевшей. Даже обнаруженная на рубашке потерпевшей сперма не может служить уликой против подсудимого, так как групповую принадлежность спермы установить не удалось, и в деле нет данных о том, что эти пятна спермы образовались в ночь преступления. При таких обстоятельствах, Пленум Верховного суда СССР по делу Колесникова указал: «...ссылка на заключение биологической экспертизы, как на доказательство вины Колесникова в изнасиловании ошибочна»[42].

Относительно времени, в течение которого сперма пригодна к исследованию для ответа на указанные выше вопросы, К. Скробанский считает, что сперматозоиды сохраняют подвижность в женском половом аппарате до 96 часов после извержения эякулята[43]. А. П. Громов утверждает, что если после полового сношения прошло более 5 суток, то производить исследование на сперму бесполезно[44].

Обнаруженные сперматозоиды могут быть не только результатом насильственного полового акта, но и добровольного. Вот почему очень важно допросить потерпевшую: живет ли она половой жизнью, уточнить время последнего добровольного сношения, ибо сперма может остаться и от него. Совпадение групп найденной спермы и спермы подсудимого точно так же, как совпадение групп крови, может являться косвенным доказательством вины. Так, Верховный суд СССР по делу Давыдова в постановлении Пленума от 17 июня 1959 года записал: «При биологическом исследовании крови Давыдова и спермы, обнаруженной на белье Н., экспертиза дала заключение о том, что группа крови и группа спермы одинаковы, в связи с чем экспертиза пришла к выводу о том, что обнаруженная на белье потерпевшей сперма может принадлежать Давыдову, а также любому другому лицу, имеющему кровь по группе, аналогичной группе спермы, обнаруженной на белье потерпевшей. Такое предположительное заключение экспертизы нельзя признать доказательством по делу, и оно не может быть положено в основу обвинительного приговора в отношении Давыдова в изнасиловании Н., тем более, что при судебно-медицинском освидетельствовании Н. на ее теле никаких травматических повреждений, свидетельствующих о применении к ней насилия, не обнаружено»[45].

Изложенное следует учитывать адвокату при осуществлении защиты по делу, где такие данные фигурируют в качестве доказательств.

Был ли введен половой член мужчины во влагалище потерпевшей. Статья 28 «Правил судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы» от 7 января 1966 года обязывает судебно-медицинского эксперта выявить объективные данные, свидетельствующие о состоявшемся половом сношении или только попытке к нему. Многие наставления по расследованию половых преступлений на разрешение судебно-медицинского эксперта ставят именно этот вопрос: было ли совершено половое сношение.[46] Иногда незнание анатомо-физиологических терминов приводит некоторых юристов к тому, что судебно-медицинскому эксперту задаются неопределенные вопросы. Так, например, один из следователей в постановлении о назначении экспертизы записал: «Был ли с потерпевшей Х. половой контакт».

[42] «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1966, № 5, с. 34.
[43] Скробанский К. Учебник акушерства. М., 1949.
[44] Громов А. П. Указ. раб., с. 272.
[45] «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1959, № 5.
[46] Виноградов В. И., Кочаров Г. И., Селиванов Н. А. Экспертизы на предварительном следствии. М., 1959, с. 99; Руководство по расследованию преступлений. М., 1967, с. 391.

Между тем вопрос о половом сношении — вопрос не судебно-медицинский, а криминалистический, ибо ответ на него решает проблему квалификации действий подсудимого: изнасилование, покушение на изнасилование, развратные действия, хулиганство, оскорбление действием и т. д. Наиболее правильно задача эксперта в решении этого вопроса определена М. И. Авдеевым: «Эксперт, следовательно, устанавливает не факт полового сношения, а факт введения полового члена во влагалище. Из этого факта, установленного экспертизой, органы расследования и суд сделают вывод, что половое сношение было. Установление факта введения полового члена во влагалище требует специальных медицинских знаний. Вывод же из этого факта, что было половое сношение, делают органы расследования и суд».

Представляет интерес, как М. И. Авдеев определяет понятие полового акта: «Половое сношение — это физиологический акт, направленный на продолжение рода и заключающийся во введении мужского полового члена во влагалище». Далее он пишет: «Все остальные действия, направленные, на удовлетворение половой потребности в иной форме, не являются половым сношением. Их можно и следует определить только как удовлетворение половой потребности в извращенной форме»[47].

Адвокату необходимо помнить, что это самый важный и решающий вопрос в уголовных делах о половых преступлениях. От ответа на этот вопрос во многих случаях зависит юридическая квалификация действий подзащитного, а следовательно судьба уголовного дела.

Достигла ли потерпевшая половой зрелости. Мог ли подсудимый по внешнему виду потерпевшей определить, что она не достигла половой зрелости. Как уже указывалось выше, этот вопрос, имеющий существенный смысл при защите подсудимого, обвиненного в половом сношении с лицом, не достигшим половой зрелости, в современной судебной медицине решается неоднозначно. Неопределенность антрополого-анатомических и физиологических критериев не дает оснований считать утвердительные заключения судебно-медицинских экспертиз определенными и достоверными. Конечно, степень вероятности выводов судебной экспертизы, если они основаны на более или менее значительной совокупности этих признаков, возрастает.

Однако адвокату следует учитывать, что экспертные исследования, направленные к решению этого вопроса при освидетельствованиях подростков, имеют смысл только в том случае, если они выступают в совокупности с полученными следствием данными о том, насколько долго и глубоко знает подзащитный потерпевшее лицо, знаком или нет с его семьей, мог ли быть осведомлен о возрасте потерпевшего какими-либо лицами, и, наконец, мог ли по внешнему виду потерпевшего лица судить о возможном недостижении им половой зрелости.

Отсюда обсуждение этого вопроса на практике часто переходит в обсуждение не медицинских, а юридических фактов. Поэтому следует считать необоснованным обвинение в заведомом половом сношении с лицом, не достигшим половой зрелости, если потерпевшее лицо не малолетнее, а в подростковом возрасте, только по данным судебно-медицинского заключения, утверждающим факт недостижения половой зрелости.

Не заражена ли потерпевшая венерической болезнью; если заражена, то какой именно. Серьезное доказательственное значение имеет тот факт, что потерпевшая оказывается заболевшей венерической болезнью, которая наличествует у обвиненного в ее изнасиловании. Это, однако, отнюдь не исключает ее заражения ранее той же самой болезнью и от другого мужчины.

---

[47] См.: Авдеев М. И. Судебно-медицинская экспертиза живых лиц, с. 287.

Известны случаи, когда суд оценивает безусловным доказательством насильственного полового акта и совершения такового именно лицом, которому изнасилование инкриминировано, заключение судебно-медицинской экспертизы о наличии у потерпевшей и обвиняемого одной и той же венерической болезни (см., например, определение Верховного Суда РСФСРот 18 мая 1967 года № 64-07-11). Подобное доказательство решающим, разумеется, быть не может по изложенным выше причинам.

Адвокату следует учитывать, что одним из обстоятельств, опровергающих это доказательство, является установление стадии указывающей на время ее возникновения. Поэтому следует ставить соответствующие вопросы перед судебно-медицинским экспертом.

Не беременна ли потерпевшая, каков срок беременности, является ли она следствием насильственного полового сношения. Некоторое время существовала точка зрения, что беременность женщины наступает только в момент оргазма, т. е. достижения при половом сношении физиологического наслаждения, что во время насильственного полового сношения, якобы, невозможно. Современные медицинские данные опровергают это суждение, доказывая, что чувство сладострастья — вовсе не обязательное условие зачатия.

Тем не менее, к заявлениям об изнасиловании беременных женщин, будто бы забеременевших в момент насильственного полового сношения, нужно относиться весьма осторожно. Такие заявления, при условии, что беременность возникла при добровольном половом сношении с лицом, не состоящим с этой женщиной в браке, могут служить средством шантажа. Цель таких заявлений — попытка вынудить мужчину к вступлению в брак, либо получить юридические основания для предъявления иска об алиментах.

Чрезвычайно важно в связи с этим, чтобы при экспертном освидетельствовании заявительницы был ответ на вопрос о сроке беременности, т. к. несовпадение срока, якобы, имевшего место насильственного полового акта с временем зачатия, разумеется, указывает на ложность заявления об изнасиловании.

Сколько половых актов совершено с потерпевшей насильником при изнасиловании. Нередко эксперты отвечают на этот вопрос весьма неопределенно. В одном таком заключении, например, судебно-медицинский эксперт писал: «Состояние девственной плевы и ее свободного края позволяет признать, что с нею (потерпевшей — В. Г.) совершались неоднократные половые акты и на протяжении ощутимого времени, определить которое крайне затруднительно.»

Когда изнасилование совершено группой мужчин, то иногда можно установить сколько мужчин совершили половые акты, если обнаружены и определены группы спермы, извлеченной из влагалища женщины. Поэтому адвокат обязательно должен просить об исследовании групп спермы, если его подзащитный, обвиненный в групповом изнасиловании, отрицает свое участие в нем. Такое ходатайство, разумеется, будет своевременным, если адвокат осуществляет защиту на предварительном следствии. Но даже и в суде, если в свое время была не выяснена группа спермы его подзащитного, адвокату необходимо указать на это как на доказательство, ставящее под сомнение предъявленное обвинение.

Некоторые судебные медики советовали обосновывать заключение о многократности совершения женщиной половых актов на появлении у нее так называемого «цервикального секрета». Цервикальный секрет — это продукт деятельности желез, который выделяется из канала шейки матки при половом возбуждении женщины, когда она уже достаточно знакома с половыми ощущениями и реагирует на них выделением этого секрета, происходящего рефлекторно. Однако такой вывод, хотя в основ-

ном и правильный, в то же время не учитывает одного важного обстоятельства, который лишает его доказательственной силы. Дело в том, что если женщина занимается онанизмом, то у нее развивается точно такой же рефлекс, как при совершении нормальных половых актов, хотя она никогда их еще и не имела. Следовательно, по одному факту выделения цервикального секрета нельзя с достоверностью сказать о том, что данная женщина имела несколько половых сношений. Таким образом, необходимо руководствоваться всеми признаками в совокупности.

Если женщина была дефлорирована, но после единственного полового акта не жила систематической половой жизнью, следствием нового полового акта может быть весьма своеобразная картина повреждения ее девственной плевы: наряду со старыми разрывами могут наблюдаться и новые, образовавшиеся от последующего или последующих половых сношений. Происходит это потому что между первым половым актом (дефлорацией) и последующим прошло много времени, старые разрывы зажили, девственная плева, не слишком поврежденная при первом сношении, успела принять более или менее первоначальный вид, а последующий половой акт вновь разрывает ее или надрывает в других или в тех же местах.

Адвокату это обстоятельство следует иметь в виду в сомнительных случаях (особенно когда потерпевшая настаивает, что она была лишена девственности именно подсудимым) задавать судебно-медицинским экспертам вопросы, направленные к более детальному выяснению механизма дефлорации. Адвокат не должен забывать, что нередко смысл заявлений об изнасиловании как раз и сводится к желанию скрыть бывшую в прошлом дефлорацию.

§ 4. Некоторые вопросы судебно-медицинского освидетельствования обвиняемого

Обвиняемый по делам о половых преступлениях, так же как и потерпевшая, направляется на судебно-медицинскую экспертизу, так как по делу необходимо выяснить, имеются ли на теле обвиняемого повреждения, где они расположены, каков характер обнаруженных повреждений.

Если у обвиняемого имеются повреждения, характер которых допускает возможность их получения иным путем (травма в быту, на производстве, случайные царапины), то адвокат обязательно должен всесторонне исследовать это обстоятельство и задать судебно-медицинскому эксперту вопросы уточняющего характера о возможности получения телесных повреждений при обстоятельствах, характеризующих событие, в котором субъект обвиняется. Верховный суд СССР обращал внимание органов следствия на то, что заявления обвиняемых при получении ими телесных повреждений при других обстоятельствах (но не при изнасиловании) подлежат тщательной проверке.[48]

Давность имеющихся телесных повреждений может иметь важное значение по делу. Если органы следствия этот вопрос не выяснили и есть основания полагать о расхождении времени события преступления и получения обвиняемым телесных повреждений, то адвокат обязан задать такой вопрос судмедэксперту.

Зачастую насильники во время борьбы с потерпевшей получают повреждения полового члена: вывихи, «переломы», надрывы уздечки и т. д. «Правила судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы» требуют от эксперта, чтобы он отвечал на вопросы о повреждении полового члена. Как справедливо отмечает Е. Е. Розенблюм: «Ссадины на

[48] «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1954, № 2.

крайней плоти или на головке полового члена говорят за недавнее совокупление, хотя, конечно, не удостоверяют его насильственного характера».[49] Если потерпевшая в своих показаниях рассказывает о причинении такого повреждения, а подсудимый отрицает событие преступления, а также и получение указанных повреждений, то адвокат должен заявить ходатайство об освидетельствовании подзащитного для выяснения этого обстоятельства, так как оно будет служить доказательством, опровергающим достоверность показаний потерпевшей.

Обнаруженные при исследовании следы спермы на белье подсудимого ни в коем случае не могут истолковываться безусловным доказательством его виновности в совершении полового преступления. Как известно, у мужчин после достижения им половой зрелости появляется непроизвольное извержение семени во сне (так называемые поллюции). Они бывают у тех, кто еще не жил половой жизнью, а также и у тех, кто имел половые сношения, но затем по каким-либо причинам стал от них воздерживаться. Вполне понятно, что следы такого извержения семени могут оставаться на белье от этих поллюций. Кроме того, следы спермы сохраняются и от добровольных половых актов обвиняемого с другими женщинами (с женой, знакомой и т. д.).

В связи с этим адвокат непременно должен допросить своего подзащитного об обстоятельствах появления этих пятен спермы.

Н. Г. Шалаев необоснованно утверждает, что наличие на одежде подозреваемого пятен спермы в большинстве своем указывает на участие этого лица в изнасиловании. Он рекомендует подвергать экспертизе эти пятна семени с целью обнаружения в них примеси вагинального секрета потерпевшей. Однако если даже и будет установлено присутствие в пятнах спермы вагинального секрета, сходного с секретом потерпевшей, то такое сходство отнюдь не является доказательством полового сношения подсудимого (обвиняемого) именно с потерпевшей. Этот вагинальный секрет, присутствующий в сперме, мог принадлежать другой женщине, с которой подсудимый (обвиняемый) совершил половой акт[50].

Если на белье обвиняемого найдена кровь группы потерпевшей (например, если потерпевшая была дефлорирована) и соответствующей региональной принадлежности, то это обстоятельство служит лишь доказательством совершенного полового акта, но отнюдь не изнасилования. Адвокату следует постоянно помнить, что даже доказав факт полового сношения, необходимо еще доказать, что оно было насильственным.

Иногда обвиняемые в совершении полового преступления в своих объяснениях утверждают, что они не могли совершить указанных в обвинительном заключении действий потому, что страдают половой слабостью. Проверка этих заявлений обвиняемых требует постановки соответствующих вопросов перед судмедэкспертом.

Причины, обусловливающие невозможность совершения половых актов, могут оказаться самые разнообразные, но в основном наиболее вероятны следующие: а) отсутствие полового члена или части его, а также уродства полового аппарата; б) прекращение гормональной функции, нарушения внутрисекреторной деятельности (мужские половые железы могут отсутствовать вследствие хирургической операции, несчастного случая и т. д.); в) церебральной импотенции, наступающей из-за органических заболеваний головного мозга; г) импотенцию вызывают такие хронические болезни как сифилис, туберкулез и ряд других; д) по-

---

[49] Розенблюм Е. Е. Указ. работа.

[50] Шалаев Н. Г. Осмотр и судебно-медицинская экспертиза одежды насильников. Сборник научно-практических работ судебных медиков и криминалистов. Петрозаводск, 1966, вып. 3.

ловая слабость у мужчин иногда наступает и в результате заболевания половых органов (воспалительных процессов в предстательной железе, задней части уретры, в семенном бугорке, самом половом члене).

Итак, если судебно-медицинская экспертиза установит, что обвиняемый (подсудимый) страдает импотенцией, то само собой отпадает обвинение в изнасиловании, мужеложстве, половом сношении с женщиной, не достигшей половой зрелости.

Известны рекомендации брать на исследование мазки с полового члена для установления наличия оставшихся на члене клеток эпителия влагалища. Такое исследование, по мнению Н. Г. Шалаева, может дать ответ на вопрос, с какой именно женщиной подозреваемый совершил половой акт.[51]

По нашему мнению, совпадение влагалищного эпителия и влагалищной флоры может быть у ряда женщин, и этот ряд не ограничен никакими определенными индивидуальными признаками, кроме общих сходных черт. Поэтому заключение судебно-медицинского эксперта по указанному вопросу будет носить предположительный и вероятный характер.

Мы считаем необходимым обратить внимание на важность судебно-психиатрической оценки патологического опьянения по делам об изнасиловании. При патологическом опьянении отмечаются несвойственные данному лицу в его обычном состоянии сексуальные извращения, главным образом, в форме эксгибиционизма или содомии. К. Г. Рабинович указывает, что при патологическом опьянении происходят не только извращенные сексуальные эксцессы, но и «совершаются акты обычного изнасилования».[52]

Оценивая заключение судебно-медицинской экспертизы, адвокат должен обращать внимание на соответствие исследований эксперта и его заключения требованиям Правил судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы от 7 января 1966 г.

§ 5. Оценка адвокатом показаний потерпевшего и свидетелей

В делах о половых преступлениях круг источников личных доказательств неширок. В основном это показания потерпевшего, в лучшем случае нескольких свидетелей. Причем эти свидетели, как правило, не воспринимают самого события преступления, а повествуют о фактах, косвенно относящихся к главному событию: они или передают рассказ потерпевшего, который поделился о происшествии с окружающими, либо сообщают о том, что составляет содержание сопутствующих преступлению (предшествующих и последующих) обстоятельств.

Изредка встречаются случаи, когда свидетели видят сами факт полового преступления, а иногда даже помогают жертве отбиться от преступника или задерживают последнего на мест совершения преступления или вскоре после него.

Половые преступления своеобразны тем, что если, например, при убийстве, краже, нанесении тяжких телесных повреждений, как правило, не приходится сомневаться в самом факте события (налицо труп с разрубленным черепом, взломанные запоры, изъятые при обыске похищенные вещи и т. п.), то при изнасиловании, развратных действиях, мужеложстве прежде всего сам собой возникает вопрос: произошло ли в действитель-

---

[51] Шалаев Н. Г. Судебно-медицинская экспертиза и освидетельствование подозреваемых по делам о половых преступлениях. «Следственная практика», 1964, № 65.

[52] Рабинович К. Г. К вопросу о судебно-психиатрической оценке тяжелых форм алкогольного опьянения и об отграничении их от так называемого патологического опьянения. «Проблемы судебной психиатрии», 1961, сборник 9.

ности то, о чем сообщает заявитель, т. е. в доказывании нуждается существование или несуществование преступления, которое, как правило, не выступает с явной очевидностью.

Причем замечается еще одна характерная особенность, присущая опять-таки этому виду преступлений: само событие выступает в органах следствия в уже оцененном виде (потерпевшая заявляет, что она была изнасилована, развращена и т. п.). Таким образом, явившись в следственные органы уже с готовой оценкой события, потерпевший в той или иной мере навязывает ее лицу, ведущему расследование.

Особенностью этого рода преступлений является также то, что они не имеют четких криминологических характеристик, в принципе половое преступление может быть совершено лицом, занимающим любое социальное положение, антиобщественными взглядами себя, как правило, вовсе не проявляющим. Вряд ли придет кому-либо в голову серьезно рассматривать заявление о том, что известный всем в городе человек, материально хорошо обеспеченный, вышел ночью на разбой. И совсем по-иному отнесутся к заявлению, обвиняющему его в изнасиловании.

В делах о половых преступлениях чаще, чем в иных делах, может иметь место оговор, основанный на неприязненных отношениях самого разнообразного свойства и порой самых низменных мотивов. Частота ложных обвинений объясняется также легкостью. с которой можно выдумать обвинение, и трудностью для оклеветанного его опровергнуть. Если, например, для ложного обвинения в краже нужно назвать похищенную вещь, необходимо, кроме того, чтобы эта вещь была обнаружена у лица подозреваемого или, по крайней мере доказать, что его видели с нею, т. е. необходимы такие доказательства, которые не могут быть созданы волей и старанием заявителя, то для обвинения в изнасиловании достаточно двух-трех царапин, разорванных рейтуз и листа бумаги, чтобы обвинить человека.

М. Г. Сердюков обоснованно утверждает: «К жалобам на изнасилование взрослых женщин, способных к сопротивлению, следует подходить критически и объективно, так как они бывают неосновательными, притворными. Известны даже случаи симуляции изнасилования».[53]

Часто при слушании дел о половых преступлениях можно столкнуться с тем, как взрослые уговаривают детей делать ложные заявления о том, что они подвергались изнасилованию или развращению теми лицами, с которыми сами родители или враждуют или же затаили против них месть, зависть, либо хотят использовать это как средство шантажа. Установить действительный ход событий в таких делах задача весьма и весьма трудная. Потерпевшие дети склонны к фантазии, вымыслу и подвержены значительному влиянию со стороны взрослых. Даже тогда, когда объективными доказательствами будет подтверждено, что мужчина имел половые сношения с несовершеннолетней, зачастую трудно решить окончательно, что же произошло в действительности: изнасилование ли это или добровольная половая связь.

Достаточно часто встречаются случаи оговора несовершеннолетними взрослых в развратных действиях. Так, в Рязани учитель не только поплатился работой, но и свободой. Он был обвинен в том, что на занятиях в школе совершал со своими учениками развратные действия. Тщетно обвиняемый утверждал о своей невиновности. Уж очень картинно и убедительно описывали совершенное им преступление два основных свидетеля, одному из которых было десять лет, а другому семь. Поверили им, а не педагогу. Наконец, суд истребовал расписание уроков, и оказа-

---

[53] Сердюков М. Г. Судебная гинекология и судебное акушерство. М., 1964, с. 89.

лось, что подсудимого в то время, о котором вдохновенно повествовали два «свидетеля обвинения» не было в школе на занятиях.[54]

В одной из школ г. Сланцы у ученицы четвертого класса при медицинском осмотре была установлена беременность. Девушка рассказала, что однажды на окраине города ее изнасиловали незнакомые ей подростки. Между тем, в процессе расследования выяснилось, что она забеременела от взрослого мужчины, у которого она жила на квартире и который постепенно приучил ее к половым сношениям. Девочка решила скрыть истинного виновника и, дав волю фантазии, сочинила версию об изнасиловании.

Малолетним потерпевшим по делам о половых преступлениях свойственна переоценка представлений. Все происшествие они окрашивают, если так можно выразиться, в собственный цвет. Особенно в период полового созревания они бессознательно могут «окрашивать» многие действия в «сексуальный цвет» и истолковывать их в сексуальном смысле. Тот или иной жест или движение, которое совершил мужчина, они весьма часто истолковывают как сексуальные, хотя в действительности они таковыми не были.

Еще психологи прошлого отмечали, что одной из особенностей переходного периода юношей является склонность к фантастике с половым содержанием.[55]

Между тем, у некоторых судей наблюдается тенденция доверять показаниям малолетних детей, потому что они, по их мнению, не могут фантазировать в сфере половых сношений из-за неосведомленности.

При этом суды в большинстве случаев доверяют показаниям малолетних даже в тех случаях, когда в этих показаниях встречаются противоречия и пробелы. В приговоре Судебной коллегии по уголовным делам Леноблсуда от 14—16 июня 1965 г. по делу О. и П. Дана следующая оценка показаний потерпевшей: «Признавая показания потерпевшей Г-вой Нади достоверными, заслуживающими внимания и доверия, судебная коллегия учитывает, что отдельные неточности в ее показаниях, в частности запамятование ею дат и других второстепенных обстоятельств свойственны ребенку ее возраста, страдающему пониженной памятью».

В то же время нередко на путь переоценки и истолкования в сексуальном смысле происшедшего события девочек зачастую толкают родители, которые неумело и грубо принимаются расспрашивать дочь о том, что с нею произошло. Испуганные родители пугают и ребенка.

Адвокату не лишне знать справедливое суждение судебного врача В. А. Надеждина о природе ложных обвинений мужчин в половых преступлениях как взрослыми женщинами, так и детьми: по его мнению, ложные обвинения в этом «нередки как со стороны детей, так и взрослых. Ложь может быть болезненной, а иногда сознательной. Дети, подученные принести жалобу с обвинением того или иного лица в половом преступлении, большей частью рассказывают о случившемся в высшей степени торжественно, с употреблением каждый раз даже тех слов и интонаций. В каждом случае подобных обвинений необходимо у детей обязательное исследование половых органов и общего состояния здоровья и особенно психики ребенка (случаи патологической лжи), а также и всех обстоятельств дела. Обвинение в покушении или самом изнасиловании, исходящее от (истеричек) взрослых нередко также имеют

---

[54] «Известия», 28 июля 1965, № 176.
[55] См., например, Штерн В. Особенности юношеской эротики и половая жизнь. «Социальная гигиена», 1927, № 2/10.

или патологическую почву (галлюцинации, желание обратить на себя внимание) или корыстные соображения»[56]

В прокуратуру Лужского района поступил материал от директора одной из школ о том, что двое учеников изнасиловали двух малолетних девочек, ходивших в лес за ягодами. Причем, в заявлении подробно описывался и сам половой акт так, как он выглядит в детском представлении. В ходе расследования оказалось, что ни изнасилования, ни даже покушения на изнасилование не было. А подробности полового акта, изложенные детскими словами, оказались творчеством некоторых педагогов. Своими расспросами они невольно заставили двух потерпевших малолетних девочек удовлетворить их «педагогическое» любопытство и отвечать утвердительно о том, чего никогда не было. В действительности же пареньки решили поозорничать и хотели снять с девочек штанишки. Когда же те закричали, то «насильники» в испуге разбежались в разные стороны.

Адвокат должен постоянно помнить, что девочка на допрос к следователю приходит всегда уже «допрошенная» родителями (или педагогами и другими лицами), а поэтому нередко с внушенными ей представлениями. Поэтому адвокату, начинающему допрос такой потерпевшей, необходимо не только терпение и сдержанность, но и незаурядное умение, знание детской психики, чтобы в конце концов отсеять из показаний малолетней все лишнее, наносное и определенно разграничить, где в этих показаниях правда, где ложь, внушение, фантазия и заблуждение.

Особенно пагубно на показания несовершеннолетней влияют повторные допросы, ибо каждый лишний допрос может лишь осложниться добавочным внушением. Если адвокат, знакомящийся с уголовным делом, видит в материалах несколько допросов несовершеннолетней, то эти показания следует сопоставить между собой и лучше всего поэпизодно, чтобы проследить возможную трансформацию показаний.

Очень хорошо видна картина нарастания обвинительных доказательств в неоднократных допросах четырнадцатилетней девочки, к которой в женском туалете пристал взрослый мужчина. В своем заявлении, поданном в следственные органы, она писала буквально следующее: «Сразу же пришел мужчина, схватил меня и начал меня прижимать».

Допрошенная в этот же день следователем девочка показала: «Он меня сразу схватил за плечи пальто и стал меня таскать по уборной, потом хотел повалить. Я сопротивлялась, хватала его за волосы и оцарапала лицо. За половой орган он меня не хватал и брюк своих не расстегивал. Когда он меня схватил первоначально, то мне говорил: «Дай пощупать».

Вновь допрошенная через пятнадцать дней потерпевшая уже дает показания, прямо обвиняющие этого мужчину в развратных действиях, если не попытке к изнасилованию: «Мужчина стал меня валить на пол, руками лез между ног, пытался снять трусы, тянул их, но ему не удавалось это сделать, ибо все время я отталкивала рукой. Когда ему удалось повалить меня на пол, он наклонился надо мной, но в этот момент прибежала в уборную женщина. Мужчина лез ко мне под платье. Женщина крикнула на него. На меня он не успел лечь, помешала женщина».

Так, если вначале она говорила, что мужчина ее просто «прижимал», на пол не валил, за половые органы не трогал, брюк своих не расстегивал, то при последнем допросе она уже категорически утверждала, что лежала на полу и с ней не был совершен половой акт лишь по простой случайности.

---

[56] Надеждин В. А. Судебная медицина для медиков и криминалистов. Л., 1925.

В определении судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 29.03.72 г. подчеркнуто: «Обвинение в изнасиловании не может быть основано на противоречивых показаниях потерпевшей, не подтвержденных другими доказательствами по делу»[57].

Судебная и следственная практика знает довольно многочисленные случаи, когда взрослые женщины заявляют об их изнасиловании ложно. При этом они оговаривают в совершении изнасилования хорошо известных им мужчин, с которыми, как выясняется в дальнейшем, неоднократно встречались и подчас в весьма интимной обстановке. В основе таких оговоров чаще всего лежат корыстные мотивы: месть за отказ мужчины от вступления в брак с заявительницей, попытка принудить ко вступлению в таковой, получение различных материальных выгод. Иногда такие заявления «потерпевших» служат целям скрыть от окружающих факт добровольного вступления в половую связь, угрожающую широкой оглаской, которая компрометирует их в глазах окружающих, родственников, мужа и т. п.

Показателен в этом отношении следующий довольно типичный случай, ставший предметом рассмотрения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР.

Из материалов дела видно, что настоящее дело возникло на основании заявления К. о том, что 29 июля 1945 г. ночью ее изнасиловали четыре человека, в том числе С. и Р. На предварительном и судебном следствии обвиняемые С. и Р. виновными себя не признали и показали, что К. не изнасиловали, что они в эту ночь находились у себя дома и что она оговаривает их из-за плохих взаимоотношений между ними. Объяснение С. и Р. о том, что они в эту ночь находились дома, подтвердили свидетели Халилова А., Халилова Ш., Бабаева, Слепушкина, Агабабова и другие... Из заключения судебно-медицинской экспертизы видно, что у К. признаков изнасилования не обнаружено. Кроме того, С. не отрицает того обстоятельства, что он в течение некоторого периода времени находился с К. в интимных отношениях и так как на ее неоднократные предложения зарегистрироваться в ЗАГСе он отказался, она подала клеветническое заявление. Это объяснение С. подтверждается показаниями свидетеля Халилова А. При наличии таких данных у суда не было оснований для вынесения обвинительного приговора в отношении С. и Р. Верховный Суд СССР при этом справедливо указал, что «...Суд обязан особо критически относиться к показаниям лица, выступающего в качестве потерпевшего, как лица, заинтересованного в исходе дела»[58]

Судебные органы, отменяя приговоры по делам об изнасиловании в кассационном порядке, неоднократно обращали внимание на необходимость серьезной оценки достоверности показаний потерпевших по делам об изнасиловании. Тем более важно, что, как уже указывалось выше, такие дела возбуждаются по заявлениям потерпевших, о чем заявители, разумеется, хорошо знают.

Поэтому адвокат, осуществляющий защиту обвиненного в изнасиловании, должен тщательно анализировать показания потерпевших. Такой анализ производится в четырех направлениях: а) анализ содержания самих показаний, б) соотношение сообщаемых фактов с обнаруженными при производстве следственных действий (следственный осмотр, обыск, проверка показаний на месте) наличной обстановкой и следами происшедшего; в) соответствие повреждений на теле потерпевшей, установленных судебно-медицинским исследованием, с обстоятельствами, о которых

---

[57] «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1972, № 3, с. 31.
[58] Определение Верховного Суда СССР от 16 февраля 1946 г. — «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1946, вып. 4.

сообщает потерпевшая; г) наличие или отсутствие противоречий показаний потерпевшей с одной стороны, подзащитного и свидетелей, с другой стороны.

Кроме того, адвокату важно в таких ситуациях выяснять действительные взаимоотношения потерпевшей и подзащитного до того, как произошел инкриминируемый последнему случай изнасилования: не были ли они прежде в интимных отношениях между собою, не высказывалось ли какой-либо из сторон намерений жениться, не связаны ли потерпевшая и подзащитный материальными интересами, каково семейное положение потерпевшей. Небезынтересны и обстоятельства, последовавшие за инкриминируемыми подзащитному фактами не явилась ли, в частности, половая связь потерпевшей с подзащитным предметом обсуждения в их окружении на работе или в быту.

В положительных случаях показания потерпевшей всегда должны ставиться под сомнение. Немаловажна здесь проверка логической структуры их содержания и особенно в изложении обстоятельств изнасилования: наличие внутренних противоречий, несоответствие происшедшего той обстановке, где это происходило, отсутствие объективных данных, которые подтверждали бы объяснения заявительницы об ее изнасиловании, умолчания последней о тех или иных обстоятельствах, которые стали известны из других источников.

Аналогичным образом необходимо исследовать и показания потерпевших по делам о понуждениях к вступлению в половую связь. Такие дела тоже сравнительно часто возникают в связи с ложными заявлениями потерпевших, сделанными по причинам неприязненных отношений с руководителями, с целью избавиться от последствий своего нерадивого отношения к служебным обязанностям, добиться неоправданного продвижения по службе, получения льгот и преимуществ, материальных выгод и т. п.

Рассмотрим в качестве примера случай, где пристальная и объективная оценка показаний потерпевшей привела к обоснованному оправданию судом обвиненного в изнасиловании.

Н. обвинялся в том, что он 16 июня 1965 г. изнасиловал Галину К. дважды совершив с нею половое сношение. Суд нашел в показаниях потерпевшей следующие весьма существенные противоречия, подрывающие доверие к правдоподобности излагаемых ею событий:

а) совершая с ней половой акт в первый раз, Н., по словам потерпевшей, оторвал ей на платье пуговицы. В судебном же заседании потерпевшая стала говорить, что он просто расстегнул пуговицы;

б) на предварительном следствии потерпевшая говорила о том, что перед совершением второго полового акта Н. повалил ее на землю, а в судебном заседании она заявила, что она «легла сама и расставила ноги»;

в) об обстоятельствах, сопровождающих само половое сношение, она также дала противоречивые показания.

Обвинение в изнасиловании суд приговором от 20—21 октября 1965 г. отверг.

Весьма критически следует относиться к заявлению и показаниям потерпевших об изнасиловании, понуждении ко вступлению в половую связь, развратных действиях в отношении несовершеннолетних, если они сделаны по прошествии более или менее значительного промежутка времени после события, о котором заявляется.

Подчас при установлении истинных мотивов запоздалой подачи заявления иногда совершенно меняется картина самого происшествия и вместо изнасилования оказывается, например, добровольное половое сношение.

М. подала заявление в Кингисеппскую районную прокуратуру о том, что 8 марта она была изнасилована гр-ном Ш. В ходе расследования

выяснилось, что заявление подано потому, что мужу М. стало известно о ее связи с Ш. Жена объясняла свою связь изнасилованием и в доказательство правдоподобности объяснений, при настойчивом требовании мужа, написала заявление прокурору. Муж, узнав, что прокурор не собирается привлекать «насильника» к ответственности, зарядил ружье и пошел сам расправляться с соперником.

Невыяснение обстоятельств и причин запоздалой подачи заявления об изнасиловании является поводом к отмене приговора. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 16.04.39 г. был отменен приговор по делу Хамраева и других, потому что суд не выяснил почему потерпевшая подала об изнасиловании ее лишь через 24 дня после происшедших событий.[59]

Внимательной оценки требуют по делам о половых преступлениях и свидетельские показания. Это особенно связано с тем, что половые преступления совершаются, как правило, в «интимной обстановке» и непосредственные очевидцы самих этих событий на практике встречаются редко.

С другой стороны, свидетельские показания могут быть умышленно ложными. Возможно в их содержании и добросовестное заблуждение. Отдельные обстоятельства в свидетельских показаниях могут быть искажены и в связи с тем, что последние свидетельствуют «по слухам»).

Показания свидетелей сами по себе неопределенны и неясны. Адвокат любые свидетельские показания должен взвесить и оценить с трех позиций:

1) можно ли допустить, что свидетель дает заведомо ложные показания;

2) возможно ли предположить, что свидетель говорит искренне;

3) нет ли в показаниях свидетеля ошибки.

Адвокат должен при оценке показаний свидетелей исходить из важности содержания показаний и его отношения к главному факту.

Верховный суд СССР в определении от 16 февраля 1946 г. записал: «Показания свидетельницы М. о том, что она видела, как 29 июля вечером С. и Р. с К. пошли гулять, не может быть оценены как доказательство, так как она ничего не видела и не знает, что между ними произошло после» [60]

С. и Р. обвинялись в групповом изнасиловании К. Суд справедливо посчитал, что доказательством по групповому изнасилованию показания свидетеля могут быть приняты доказательством, если они указывают на главный факт, т. е. когда свидетель был очевидцем самого изнасилования или таких обстоятельств, которые подтверждают несомненность доказываемого факта.

Существенное значение имеет выяснение фактических отношений свидетеля к обвиняемому и потерпевшему. Поэтому должны подвергаться тщательному анализу показания свидетелей по делам об изнасиловании, понуждении к вступлению в половую связь и развратных действиях, если свидетели являются родственниками или знакомыми одной из сторон, дают показания о случившемся, ориентируясь на содержание сообщений, сделанных ими, о происшедшем самими потерпевшими. Следует учитывать, что при этом такие свидетели дают свою оценку происшедшему соответственно своим симпатиям и антипатиям. В силу родственных и дружеских отношений такие свидетели оказываются склонными к преувеличениям.

Не могут также признаваться достоверными показания свидетелей, которые явились косвенными участниками событий, являющихся предме-

---

[59] «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР». М., 1940.
[60] «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1946, вып. 4.

том их показаний. Это, к примеру, относится к свидетельским показаниям лица, присутствовавшего при групповом изнасиловании, но непосредственного участия в нем не принимающего. Такие же ситуации складываются тогда, когда свидетельствует лицо, предоставившее помещение для интимного времяпрепровождения и не знавшее к этому моменту, что результатом окажется изнасилование, вступление в половую связь с лицом, не достигшим половой зрелости и т. п. Затем, оказавшись свидетелем по возникшему уголовному делу, такое лицо, боясь ответственности, может сознательно искажать содержание происшедшего и, разумеется, в свою пользу.

Показания свидетелей при их изучении в целях разработки тактики судебной защиты необходимо:

а) сопоставлять с действительной, объективно установленной обстановкой происшедшего;

б) проверять их соответствие и непротиворечивость исследуемым обстоятельствам;

в) выяснять, нет ли в содержании свидетельских показаний внутренних противоречий и не вступают ли они в противоречия с показаниями обвиняемого, потерпевшего лица, иных свидетелей по этому же делу;

г) не содержат ли показания свидетелей субъективных выводов и умозаключений;

д) проверены ли показания свидетелей другими процессуальными средствами (следственный эксперимент, проверка показаний на месте и т. п.).

Нужно учитывать при этом возможность добросовестного заблуждения.

Устанавливая противоречия в свидетельских показаниях, адвокат обращает на это обстоятельство внимание суда. В случаях, когда возникают сомнения в достоверности свидетельских показаний, являющихся существенным источником доказательств по делу, адвокату следует заявлять ходатайства о их проверке с выходом на место, о производстве эксперимента и т. п.

Не следует забывать об обязательности экспертных исследований, если возникают сомнения в том, что свидетель мог правильно воспринимать и осмысливать действительность в силу физических или психических патологий (ст. 79 УПК РСФСР).

§ 6. Алиби подзащитного — существенное обстоятельство при судебной защите

Половые преступления относятся к той категории дел, в которых чаще всего встречаются косвенные доказательства и факты, события и действия, которые сами по себе должны быть доказаны и стоять по отношению к главному событию в не кажущейся, а действительной связи.

Например, обнаружение повреждений на теле и одежде обвиняемого — еще не доказательство того, что именно им совершены изнасилование, развратные действия, насильственное мужеложство и т. п.

Адвокату всегда следует помнить, что если какой-либо факт или событие приводится в качестве косвенного доказательства, то должно отсутствовать всякое иное объяснение происхождения этого события, кроме того, в подтверждение которого оно приводится. Если же такое иное объяснение существует, то такое косвенное доказательство не имеет никакой силы.

Например, если у подсудимого обнаружена на одежде человеческая кровь первой группы, совпадающая с группой крови потерпевшей, то это будет являться косвенным доказательством совершенного преступле-

ния только в том случае, когда установят, что кровь подсудимого имеет другую группу.

Совпадение групп крови и спермы, обнаруженной на одежде потерпевшей с группами крови и спермы подозреваемого при отсутствии иных доказательств еще не дает полного основания утверждать бесспорность предъявленного обвинения.

«При биологическом исследовании крови Давыдова и спермы, обнаруженной на белье Н., экспертиза дала заключение о том, что группа крови и группа спермы одинаковы, в связи с чем экспертиза пришла к выводу, что обнаруженная на белье потерпевшей сперма может принадлежать Давыдову, а также любому другому лицу, имеющему кровь по группе, аналогичной группе спермы, обнаруженной на белье потерпевшей.

Такое предположительное заключение экспертизы нельзя признать достаточным доказательством по делу и не может быть положено в основу обвинительного приговора в отношении Давыдова в изнасиловании Н.» — прямо сказано в Постановлении Пленума Верховного суда СССР от 17.06.59 г.[61]

Если на месте происшествия будет найдена вещь, которой пользовался подсудимый, то необходимо установить еще и то, что этой вещью мог пользоваться только он один.

Поэтому адвокату следует проверить возможность пользования найденной вещью другим человеком, который имел возможность пользоваться этой вещью наряду с подсудимым или даже помимо него.

Отсюда, если усматривается, что на теле и одежде обвиненного в половом преступлении имеются повреждения, либо обнаружены следы крови, спермы и других выделений организма человека, адвокат интересуется у подзащитного, не могло ли их появление быть объяснено иными, а не совершением инкриминируемого преступления причинами.

Если подзащитный дает правдоподобное объяснение, при каких обстоятельствах он порвал одежду и получил телесные повреждения, то долг адвоката ходатайствовать перед судом о проверке алиби подсудимого. Судебная практика обращала серьезное внимание на то, что такие объяснения должны быть тщательно проверены и соответствующим образом оценены. В постановлении Пленума Верховного суда СССР от 11 апреля 1957 г., в частности, записано: «Бесспорно, что обнаружение во время обыска и изорванной одежды, принадлежащей Меховскому, и наличие у него телесных повреждений — серьезные косвенные улики против Меховского. Однако их без других доказательств нельзя еще считать достаточными для признания его виновным в совершении преступления, тем более что Меховский привел серьезные доводы, свидетельствующие о том, что одежда была порвана им за несколько дней до убийства Гладилиной. Меховский показал, что одежду он изорвал 25 июня когда возвращался в нетрезвом состоянии из лесозаготовительного участка «Ясная Поляна» в Анучино. Тогда он неоднократно падал с велосипеда и получил обнаруженные на нем царапины и ссадины».[62]

Эти данные наряду с другими легли в основу выводов о недоказанности предъявленного Меховскому обвинения в убийстве и изнасиловании потерпевшей.

Сила любого доказательства зависит прежде всего от тех оснований, на которые она опирается, а затем от его достоверности.

Безусловной проверке подлежит также алиби подсудимого, который доказывает, что в момент, когда совершено инкриминируемое ему преступ-

---

[61] Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса 1946—1962. М., 1964.

ление, он находился в другом месте, а потому не мог его совершить. Такие объяснения подсудимого подлежат обязательной проверке.

Верховный суд СССР всегда подчеркивал важность проверки алиби, выдвинутого подсудимым по делам об изнасиловании.[63] В одном из определений по конкретному делу прямо указывалось, что «поскольку тщательное и всестороннее исследование вопроса об алиби, выдвинутого Меховским, имеет существенно значение для выяснения причастности его к изнасилованию и убийству Гладилиной», то невыяснение этого обстоятельства послужило одним из оснований для отмены приговора и направления уголовного дела на дополнительное расследование.

В предлагаемой вниманию адвокатов работе рассмотрены далеко не все особенности судебной защиты по делам о половых преступлениях, ибо невозможно охватить всех конкретных обстоятельств, при которых они совершаются, дать исчерпывающий анализ ошибок следственной и судебной практики по этим делам, а также практики судебной защиты.

При написании этой работы автор руководствовался стремлением дать адвокату ряд рекомендаций, которые могли бы помочь разработать наиболее целесообразную тактику защиты по половым преступлениям.

В предлагаемом пособии изложены проблемы, наиболее сложные, наиболее часто встречающиеся в практике судебной защиты.

---

[62] Сборник постановлений Пленума и определений Коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса 1946—1962 гг. М., 1964.

[63] Определение от 11.04.57 г. — Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса 1946—1962 гг. М., 1964.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Подписано в печать 23.03.77. Заказ 2-Д. Тираж 6000 экз.
Формат бумаги $60 \times 84^1/_{16}$. Цена 30 коп.

Типография № 2 Ленуприздата, 192104, Ленинград, Литейный пр. 55.

Цена 30 коп.

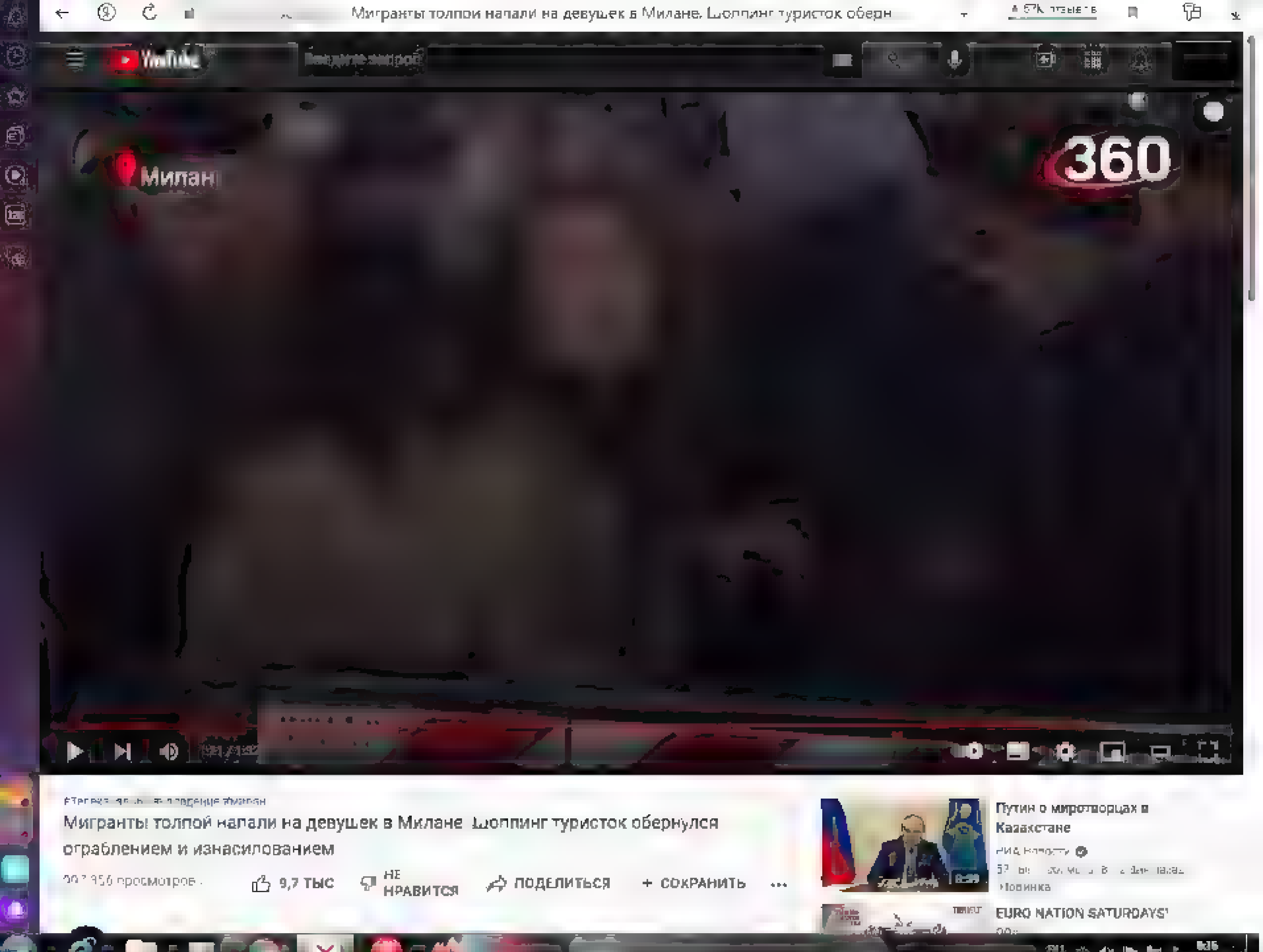

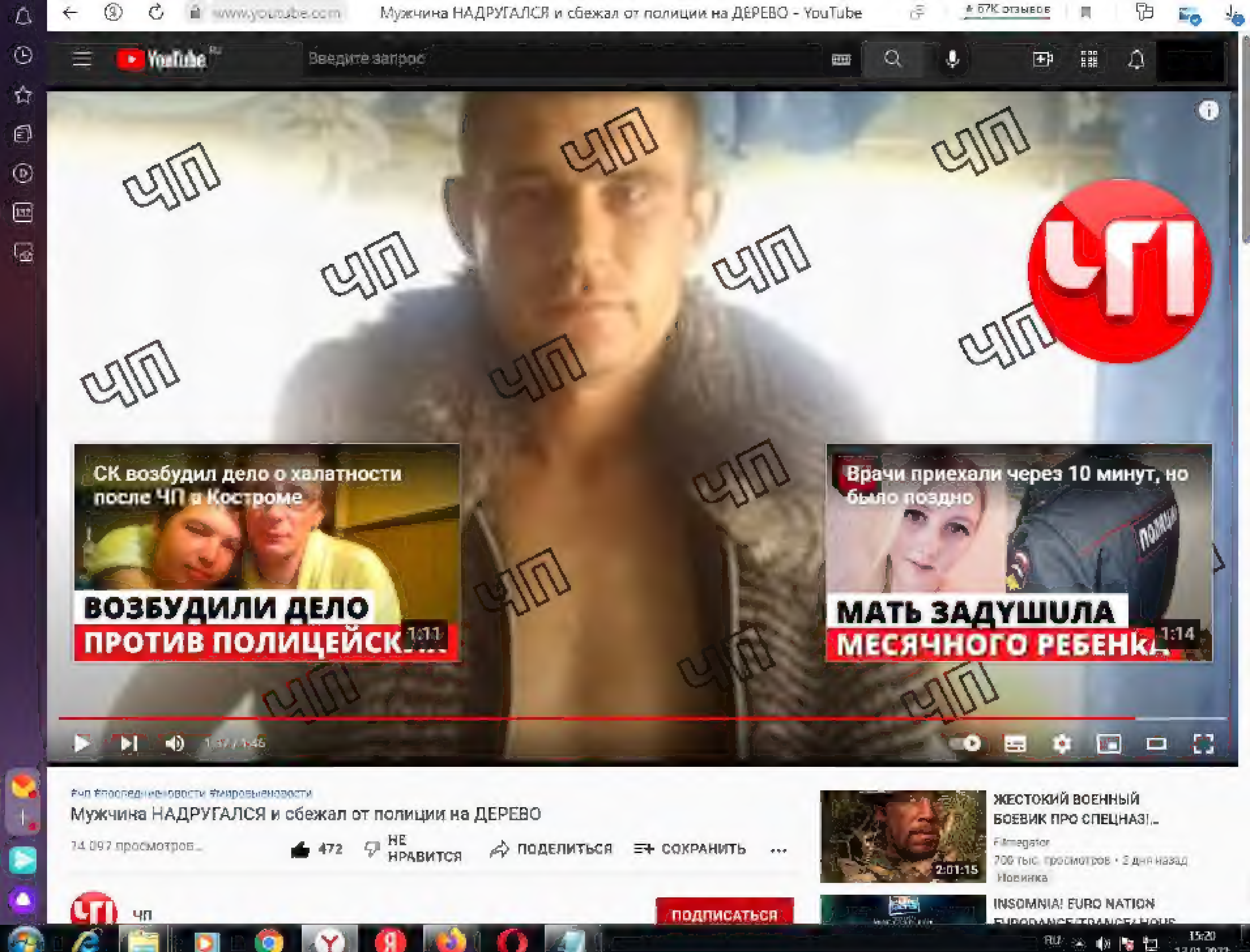

SCORE
01572
RATIO
81%
TIME
026

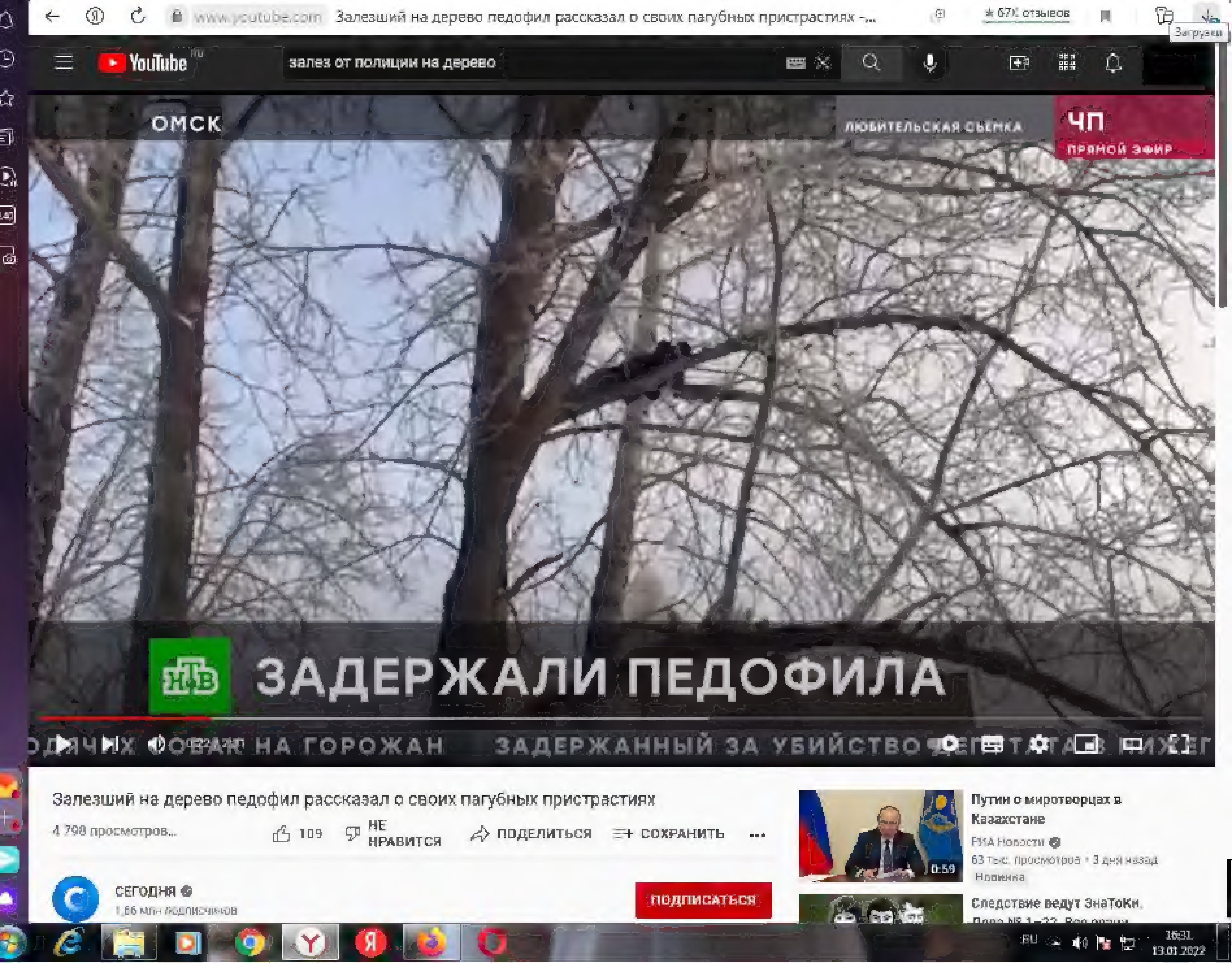

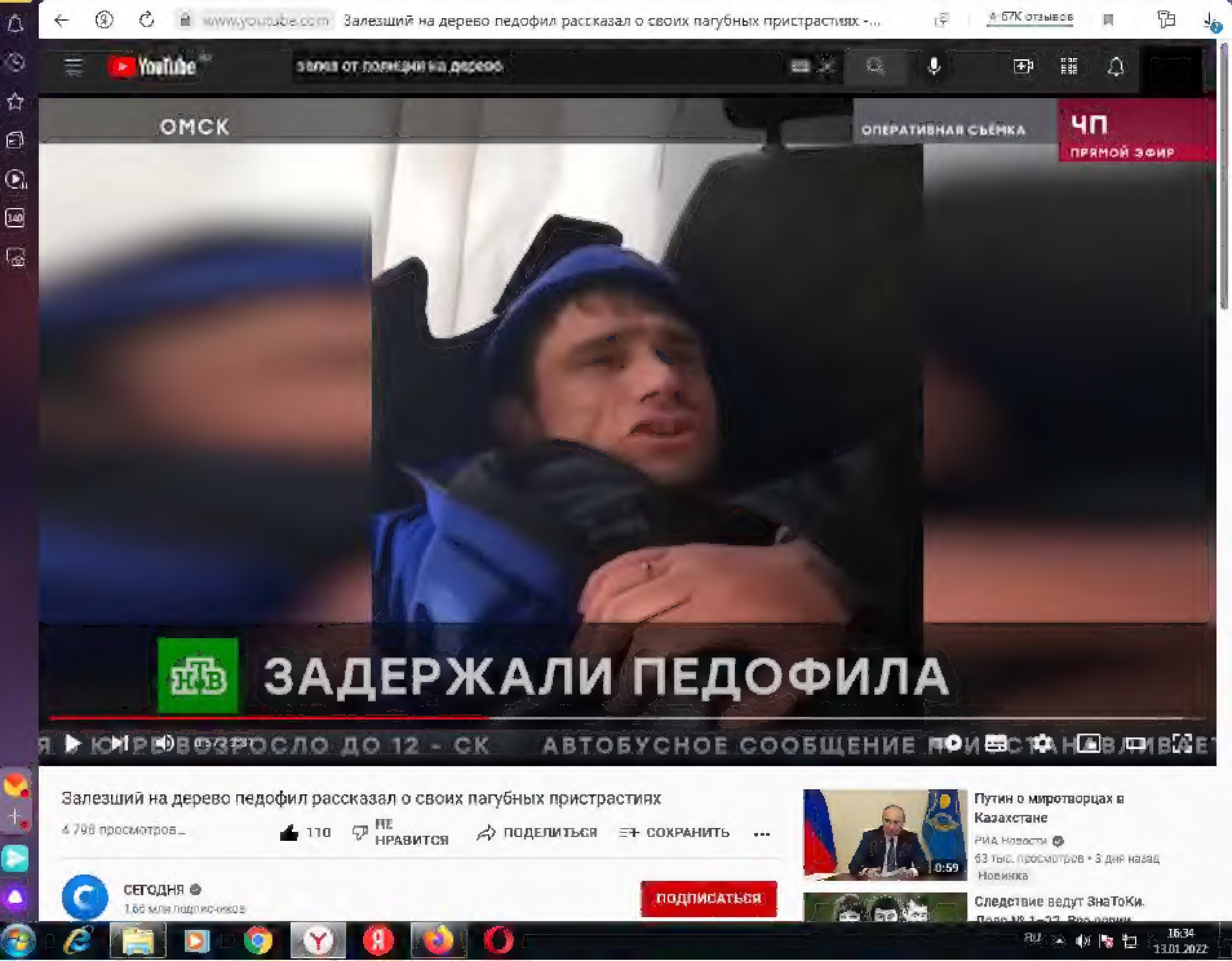

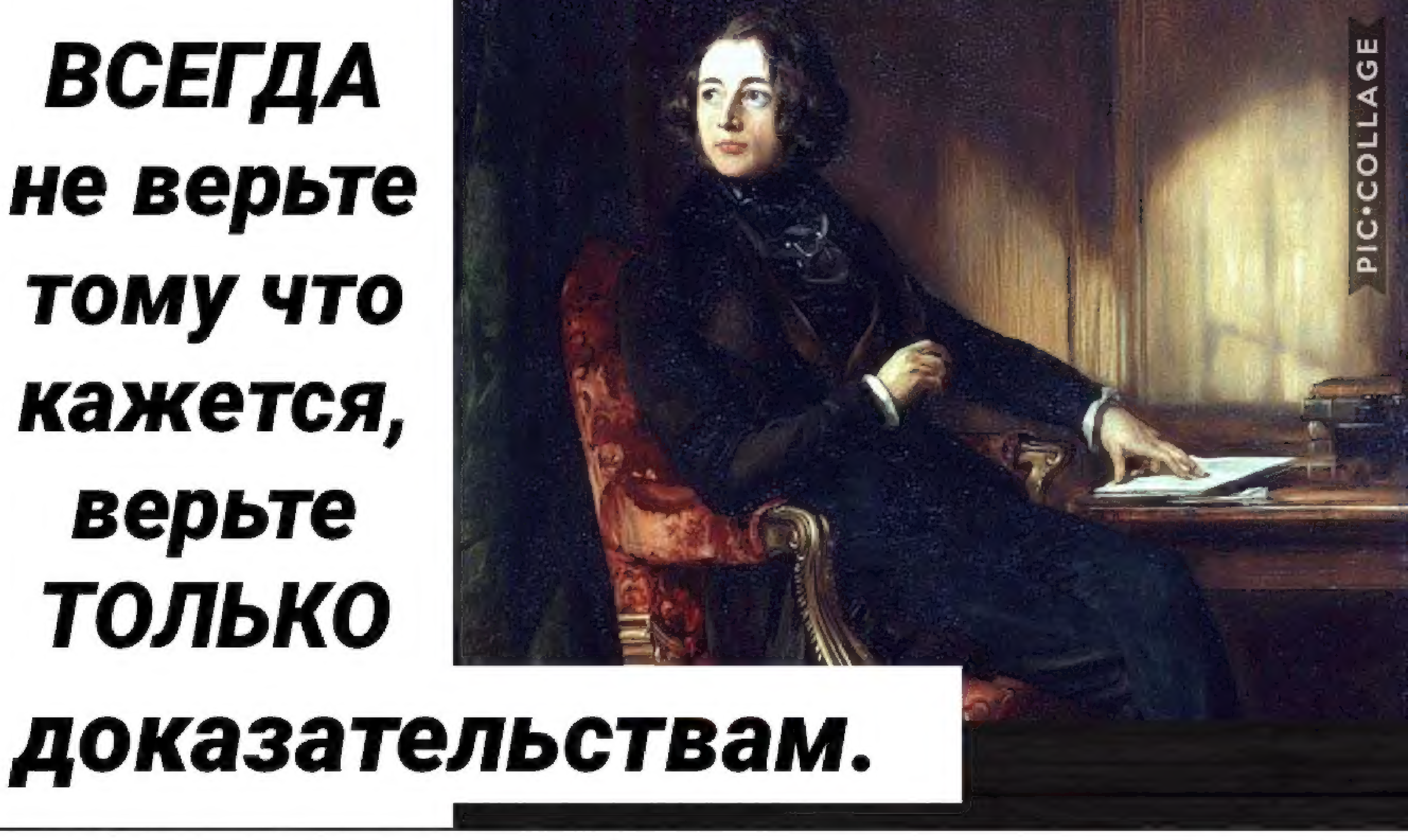
YouTube
Милан
360
Мигранты толпой напали на девушек в Милане. Шоппинг туристок обернулся ограблением и изнасилованием
9,7 ТЫС
НЕ НРАВИТСЯ
ПОДЕЛИТЬСЯ
СОХРАНИТЬ
Путин о миротворцах в Казахстане
Новинка
EURO NATION SATURDAYS'

Мужчина НАДРУГАЛСЯ и сбежал от полиции на ДЕРЕВО - YouTube
Введите запрос
ЧП
СК возбудил дело о халатности после ЧП в Костроме
ВОЗБУДИЛИ ДЕЛО
ПРОТИВ ПОЛИЦЕЙСК...
Врачи приехали через 10 минут, но было поздно
МАТЬ ЗАДУШИЛА
МЕСЯЧНОГО РЕБЕНК...
1:14
Мужчина НАДРУГАЛСЯ и сбежал от полиции на ДЕРЕВО
472
НЕ НРАВИТСЯ
ПОДЕЛИТЬСЯ
СОХРАНИТЬ
ЖЕСТОКИЙ ВОЕННЫЙ БОЕВИК ПРО СПЕЦНАЗ!...
2:01:15
INSOMNIA! EURO NATION
ПОДПИСАТЬСЯ
15:20
13.01.2022

www.youtube.com
Залезший на дерево педофил рассказал о своих пагубных пристрастиях -...
★ 67К отзывов
Загрузки
YouTube
залез от полиции на дерево
ОМСК
ЛЮБИТЕЛЬСКАЯ СЪЕМКА
ЧП
ПРЯМОЙ ЭФИР
НТВ
ЗАДЕРЖАЛИ ПЕДОФИЛА
НА ГОРОЖАН
ЗАДЕРЖАННЫЙ ЗА УБИЙСТВО
Залезший на дерево педофил рассказал о своих пагубных пристрастиях
4 798 просмотров...
109
НЕ НРАВИТСЯ
ПОДЕЛИТЬСЯ
СОХРАНИТЬ
СЕГОДНЯ
1,66 млн подписчиков
ПОДПИСАТЬСЯ
Путин о миротворцах в Казахстане
РИА Новости
63 тыс. просмотров • 3 дня назад
Новинка
0:59
Следствие ведут ЗнаТоКи.
16:31
13.01.2022

Залезший на дерево педофил рассказал о своих пагубных пристрастиях - ...
ОМСК
ОПЕРАТИВНАЯ СЪЁМКА
ЧП
ПРЯМОЙ ЭФИР
ЗАДЕРЖАЛИ ПЕДОФИЛА
АВТОБУСНОЕ СООБЩЕНИЕ
Залезший на дерево педофил рассказал о своих пагубных пристрастиях
110
НЕ НРАВИТСЯ
ПОДЕЛИТЬСЯ
СОХРАНИТЬ
СЕГОДНЯ
ПОДПИСАТЬСЯ
Путин о миротворцах в Казахстане
РИА Новости
0:59
Новинка
Следствие ведут ЗнаТоКи.
16:34
13.01.2022

Чарльз Диккенс. «Большие надежды» 1861 г.